

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

Л. Н. СМИРНОВ

**СЛОВАЦКИЙ
ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК
ЭПОХИ
НАЦИОНАЛЬНОГО
ВОЗРОЖДЕНИЯ**

Москва
2001

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

Л. Н. СМИРНОВ

СЛОВАЦКИЙ
ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК
ЭПОХИ
НАЦИОНАЛЬНОГО
ВОЗРОЖДЕНИЯ

Москва
2001

В монографии рассматривается широкий комплекс историко-культурных, социолингвистических и лингвистических проблем, связанных с изучением процесса возникновения и развития литературного словацкого языка в конце XVIII – середине XIX вв. Подчеркивается важная роль языкового вопроса в политических, идеологических и культурных программах словацкого национально-возрожденческого движения. Прослеживаются этапы становления норм литературного словацкого языка, подробно освещается деятельность выдающихся словацких кодификаторов (А. Бернолака, Л. Штура и М. Гатталы). Значительное внимание уделяется теоретическому осмыслению вопроса о начальном рубеже истории литературного словацкого языка и проблемы его диалектной основы. С привлечением богатейшего фактического языкового материала исследуются некоторые вопросы словообразования и развития лексики формирующегося литературного языка.

Для славистов-филологов, историков и культурологов, для всех тех, кто интересуется историей славянской культуры.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР

доктор филологических наук Г. К. Венедиктов

РЕЦЕНЗЕНТЫ

доктор филологических наук профессор В. К. Журавлев
кандидат филологических наук М. И. Ермакова

ISBN 5-7576-0122-1

© Институт славяноведения

РАН, 2001 г.

© Л. Н. Смирнов

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эпоха национального возрождения (конец XVIII – вторая половина XIX вв.), стержневым содержанием которой в жизни славянских народов были процессы формирования современных наций, стала определяющей и в истории национальных литературных языков славян. Именно в эту эпоху возникают новые литературные языки или же качественно обновляются и получают новый статус существовавшие ранее литературно-письменные языки. Они занимают все более важное место в комплексе коммуникативных средств конкретной формирующейся нации, существенно изменяя стратификационную парадигму ее этнического языка. Литературный идиом, базирующийся на народно-разговорной речи, постепенно становится общенациональным литературным языком данного народа. Он выполняет важную национально-репрезентативную функцию, выступает не только средством общения, литературного и научного творчества, но и как существенный фактор усиления национального самосознания, консолидации нации и развития национальной культуры.

Изучение истории славянских литературных языков не может ограничиваться только собственно лингвистическим аспектом (исследованием закономерностей развития разных уровней языковой структуры формирующихся литературных языков, их фонетического и грамматического строя, словарного состава, системы словообразования и т. п.). Наиболее плодотворным и перспективным оно может быть при комплексном, междисциплинарном подходе. Это вполне согласуется с современным пониманием «истории литературного языка» как автономной, особой научной дисциплины комплексного характера (не совпадающей по предмету и методам исследования с историей языка вообще). По самой своей сути история литературного языка может «строиться» лишь в органической связи с историей народа – носителя данного литературного языка, с историей письменности этого народа, его литературы и духовной культуры. Поэтому наряду с лингвистическим аспектом для нее существенное

значение имеют также аспекты социолингвистический (проблема соотношения языка и общества) и историко-культурный (проблема соотношения языка и культуры).

Вопросы истории литературных славянских языков эпохи национального возрождения привлекали и привлекают пристальное внимание отечественных и зарубежных ученых. По этой проблематике имеется обширная научная литература. В ее разработку заметный вклад внесли, в частности, лингвисты Института славяноведения РАН, которые с 70-х гг. XX в. стали особенно активно исследовать вопросы становления национальных литературных языков западных и южных славян.

Вместе с тем многие проблемы, связанные с изучением возникновения, развития и функционирования славянских литературных языков в эпоху национального возрождения, еще не получили должного научного освещения или же остаются дискуссионными.

В значительной мере это относится, в частности, и к изучению истории словацкого литературного языка. В этой области словакистики также накоплена богатая литература, имеются бесспорные достижения. Тем не менее, данная проблематика продолжает активно обсуждаться. Даже по ряду принципиально важных вопросов среди словакистов наблюдаются определенные расхождения. Предлагая вниманию читателей данную монографию, мы хотели бы внести свою лепту в научное освещение сложной, интересной и актуальной проблематики истории литературного словацкого языка эпохи национального возрождения.

При написании монографии мы, естественно, опирались на ряд тематически связанных с ней своих статей и других научных публикаций (см. «Приложение»). Использовались также материалы лекционного курса «История словацкого литературного языка», который читался нами на филологическом факультете МГУ им. М. В. Ломоносова. В данной книге мы стремились реализовать охарактеризованный выше комплексный подход к изучению проблем становления и развития литературного словацкого языка.

Считаем своим приятным долгом сердечно поблагодарить ответственного редактора монографии д.ф.н. Г. К. Венедиктова, рецензентов – д.ф.н. В. К. Журавлева и к.ф.н. М. И. Ермакову, к.ф.н. В. С. Ефимову, которая подготовила оригинал-макет издания, а также Е. Н. Овчинникову, помогавшую при технической подготовке рукописи к печати.

Глава 1

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ СЛОВАЦКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА В ЭПОХУ НАЦИОНАЛЬНОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ (1780 – 1848)

Вопрос о литературном языке словаков на начальном этапе национального возрождения. Языковая реформа Антона Бернолака

Начало эпохи словацкого национального возрождения относится к 80-м годам XVIII в.¹. Это были переломные годы в истории словацкого народа: начинался процесс постепенного превращения словацкой народности в нацию. Отражением этого объективно-исторического процесса явилось пробуждение национально-этнического самосознания словаков, зарождение основ национальной словацкой идеологии. В условиях двойного национального гнета (со стороны правящих слоев немецкой и венгерской наций) особое значение приобретает борьба словаков за равноправие, за родной язык и национальную культуру. На протяжении всей эпохи национального возрождения, которая длилась до середины XIX в., языковой вопрос был очень важным и актуальным. Он занимал значительное, а порой и доминирующее место в идеологических, культурных и политических программах словацкого национального движения того времени. Правда, на разных этапах словацкого национального возрождения языковой вопрос в целом и прежде всего вопрос о литературном языке словаков решался по-разному. Неодинаковыми были идейные и социально-политические мотивы его постановки, обнаруживались определенные расхождения также в теоретическом и историко-философском обосновании путей и способов решения этих вопросов.

В языковом плане начальный этап словацкого национального возрождения ознаменовался реформой А. Бернолака (1762–1813), с именем которого связана теоретическая разработка и практическое

осуществление первой научно обоснованной программы кодификации *литературного* словацкого языка. Как известно, в силу специфических условий формирования словацкой народности словаки до конца XVIII в. не имели кодифицированного литературного языка на основе родной речи. Начиная с XV в., словаки наряду с латынью и использовали в литературно-письменной сфере чешский язык. Предпринятая Бернолаком и его последователями попытка ввести в литературу словацкий язык была связана с общими задачами национально-возрожденческого движения словаков, с процессом формирования нации и становления словацкой национальной идеологии. Языковая реформа Бернолака явилась объективным следствием коренных социально-политических, экономических и идеологических сдвигов в общественной жизни Словакии конца XVIII века². В это время многонациональная Австрийская империя, в состав которой входила и территория Словакии, вступила в полосу серьезных перемен, вызванных к жизни кризисом старого феодального строя, развитием социальных и национальных движений народов империи, процессом зарождения экономических, политических и национальных отношений капиталистической эпохи. И здесь постепенно развиваются элементы новых производственных отношений, появляются мануфактуры, расширяется производство сукна, кожи и других товаров, развивается горнодобывающая промышленность, оживляется торговля и т. п. Словацкие историки отмечают: «Феодальный общественный порядок и в Словакии вступает в эпоху открытого, продолжительного и уже неизлечимого кризиса, который в сущности затрагивает все сферы общественной жизни»³. Существенной чертой, отражающей новые веяния, было то, что наряду с феодально-дворянским сословием к общественной жизни подключается городская и сельская мелкая буржуазия. Однако словацкая буржуазия была тогда еще слаба и малочисленна. Это наложило определенный отпечаток на зарождающееся национальное движение словаков: выразителями национальных требований и устремлений являются главным образом представители словацкой патриотической интеллигенции – народные «будители». Они много делают для просвещения своего народа, для пробуждения и усиления национального самосознания словаков. Существенную роль играет то, что среди этой интеллигенции (священников, учителей, врачей, адвокатов и т. п.) подавляющее большинство составляют люди недворянского происхождения⁴. Наличие в словацком национально-возрожденческом

движении значительной демократической прослойки создало благоприятную почву для восприятия словацким обществом прогрессивных просветительских идей, получивших распространение в Западной Европе. Все это способствовало оживлению общественной и культурной жизни Словакии, пробуждающейся от феодальной спячки. Важную роль в рассматриваемый период сыграли и некоторые реформы «просвещенного абсолютизма», проведенные во время правления Марии-Терезии и Иосифа II (в частности, манифест об отмене личной крепостной зависимости крестьян, патент о веротерпимости, меры, направленные на расширение деятельности светских школ, декрет о правах местных народных языков).

В плане развития языка и письменности в Словакии реформу Бернолака нельзя считать неожиданным или искусственным актом. Чтобы это показать, необходимо хотя бы кратко охарактеризовать языковую ситуацию в Словакии XVIII века и прежде всего положение в литературно-письменной сфере.

В это время в качестве письменных языков в Словакии использовались латынь, чешский, немецкий и венгерский языки (в Восточной Словакии в некоторых видах письменности спорадически применялся и польский язык). Правда, роль этих языков в культурной жизни словаков была далеко не одинаковой.

Особое положение занимал чешский язык, что было обусловлено спецификой развития словацкой народности. В средневековой Словакии, как и в других частях Венгерского королевства, официальным письменным языком была латынь. Она использовалась в сущности во всех сферах общественно-культурной жизни. В качестве средства «высокого стиля» латынь сохранила свои позиции и в XVIII веке. На латинском языке издавались религиозные трактаты, научные труды, высокая поэзия и т. п. Писать на латинском языке считалось признаком образованности. Однако в XVIII в. латынь в Словакии имела уже сильного конкурента, который вытеснил ее из «низших» сфер общественной коммуникации и применялся наряду с ней в некоторых жанрах «высокого стиля». Это был чешский литературный язык. Он проник в Словакию еще в XIV в.⁵, а с XV в. уже выступал в функции литературно-письменного языка словацкой народности. Ему принадлежит важная роль в развитии словацкой национальной культуры и, в частности, в процессе становления словацкого литературного языка⁶. В силу структурной близости словацким диалектам он был более понятен и доступен местному

словацкому населению, чем остальные письменные языки. С XVI в. в связи с реформацией заметно расширяются общественные функции чешского языка в Словакии. Большое значение имело то, что он становится признанным литургическим языком словацких протестантов. Он успешно конкурирует с латынью в деловой, административно-правовой письменности. На нем публикуются также произведения научного и литературно-художественного характера.

В функциональном отношении чешский язык в Словакии имел все же определенные ограничения. Прежде всего он являлся книжным языком. В известной мере он употреблялся и в устной форме, например у словацких протестантов при совершении некоторых религиозных обрядов⁷, но все же не был повседневным разговорным языком словаков. Эту функцию выполняли главным образом местные словацкие говоры или же словацкие интердиалектные образования.

В течение длительного времени чешский язык воспринимался словаками, особенно протестантского вероисповедания, как культивированная форма языка, соотнесенная с их диалектной речью. И все же между чешским и словацким языком в тот период было не только иерархическое отношение литературно-письменного языка и диалектной речи, но и отношение билингвистическое⁸. Это проявлялось, в частности, в сложном взаимодействии чешского и словацкого языков в словацкой письменности того времени.

Чешский литературный язык в Словакии испытывал на себе воздействие местной диалектной среды. В него проникали специфические словацкие языковые элементы (словакизмы), что, естественно, способствовало расшатыванию литературных норм чешского языка. Процесс «словакизации» захватывает сначала письменность практического, делового характера, а затем и другие литературно-письменные сферы⁹. Чешский язык в свою очередь оказывал заметное влияние на словацкий язык, особенно на те его коммуникативные формации, которые использовались в среде образованных людей.

Отметим еще одну особенность языковой ситуации, сложившейся в Словакии к XVIII веку. В это время уже получили заметное развитие интеграционные процессы, захватившие местные словацкие говоры. В результате оживленных контактов представителей разных говоров происходило взаимопроникновение диалектных элементов, складывание локальных смешанных разговорных образований. В устном общении словацкой интеллигенции находили применение также своеобразные интердиалектные формации, сложившиеся в

сложном взаимодействии народно-разговорной речи с чешским языком. Эти формации занимали переходную ступень между местными словацкими говорами и чешским литературно-письменным языком. И по своим структурным признакам, и по функциональному назначению они уже не были тождественны простой диалектной речи. В словацкой лингвистической литературе для обозначения подобных переходных формаций используется термин «культурный язык». При этом, как правило, отмечаются три областные разновидности: «западнословацкий культурный язык», «среднесловацкий культурный язык» и «восточнословацкий культурный язык»¹⁰. Мы предпочитаем называть указанные формации «культурными интердиалектами». Отражение в словацкой письменности того времени характерных черт и элементов этих формаций (так, например, многие признаки «западнословацкого интердиалекта» зафиксированы в грамотах, документах, в рукописных и печатных литературных произведениях) свидетельствовало о том, что наряду с чешским литературным языком стихийно формируется своеобразный местный «культурный язык»¹¹.

Таким образом, ситуация в письменной сфере к концу XVIII в. в Словакии была довольно сложной. Если отвлечься от латыни, немецкого и венгерского языков и иметь в виду только те коммуникативные формации, которые были непосредственно связаны со словацким этническим коллективом, то и в этом случае можно констатировать наличие достаточно широкого диапазона разновидностей словацкой письменности: от печатных и рукописных книг и других письменных материалов, сохраняющих нормы чешского литературного языка, до разного рода документов и записей на словацких местных диалектах и вариантах культурного словацкого языка. Между этими двумя полюсами находились памятники письменности смешанного характера, в которых не было единой устоявшейся нормы. В одних из них преобладала чешская основа, на которую в большей или меньшей мере накладывались элементы словацкого языка (эта форма обычно называется «словакизированным чешским языком» – *slovakizovaná čeština*)¹², в других, хотя и преобладали признаки словацкого диалекта или «культурного интердиалекта», было заметно и влияние чешского языка. В рассматриваемый период, когда уже отчетливо проявлялось осознание словаками (по крайней мере частью интеллигенции) своей этнической специфики, подобные «смешения» могли являться не только

результатом длительных контактов, взаимодействия двух близкородственных языков, но и следствием сознательной деятельности, направленной на словакизацию письменности. Так, например, еще до реформы Бернолака в Западной Словакии была предпринята попытка введения в литературу словацкого языка. Здесь был издан первый словацкий роман¹³. Книги на местном словацком диалекте с применением венгерской орфографии издавались в добернолаковский период в Восточной Словакии.

Итак, в развитии языковой ситуации в Словакии в XVIII веке обнаруживаются две противоположные тенденции. Одна была связана со стремлением сохранять в словацкой письменности нормы чешского литературного языка, укреплять его позиции в культурной жизни словаков. Это было характерно прежде всего для словацкой интеллигенции протестантского вероисповедания. В среде протестантов получило распространение представление о культурном и языковом единстве словаков с чехами. В силу этого они воспринимали чешский литературный язык как свой и, естественно, выступали за его применение и культивирование. Правда, и в их лагере были авторы, в произведениях которых использовались также элементы словацкой народной речи (Д. Синапиус Горчичка, Я. Симоидес и др.). Однако с началом процесса контрреформации (XVII в.) у протестантов определяющим было стремление придерживаться в письменности норм чешского языка, восходящих к нормам языка «Кралицкой библии» (1579–1593) (в связи с этим в литературе используются термины «библейский язык», «библичтина»). Наряду с этим в их среде получает распространение также концепция «словацко-чешского языка» (*lingua Slavico-Bohemica*) как своеобразного словацкого варианта чешского литературного языка. Вторая тенденция достаточно ясно отражала стремление словаков к литературно-письменной самостоятельности, к введению в литературу словацкого языка. Это наиболее сильно проявлялось в среде образованных словаков католического вероисповедания (например, в творчестве Г. Гавловича, Й. И. Байзы и др.). Их переход на позиции литературно-письменной самостоятельности помимо прочего облегчало то обстоятельство, что у них не было таких прочных традиций использования чешского языка в литургической функции, как у словацких протестантов.

Процесс словакизации письменности в Западной Словакии зашел так далеко, что в середине XVIII в. в католической письменности

был представлен, как отмечал Э. Паулини, достаточно нормализованный национальный литературный язык, «который из-за существенных отклонений от чешского языка уже нельзя назвать лишь словакизированным чешским языком»¹⁴.

Языковая реформа Бернолака явилась продолжением сознательных стремлений словаков создавать и развивать литературу на своем родном языке. Заслуга Бернолака состоит прежде всего в том, что он первым предложил целостную программу узаконения самостоятельного литературного словацкого языка, как языка единого и нормализованного.

Антон Бернолак¹⁵ родился в семье словацкого дворянина в д. Сланица (Средняя Словакия) до 3 октября 1762 года (эта дата документально зафиксирована как день крещения, день рождения Бернолака точно не установлен). После окончания гимназии в г. Ружомберке он получает духовное образование (Братислава, Трнава). Затем в течение двух лет Бернолак изучает теологию в Венском университете. При этом он проявляет живой интерес также к истории, языкознанию, медицине, экономике и другим наукам. В Вене, центре реформаторской деятельности императора Иосифа II, молодой богослов мог познакомиться с новыми просветительскими и философскими веяниями эпохи. В 1784–1787 гг. Бернолак завершает духовное образование в генеральной семинарии в Братиславе. Решив посвятить себя делу развития национальной культуры, словацкого языка и литературы, он активно включается в работу кружка любителей родного языка. Опираясь на поддержку своих молодых коллег, Бернолак подготавливает и в 1787 г., когда ему было только 25 лет, анонимно издает свой первый знаменитый труд «Филологическо-критическое рассуждение о славянских письменах» с приложением краткого наставления по словацкой орфографии¹⁶. Годом выхода в свет этого труда, как правило, датируется начало истории словацкого литературного языка.

После окончания братиславской семинарии Бернолак в течение четырех лет исполнял обязанности католического священника в Чеклисе (ныне – Бернолаково), неподалеку от Братиславы. Однако он не оставляет и свои литературные и научные занятия: подготавливает «Словацкую грамматику»¹⁷, изданную в 1790 году. Этот труд свидетельствует не только о кодификаторских усилиях, но и о «будительских» устремлениях автора. Желая воодушевить своих соотечественников, пробудить у них любовь и уважение к родному

языку и национальной культуре, Бернолак ссылается на пример других славянских народов, которые издавна заботились о своем языке. Указывая, в частности, на труды по русскому языку, Бернолак отмечает и «Российскую грамматику» М. В. Ломоносова. Живя в Чеклисе, Бернолак много сил отдает сбору и обработке лексического материала для подготавливаемого им словацкого словаря, а в 1791 г. издает новый лингвистический труд, посвященный словацкому словообразованию¹⁸. В этом же году Бернолак переезжает в г. Трнаву. Здесь, работая секретарем архиепископского викариата и выполняя ряд других служебных функций, он все же по-прежнему много энергии, сил и времени отдает борьбе за развитие словацкой культуры, за внедрение в литературу кодифицированного им языка. С 1797 г. и до самой смерти Бернолак живет и работает в г. Нове Замки. Будучи деканом и управляющим городской школой, он не оставляет и свои занятия словацким языком. В это время Бернолак самоотверженно трудится над завершением словаря, внося в него дополнения и поправки. Он несколько раз заново переписывал рукопись словаря. Этому лексикографическому труду Бернолак придавал большое значение не только в лингвистическом и учебно-практическом, но и в широком национально-культурном плане. Он надеялся, что этот словарь станет важным фактором и средством развития выразительных возможностей литературного словацкого языка. Когда же, наконец, плод двадцатилетней, поистине титанической, работы – многотомный «Словацкий чешско-латинско-немецко-венгерский словарь» был закончен, Бернолак из-за финансовых и других трудностей не смог его опубликовать. Он вышел в свет лишь через двенадцать лет после смерти автора¹⁹. Большая заслуга в его издании принадлежит канонику Ю. Палковичу, который выступал в качестве редактора и мецената. Умер Бернолак от сердечного приступа 15 января 1813 года.

В лингвистических трудах Бернолака воплощена широкая программа по узаконению норм литературного словацкого языка, охватывающая все ярусы языковой структуры. В рамках данной главы мы можем лишь в общих чертах охарактеризовать кодификаторские усилия Бернолака, нашедшие отражение в упомянутых выше его лингвистических работах.

Правописание. Уже в первом своем труде Бернолак стремится не только обосновать принципиальную необходимость самостоятельного словацкого литературного языка, но и кодифицировать его

нормы в области орфографии и орфоэпии. К вопросам правописания он обращается и в следующих своих работах («Орфография», «Словацкая грамматика»). Он хорошо понимал, как важно для литературного языка «неопределенный и неясный способ написания <...> свести к верно установленным правилам»²⁰. Во введении к «Филологическо-критическому рассуждению» Бернолак отмечал, что этот труд был создан в соответствии с желанием «очень многих почитателей словацкого языка в Венгрии», которые хотели, чтобы кто-нибудь «обратил внимание и свой научный интерес на разработку паннонско-словацкого правописания и произношения»²¹. Бернолак стремился устранить колебания и непоследовательность словацкого письменного узуса предшествующего периода (прежде всего в католической литературе Трнавского культурного центра, на которую он в значительной мере опирался в своей нормотворческой деятельности) и показать различия словацкого и чешского языков в области орфографии.

Реформа словацкой орфографии, предпринятая Бернолаком, в определенной мере упорядочивала, унифицировала ряд черт и особенностей правописания, которые встречались ранее в словацкой письменности. Вместе с тем Бернолак проявил себя как вдумчивый аналитик, систематизатор, а по ряду вопросов орфографии и как новатор.

Его новаторство проявилось прежде всего в главных исходных принципах кодификации правописания или, как он сам называл, в «общем и основном принципе всей орфографии»²². Он считал, что правила написания нужно выводить из произношения. При разработке и систематизации этих правил Бернолак учитывал не столько произношение люда, сколько произношение «образованных и ученых», т. е. он опирался на принятый в то время разговорный язык (разговорный узус) западнословацкой интеллигенции. Это помогло ему лучше выявить специфику словацкого языка. Вторая важная особенность бернолаковской кодификации правописания состояла в стремлении каждый звук обозначать одной буквой. Наконец, следует отметить черты рационализма, характерные для обоснования Бернолаком предлагаемых изменений и улучшений орфографии.

Остановимся на некоторых конкретных рекомендациях Бернолака в области словацкого правописания и отметим наиболее характерные признаки его кодификации.

Последовательное устранение буквы *y*, поскольку *y* и *i* в произношении словаков не различаются. По мнению Бернолака, нет необходимости использовать эти буквы также для обозначения

соответственно твердости или мягкости предшествующего согласного. Поэтому он рекомендует вместо *y*(*ý*) везде писать *i*(*i*), например: *řiba* (вм. *gyba*), *rekni* (вм. *rekny*) и т. п. Примечательно, что подобное написание sporadически уже встречалось в предшествующей словацкой письменности (в частности, в произведениях Й. И. Байзы), однако только Бернолак дает его обоснование и вводит в систему словацкого правописания как его характерную особенность.

Устранение иноязычных графем *q*, *x* и замена их сочетаниями согласных *kw*, *ks* (например: *Kwartír*, *Kwintus*, *Ksenofont*).

Обозначение мягкости согласных *t*, *d*, *n*, *l* перед гласными *e* и *i* при помощи диакритических значков, т. е. написание *t'e*, *d'e*, *ňe*, *l'e*, *t'i*, *d'i*, *l'i*, *ňi*. Тенденция к обозначению мягкости знаком над самим согласным тоже проявлялась в предшествующей западнословацкой письменности, но такое обозначение последовательно не проводилось и не было кодифицировано.

Написание предлогов *s*, *z* в соответствии с произношением: *s* *Pawlom*, *s* *Pánom*, но *z* *Adamom*, *z* *ostom*.

Обозначение звука *j* графемой *g* например: *Gán*, *Gózeľ*.

Устранение ряда традиционных бегемизмов, которые встречались в западнословацкой письменности XVII–XVIII вв. Так, Бернолак отвергает употребление *v* в начале слова или слога на месте произносимого *u* и рекомендует писать в этом случае *u*, например: *učení*, а не *včenuý*, *umrel*, а не *vmrel* и т. п.; для обозначения долгого *i* он предлагает писать не *j*, как было принято, а *í*, например: *číní*, а не *činj*, *krásní*, а не *krásnj*; отвергает написание *au* на месте долгого *u*, например: *múdrí*, а не *maudruý*, *lúka*, а не *lauka*; отказывается от употребления букв *ě*, *ň*, *ř* и др.

Разрабатывая свои рекомендации в области правописания, Бернолак стремился упростить и унифицировать графическую систему словацкого языка, приспособить орфографические правила к существующему в то время произношению образованных словаков. Давая в своих трудах образцы правильного написания и произношения, Бернолак выражал надежду, что это послужит «самым действенным лекарством» от языковых ошибок. Делая в своей кодификации упор на живое произношение, Бернолак отказывается от традиционного этимологического принципа в правописании и вводит принцип фонетический.

Фонетика. Кодификацию в области фонетики Бернолак проводил, также исходя из узуса образованных людей. Наиболее подробно

фонетическая система разработана им в «Словацкой грамматике». В первой части этого труда он дает классификацию звуков словацкого языка (следует при этом отметить, что у Бернолака, как и в предшествовавшей грамматической традиции, еще нет четкого разграничения букв и звуков).

Бернолак выделяет пять гласных, которые могут быть краткими и долгими: *a (á), o (ó), e (é), u (ú), i (i)*. Для системы вокализма, предложенной Бернолаком, характерно отсутствие дифтонгов (правда, в некоторых его лингвистических трудах в отдельных словах дифтонги все же встречаются, но такие слова он обычно оценивает как диалектные, а не литературные). Эта черта, так же, как отсутствие в составе вокализма специфического среднесловацкого гласного *ä* и некоторые другие признаки, указывает на западно-словацкий характер источника кодификации.

В системе консонантизма, наоборот, можно обнаружить некоторые черты среднесловацкого диалектного типа. Бернолаковщина отличается от западнословацких говоров прежде всего наличием мягких согласных *t', d', ň, l'* и рефлексом *dz* на месте праславянского *dj*²³. К среднесловацким признакам следует отнести и выделенные Бернолаком «полугласные» *r* и *l*, которые могут выступать как слогообразующие (например: mlčanľiwŕ, wlk, plt, hrst, prst, smrt' и др.)²⁴. Правда, в отношении слогового *l* Бернолак не всегда последователен, в ряде работ у него встречаются слова, в которых *l* выступает в сочетании с гласным, ср.: blcha, но blecha, blucha, slnce, но slunce.

Конечно, в инвентаре согласных бернолаковщины были представлены и западнословацкие диалектные черты. К их числу можно отнести, например, группу согласных *šč*, ср.: ešče, meščan. Однако и здесь Бернолак не всегда последователен: наряду с *šč* он допускает и сочетание *št'*, характерное для среднесловацких говоров (ср. варианты, встречающиеся в его работах: bogiščo и bogiš'to, hnogiščo и hnogiš'to). Характерной чертой системы консонантизма бернолаковщины является графема *ğ*, передающая звук *g*, например: ğazda, ğroğ и т. п.

Грамматика. Кодификаторские усилия Бернолака в области грамматического строя словацкого литературного языка отражены главным образом в его «Словацкой грамматике». Правда, она была задумана как учебное пособие, как книга, «закрывающая в себе

искусство хорошо читать, говорить и писать по-словацки»²⁵, но по существу это была первая попытка создания описательной грамматики словацкого языка²⁶.

«Словацкая грамматика» включает пять частей. Первая часть посвящена характеристике фонетической системы словацкого языка и вопросам орфоэпии. Во второй части дается детальное описание морфологического строя. Проблемы синтаксиса рассматриваются в третьей части книги. Здесь же имеется небольшой раздел о порядке слов в предложении. В четвертой части описываются правила долготы и краткости слога. Последняя часть посвящена орфографии.

При написании своего труда Бернолак опирался на предшествующую грамматическую традицию, прежде всего на работы чешских и немецких грамматистов²⁷. Все же его книга – это не простая компиляция, не механическое подражание известным образцам. Как в освещении ряда теоретических вопросов, так и в самом построении грамматики и классификации словацкого языкового материала Бернолак проявлял порой самостоятельность, критическое отношение к предшествующей грамматической традиции. Это позволило ему выявить и рельефнее описать ряд специфических черт грамматического строя словацкого языка.

Основное внимание Бернолак уделяет описанию морфологических явлений (склонению и спряжению). При этом в его кодификации учитываются не только западнословацкие диалектные черты и характерные элементы чешского литературного языка, традиционно бытовавшие в добернолаковской западнословацкой письменности, но и черты общесловацкие и среднесловацкие.

Так, западнословацкую основу можно легко обнаружить в таких формах, как окончание мест. падежа ед. числа существительных муж. и сред. рода *-i* (а не *-e*, характерное для среднесловацкой диалектной области), например: *w kláštéri, na nosi, na pási; na massi, na železi*; окончание твор. падежа ед. числа существительных жен. рода *-ú*: *owcí, osobú* и др.; в формах существительных сред. рода *stawaň* (правда, при них Бернолак допускал и варианты среднесловацкого типа, естественно, в несколько ином фонетическом облике – *stawaňa*). Среди традиционных чешских элементов можно отметить форму зват. падежа ед. числа существительных муж. рода типа *odplat'it'el'i, spasit'el'i* и окончание дат. и мест. падежей ед. числа существительных жен. рода *-e*, например: *poze, miše*.

Но наряду с этим в морфологической кодификации Бернолака имеются и среднесловацкие черты. К их числу относятся: окончание дат.-мест. падежей ед. числа муж. рода имен одушевленных *-owi*: *ránowi*, *sluhowi*, *sudcowi* и т. п.; окончание мест. падежа мн. числа существительных муж. рода *-och*: *o ránoch*, *o sudcoch*, *na duboch* и т. п.; окончание твор. падежа ед. числа существительных муж. рода *-om*: *sluhom*, *ránom*, *dubom* и т. п.; окончание род. и вин. падежей мн. числа имен существительных муж. рода *-ow*: *ránow*, *sluhow*, *sudcow* и т. п.; окончание мест. падежа ед. числа прилагательных муж. и сред. рода *-om*: *na reknom*, *na ránowom*.

В области морфологии глагола среднесловацкими элементами являются окончания 1 л. ед. числа *-em*: *plásem*, *rigem*, *segem*; 3 л. мн. числа *-ú*: *plábu*, *rigú*, *segú*; глагольные формы прош. времени *-l*: *rékol*, *trásol* и др.

Подобный характер кодификации обусловлен тем, что Бернолак, устанавливая нормы и правила в области морфологии, также опирался на живой разговорный узус, в котором перекрещивались не только элементы чешского языка и западнословацких диалектов, но и характерные черты среднесловацких диалектов.

Словообразование. В «Словацкой грамматике» Бернолака нет особого раздела о словообразовании, но этой проблематике посвящен его специальный труд «Этимология словацких слов». Термином «этимология» Бернолак определял, в сущности, науку об образовании слов. Основное внимание в книге уделено характеристике трех типов аффиксального словопроизводства: образованию имен существительных жен. рода от имен существительных муж. рода; образованию уменьшительных слов и, наконец, прочим способам образования существительных, прилагательных и глаголов. Этим вопросам посвящена первая часть труда. Во второй части содержится описание типов сложных слов. В приложении, которое занимает по объему значительную часть книги, приводится разнообразный иллюстративный материал – списки различных терминов и наименований, словосочетания и фразеологизмы.

Несмотря на свой более специальный характер, эта работа занимает немаловажное место в цепи тех усилий, которые предпринимал Бернолак в целях узаконения норм литературного словацкого языка. Понимая, что развитие литературного языка требует значительного обогащения словарного состава и, в частности,

научной терминологии²⁸, Бернолак стремился выявить и узаконить основные принципы и нормы словацкого словообразования, определить правила создания новых слов.

Однако данная работа в научно-лингвистическом аспекте имеет немало слабостей и недостатков. В ней Бернолак, пожалуй, был наименее самостоятелен. Он в значительной мере опирался на труды чешских грамматистов (Долежала, Росы и др.) и некритически применял установленные ими правила к материалу словацкого языка. Чтобы доказать продуктивность того или иного способа словообразования, Бернолак приводит иногда много слов, реально несуществующих в словацком языке. Примечательно, что позднее в «Словаре» Бернолак некоторые из этих искусственно образованных слов уже не фиксирует.

Следует отметить, что и в этом труде Бернолак пытался показать различие между словацким и чешским языком и в ряде случаев делал это достаточно убедительно (например, он отмечает различие суффиксов *-ec* и *-ce* в словацких и чешских словах типа *obrǎnes*, *sprǎwec* и *obrǎnce*, *sprǎwce*; суффиксов *-enstwo* (словац.) и *-enství* (чеш.) в именах существительных и др.)²⁹. Все же можно констатировать, что книга «Этимология словацких слов» – это наиболее слабое звено в серии кодификаторских трудов Бернолака. Не следует, однако, забывать, что это была «первая попытка разработки вопросов словообразования в литературном словацком языке»³⁰.

Лексика. Много сделал Бернолак также в плане изучения и обработки словацкой лексики. Шеститомный пятиязычный «Словацкий чешско-латинско-немецко-венгерский словарь», содержащий более 80 000 заглавных слов, завершает кодификаторские усилия Бернолака. Он пытался придать «Словарю» нормативный характер как путем отбора слов, так и различными оценочными пометами. Это помогало установить нормативное ядро словарного состава формирующегося литературного словацкого языка, показать его соотношение с нелитературными лексическими элементами, также включенными в «Словарь» (с одной стороны, с неосвоенными словацким языком богемизмами – помета *boh.*, с другой стороны, с «простыми» словами из среднесловацких диалектов – помета *vulg.*).

Поскольку «Словарь» был издан уже после смерти Бернолака, не всегда можно с уверенностью сказать, ему ли принадлежат те или иные рекомендации и утверждения, касающиеся отдельных слов или некоторых принципов образования слов, или же их автором является

кто-то иной (обычно в литературе в связи с этим говорится о существенных поправках и изменениях, внесенных в текст «Словаря» редактором и издателем Ю. Палковичем). Э. Паулини даже замечал, что из-за этого «нельзя точно установить концепцию “Словаря”, принадлежащую самому Бернолаку»³¹. По поводу данного лексикографического труда Бернолака было много споров. По-разному оценивались его научные достоинства (порой весьма негативно) и целевая направленность³². И хотя он действительно не лишен существенных недостатков (большое количество искусственных новообразований и малоупотребительных слов, некоторые несовершенства методики лексикографической обработки слов и др.), все же для своего времени это было значительное достижение. «Словарь» содержит ценный лексический материал, очень богатую синонимику, примерно 1200–1500 пословиц и поговорок, обширную фразеологию. Он является важным источником для словацкой исторической лексикологии и диалектологии. В новейшей литературе вполне справедливо высоко оцениваются кодификаторские усилия Бернолака в плане лексикографической обработки словарного состава литературного словацкого языка³³.

Завершая рассмотрение лингвистических трудов Бернолака, отметим что в предложенной им системе норм сочетались и взаимодействовали элементы традиционные и новые. Тем не менее, как подчеркивает В. Бланар, его кодификация была «качественно новым явлением»³⁴ в развитии литературного языка в Словакии. Напомним, что в старой литературе заслуги Бернолака в этом плане явно недооценивались. Считалось, что он узаконил лишь то, что уже было представлено ранее в западнословацкой католической письменности. Например, в 1890 г. Я. Влчек в книге по истории словацкой литературы писал, что Бернолак выступал всего лишь как «последовательный кодификатор того, что до него более ста лет росло и созревало как речевой факт в печати католических словаков»³⁵. Новейшие исследования словацких лингвистов показывают, что бернолаковский литературный язык – это «нечто большее, чем только кодификация долитературного узуса»³⁶. Западнословацкий письменный узус в добернолаковский период не был единым, в нем в той или иной мере отражалось взаимодействие чешских и словацких языковых черт, Бернолак, опираясь на него, подходил к нему дифференцированно, отбирая и фиксируя то, что, по его мнению, соответствовало характеру словацкого языка. Наряду

с этим он фактически создавал и предписывал новые нормы и правила. В связи с этим, некоторые лингвисты считают, что бернолаковская кодификация имела прескриптивный характер³⁷.

Изучение лингвистических трудов Бернолака, а также разного рода произведений, опубликованных на литературном словацком языке, позволяет сделать общий вывод о том, что кодифицированная Бернолаком система норм является в своей основе системой западнословацкого типа.

В старой литературе обычно подчеркивалась непосредственная связь бернолаковского литературного языка с тем или иным западнословацким говором, иногда основной источник бернолаковской кодификации усматривался в языке западнословацкой католической письменности Трнавского культурного центра или же в чешском литературном языке. В новейших исследованиях словацких лингвистов этот вопрос получил иное освещение. Тщательный сопоставительный анализ словацкого диалектного материала и характерных черт (строевых признаков) бернолаковщины позволил, например, К. Габовштяковой прийти к выводу, что словацкие диалекты (в частности, западнословацкие) нельзя считать непосредственной основой бернолаковского литературного языка³⁸. Вместе с тем, как показывает Габовштякова, бернолаковщина несомненно связана со словацкими диалектами. Наиболее отчетливо выявляется ее зависимость от западнословацких диалектов (причем не только от трнавского или какого-то другого западнословацкого говора). Заметны в бернолаковщине и некоторые среднесловацкие или общесловацкие черты. Нет лишь достоверных свидетельств наличия в бернолаковском литературном языке восточнословацких диалектных элементов³⁹.

Взаимоотношение между словацкими диалектами и литературным языком, узаконенным Бернолаком, было более сложным, чем предполагавшаяся ранее прямая, непосредственная связь. Сам Бернолак неоднократно указывал, что он опирается на разговорный «узус образованных людей», а не на речь простого люда. Хотя точная расшифровка этого понятия затруднительна, все же ясно, что это был не конкретный местный словацкий диалект, а некоторое койне, характерное для общения словацкой интеллигенции. В словацкой лингвистической литературе в этом случае говорится о «культурном западнословацком языке» (*kultúrna západoslovenčina*). В работах словацких лингвистов (Э. Паулини, К. Габовштякова, Э. Йона, Р. Крайчович и др.) доказывается, что основным и самым

главным источником бернолаковской кодификации является именно «культурный западнословацкий язык». Данным термином определяется своеобразная языковая формация интердиалектного характера, которая складывалась в Западной Словакии в XVI–XVIII вв. в результате взаимодействия местных словацких диалектов и чешского литературного языка. Этот «культурный язык» (в нашей терминологии – «западнословацкий культурный интердиалект») выступал в наддиалектной функции, употреблялся в устной и письменной форме в среде словацкой интеллигенции. Через посредство «западнословацкого культурного интердиалекта» бернолаковщина связана и со словацкими диалектами, и с католической литературой Трнавского центра, и с чешским литературным языком (называемым иногда «библичтиной»). Наряду с этим в нормах бернолаковщины можно усмотреть, по нашему мнению, и прямое отражение отдельных словацких диалектных черт и бжегемизмов.

Таким образом, характеризуя исходную базу бернолаковской кодификации, следует иметь в виду совокупность взаимосвязанных источников, среди которых доминирует «западнословацкий культурный интердиалект».

Кодифицированный А. Бернолаком литературный язык не стал единым общенациональным литературным языком словаков. Он получил признание лишь в среде словацких католиков. Словаки-протестанты не приняли бернолаковщину и продолжали пользоваться чешским языком. Однако бернолаковщина – первый вариант кодифицированных литературных норм словацкого языка – получила тем не менее довольно широкое распространение. В качестве литературного языка она применялась не только в Западной, но также в Средней и Восточной Словакии. В практическом пользовании она просуществовала у словацких католиков около шестидесяти лет.

Говоря об общественных функциях бернолаковского литературного языка, следует подчеркнуть, что он выступал прежде всего как книжно-письменный язык. На бернолаковщине издавалось значительное количество разного рода религиозной литературы (проповеди, богословские сочинения, Библия, которую перевел на словацкий язык Ю. Палкович, и др.). Вместе с тем на бернолаковщине публиковались и произведения светского характера, в том числе и художественная литература⁴⁰. Можно назвать целый ряд книг, брошюр и статей по сельскому хозяйству, пчеловодству, медицине,

педагогике и т. п. Эти работы предназначались для просвещения народа. Особенно активную деятельность проводил Ю. Фандли (1750–1811). В сфере литературно-художественного творчества бернолаковщину наиболее ярко представляли поэтические произведения Я. Голлого (1785–1849). В 1824 г. он опубликовал сборник переводов античной поэзии (Виргилия, Гомера, Овидия, Горация и др.), а в 1828 г. на бернолаковщине в переводе Я. Голлого была издана «Энеида» Виргилия. Поэт высоко оценивал достоинства бернолаковщины, он считал, что этот язык более других европейских языков подходит для метрического стихосложения⁴¹. Он стремился это доказать не только своими переводами, но и оригинальным поэтическим творчеством. Здесь прежде всего следует отметить его эпические поэмы, в которых он воспевает славное прошлое славян и словаков («Сватоплук», «Кирилло-Мефодиада», «Славянин»). Значительный вклад в развитие словацкой национальной поэзии внес Я. Голлый своими одами и лирическими стихотворениями. Распространению кодифицированного словацкого литературного языка в литературно-художественной сфере способствовали также и другие бернолаковцы (например, поэтические произведения публиковал Э. Беллаи, автором ряда новелл был А. Оттмайер)⁴².

Все это свидетельствует о том, усилиями бернолаковцев постепенно складывалась литературно-письменная традиция на словацком языке. Более того, несмотря на относительно небольшой срок фактического применения бернолаковщины, в ней наметились и некоторые элементы стилистической дифференциации. Влияние бернолаковщины на развитие стилей литературного словацкого языка отмечал Э. Паулини⁴³.

Следует отметить, что бернолаковщина в процессе своего функционирования в качестве литературного языка претерпевала известные изменения, происходила постепенная унификация и стабилизация ее норм. Тем не менее в ряде произведений как духовной, так и светской литературы обнаруживались некоторые отклонения от кодифицированных Бернолаком норм. Они свойственны, в частности, языку произведений Ю. Фандли⁴⁴. Я. Голлый в целом довольно последовательно придерживался бернолаковских регламентаций. Правда, и у него встречались некоторые отступления от кодифицированных норм (в сфере фонетики и морфологии), но они не имели большого значения⁴⁵. Определенные колебания нормы в языке отдельных авторов вполне естественны для молодого литера-

турного языка, еще не имеющего длительной традиции. Они не опровергают того, что бернолаковщина была достаточно строго нормированным литературно-письменным языком. Писатели, использующие этот язык, признавали его нормы и сознательно стремились к их реализации. Кстати сказать, Бернолаку и Фандли пришлось защищать эти нормы от острой критики со стороны Й. И. Байзы⁴⁶.

Говоря о социальной значимости бернолаковщины и сфере ее функционирования, следует отметить, что даже в среде католической словацкой интеллигенции она не была единственным литературным языком. Многие представители бернолаковского движения продолжали наряду с бернолаковщиной пользоваться в своей литературной деятельности и другими языками, например, латинским, немецким и венгерским. Вместе с тем, необходимо подчеркнуть, что бернолаковщина применялась не только как книжно-письменный язык. В течение десятилетий, вплоть до 50-х годов XIX в., в ряде католических школ она использовалась и как язык обучения. Разрабатывались планы издания газеты на бернолаковском литературном языке, но реализовать их не удалось⁴⁷.

Бернолак и его ближайшие соратники приложили немало усилий для популяризации литературного словацкого языка в культурных слоях общества. Большую роль в этом играло «Словацкое ученое товарищество», объединявшее сторонников бернолаковской языковой реформы⁴⁸.

Свою активную деятельность «Словацкое ученое товарищество» начало в 1792 г. Организационный центр его был в Трнаве, там же находилась типография. Опорные пункты общества имелись по всей Словакии (в Нитре, Банской Быстрице, Рожняве, Кошицах и других городах). Оно объединяло около 500 человек (среди членов общества подавляющее большинство составляли, естественно, католические священники и богословы; светскую интеллигенцию представляли чиновники, учителя, врачи и т. п.). Общество было создано с целью пропагандировать кодифицированный Бернолаком литературный словацкий язык, организовать издательскую деятельность, способствовать распространению книг на бернолаковщине, объединять усилия сторонников бернолаковского движения по реализации широкой культурно-просветительской, национально-возрожденческой программы. Одной из важнейших задач общества стало внедрение в литературу бернолаковского языка. Одним из условий членства «Словацкого ученого товарищества» было обязательное следование

правилам и нормам этого языка. По этим правилам, как подчеркивал Ю. Фандли, каждый член «Товарищества» должен стремиться писать свои письма и новые книги так, чтобы они были «чисто словацкими»⁴⁹. Наибольших успехов «Словацкое ученое товарищество» достигло в первые годы своей деятельности. Оно выпустило в свет ряд книг (как религиозного, так и светского характера) на бернолаковщине и латыни, способствовало организационному сплочению бернолаковского движения. Однако к концу века его деятельность постепенно ослабевает. Это было вызвано существенным изменением общественно-политической ситуации (наступление реакции в монархии как отклик на французскую революцию, подавление либерально-просветительских тенденций в общественной жизни страны после смерти Иосифа II, ликвидация заговора венгерских радикалов в 1795 г. и др.), а также противоречиями в самом бернолаковском движении, в котором все большую роль начинают играть представители консервативного крыла католической церкви. Все это ведет к ослаблению движения, что находит свое отражение и в судьбе бернолаковщины, которая на переломе двух веков приходит в заметный упадок.

В процессе формирования и развития литературного словацкого языка реформа Бернолака занимает ключевое место. С его именем связано возникновение и функционирование первого варианта литературных норм словацкого языка. Это значит, что с бернолаковщины фактически начинается история *литературного* словацкого языка. Заметим, однако, что это положение, разделяемое многими словацкими и несловацкими лингвистами, в последнее время рядом авторов ставится под сомнение. Так, например, Л. Дюрович и К. В. Лифанов пытаются доказать, что еще до бернолаковской кодификации существовал литературный словацкий язык⁵⁰. (Специально данный вопрос рассматривается нами во второй главе.)

Создав серию нормативных трудов, охватывающих различные ярусы языковой структуры, Бернолак заложил научные основы литературного словацкого языка⁵¹. Реформа Бернолака не прервала многовековой традиции использования чешского языка в словацкой письменности. Однако с возникновением бернолаковщины заявило о себе принципиально новое направление в развитии литературно-языковых норм в Словакии, основной смысл которого состоял в поисках и в прокладывании путей создания собственного литературного языка словаков на основе родной речи. Это направление

оказало значительное влияние на последующую борьбу за словацкий литературный язык, которая велась на всем протяжении эпохи национального возрождения.

Кодификаторская деятельность Бернолака была неразрывно связана с начальным этапом словацкого национально-возрожденческого движения, в ней можно видеть одно из проявлений начинающегося процесса формирования словацкой нации. Поэтому языковую реформу Бернолака нельзя рассматривать только как лингвистический акт, она имела большое социальное значение, оставила важный след в национально-культурном развитии словацкого общества.

В конкретно-исторической ситуации в Словакии конца XVIII в. языковая реформа Бернолака затронула сложный клубок острых национальных, конфессиональных и идеологических противоречий того времени (узаконение самостоятельного словацкого литературного языка было далеко не безразличным актом в плане решения словацко-венгерских и словацко-чешских отношений, а также в аспекте дальнейших судеб национального движения словаков, еще разобщенного по конфессиональному признаку и по национально-культурной ориентации). Не случайно при оценке деятельности Бернолака и его сторонников, особенно при характеристике целей и идеологической направленности бернолаковского движения, идейных предпосылок языковой реформы нередко высказывались прямо противоположные или односторонние взгляды, ср., например, обвинения Бернолака в сепаратизме, в подрыве чешско-словацкого единства, в провенгерских (мадьяронских) устремлениях.

В современной словацкой научной литературе, посвященной определению роли и места бернолаковского течения в сложной идейно-политической и национальной борьбе на начальном этапе возрожденческого движения словаков, дается, как правило, в целом положительная оценка деятельности Бернолака и его сторонников как деятельности «будительской», просветительской и патриотической⁵². При этом не замалчиваются и некоторые противоречия и слабости, присущие бернолаковскому движению. Правда, словацкий историк Д. Рапант выдвигал все же ряд возражений против нового освещения начального этапа словацкого национального возрождения, в частности, он не соглашался с оценкой деятельности Бернолака как национально-патриотической⁵³. Однако и он признавал значимость языковой реформы Бернолака, отмечая, что «никто не будет отрицать объективную роль лингвистических трудов Бернолака в рамках словацкого национального возрожденческого процесса»⁵⁴.

Нам представляется, что, говоря об общественной значимости кодификаторских трудов Бернолака, следует иметь в виду также их идеологическую основу. Эти труды явились результатом сознательной целенаправленной деятельности по реализации определенной национально-культурной программы.

Для мировоззренческой платформы бернолаковцев было характерно сочетание просветительского рационализма и элементов идеологии словацкой народности⁵⁵. Они исходили из представления о принадлежности словаков («паннонских славян») к единому славянскому народу. У них еще не было достаточно четкого разграничения понятий «словак» и «славянин». Словакам и словацкому языку они нередко приписывали признаки и качества абстрактно понимаемого славянского народа и славянского языка (древность, широкую распространенность славянского племени и языка, «выразительность, изящество, красоту и своеобразие» славянского языка и т. п.). Бернолаковцы проявляли большой интерес к истории славянского народа, к его славному прошлому. Чтобы показать важную историческую роль своего племени, они ищут опору в великоморавской и кирилло-мефодиевской традиции⁵⁶. Наряду с этим в их идеологических концепциях все более определенно проявляются идеи и представления, свидетельствующие об осознании ими этнической и языковой индивидуальности словаков. Так, в предисловии к «Словацкой грамматике» Бернолак говорит о самостоятельности словацкого языка, подчеркивая, что «паннонские славяне» еще мало сделали для культивирования «свойственного им славянского языка»⁵⁷. Выдвигая задачу его обработки и совершенствования, Бернолак ссылался на заслуги «просвещенных мужей» других славянских народов (прежде всего чехов, поляков и русских) в развитии славянского языка и призывал словаков следовать их примеру. При этом Бернолак, как и некоторые его предшественники (в частности, Й. И. Байза, О. Месарош и др.), исходил из того, что в древности словацкий язык пережил период расцвета, что нужно вернуть ему его былую славу и совершенство. Полагая, что словацкий язык испытал значительное влияние чешского языка, Бернолак считал необходимым «очистить» его от богемизмов, показать его отличие от чешского языка, выявить его своеобразие и самостоятельность.

Однако языковую реформу Бернолака нельзя рассматривать только как античешское выступление (так ее трактовали некоторые современники Бернолака, например Б. Таблиц, а также ряд ученых

более позднего времени), направленное на разрыв связей с чешской культурой. В своих трудах Бернолак широко использовал грамматические и лексикографические работы чешских авторов, высоко оценивал достоинства чешского языка⁵⁸. Его стремление показать этническое своеобразие словаков в рамках славянского народа, создать самостоятельный литературный словацкий язык не означало отрицания давних связей чехов и словаков и не было направлено против дальнейшего развития чешско-словацкого культурного сотрудничества⁵⁹. Выступление Бернолака объективно способствовало усилению национально-этнического самосознания словаков. Узаконение литературного языка на основе родной речи и его практическое применение частью словацкого социума стало важным стимулом в борьбе словаков за равные права с другими народностями Венгерского королевства, за развитие словацкой национальной идеологии и культуры. Это содействовало развитию и усилению национально-патриотических тенденций в возрожденческом движении словаков.

Языковой вопрос в Словакии в 20 – 30-е годы XIX века.

Литературно-письменное двуязычие и попытки его преодоления.

Как мы уже отмечали, бернолаковщина не стала единым литературным языком словаков. Однако с ее появлением существенно изменилась языковая ситуация в Словакии, где с конца XVIII в. наступил период сосуществования и конкуренции двух литературно-письменных формаций, непосредственно связанных с развитием словацкой национальной культуры: чешского литературного языка (библичтины) и литературного языка, сформировавшегося на основе родной речи словаков (бернолаковщины). Этот период продолжался, в сущности, до середины XIX в. Указанное литературно-письменное двуязычие явилось следствием и отражением сложной идейной борьбы и противоречивых тенденций развития словацкого общества, характерных для начального этапа национально-возрожденческого движения словаков. Словацкие протестанты, более тесно и непосредственно связанные с чешским языком и чешской культурой, отстаивали концепцию единого чехословацкого племени, выступали за верность трехсотлетней традиции чешского языка, как общего литературного языка чехов и словаков. Католическая словацкая интеллигенция акцентировала идею самобытности, самостоятельности словаков и их языка⁶⁰. Естественно, что после реформы Бернолака

усилилось противостояние этих концепций, между представителями обоих течений развернулась острая полемика о путях дальнейшего развития национальной жизни словаков и, в частности, по вопросу о литературном языке.

Опираясь на концепцию чехословацкого племени, словаки-протестанты выступили против бернолаковщины, в защиту чешского языка как средства развития словацкой литературы. Большую активность в этом плане проявлял еще в 90-х гг. Ю. Рибай, который поддерживал тесную связь с Й. Добровским. Отвергая бернолаковщину, Рибай призывал и дальше культивировать в Словакии чешский литературный язык. В конце XVIII в. и в начале XIX в. словацкие протестанты Ю. Рибай, И. Палкович и Б. Таблиц предпринимали неоднократные попытки создать общество или кафедру для популяризации в среде словаков чешского языка и чешской литературы. В 1803 г. при евангелическом лицее в Братиславе им удалось организовать «Институт чехословацкой литературы и языка». Как отмечают некоторые исследователи, создание этого института в известной мере явилось реакцией протестантов на активную деятельность бернолаковского «Словацкого ученого товарищества»⁶¹. Принимались меры и для издания словацкой газеты на чешском языке. В литературно-языковом единстве словаков и чехов протестанты видели необходимое условие успешного развития словацкого национального движения, важнейший фактор в борьбе с мадьяризаторскими тенденциями. Подчеркивая давние связи чехов и словаков, их культурную общность, Б. Таблиц писал, что даже после падения Великоморавского государства, когда словаки по признаку гражданства (*w občanském ohledu*) стали «членами Венгерского королевства», они остались связаны с чехами и мораванами «единством обычаев и языка»⁶². Важно отметить, что Таблиц имел в виду прежде всего единство именно письменного, литературного языка. Он признавал различие между чешским и словацким наречием на диалектном уровне, но подчеркивал важность и необходимость единого литературно-письменного языка для развития просвещения и словацкой литературы. Он считал, что Бернолак внес «вредное раздвоение в нашу литературу» и выражал надежду, что бернолаковцы «раньше или позже вернуться к общему способу написания»⁶³.

Словаки-католики продолжали, однако, отстаивать свои позиции. В 20-е гг. XIX в. в их лагере после некоторого спада движения

наблюдается заметное оживление. Молодое поколение бернолаковцев активно включается в борьбу за словацкий литературный язык. После смерти Бернолака главным организатором и идеологом в лагере словацких католиков становится Ю. Палкович, который немало сделал для упрочения позиции бернолаковщины. Важную роль в этот период играл Я. Голлый, который своими оригинальными и переводными литературными произведениями доказывал, что бернолаковщина способна выполнять высокую поэтическую и эстетическую функцию. Его поэзия оказывала огромное влияние на словацкую молодежь своей ярко выраженной патриотической направленностью. Из представителей нового поколения бернолаковцев следует особо отметить издательскую и организаторскую деятельность М. Гамульяка (1789–1859)⁶⁴. В 20–30-х годах XIX в. вокруг него сложилась в Буде группа патриотически настроенной словацкой интеллигенции католического вероисповедания. Она внесла заметный вклад в борьбу за словацкую национальную культуру, в том числе и за решение вопроса о литературном языке словаков. В отстаиваемой Гамульяком концепции национально-культурного развития большое место отводилось родному языку. Его взгляды по этому вопросу отражены в письме П. Й. Шафарику от 6 сентября 1827 г.⁶⁵ Он считал, что словаки, как и каждый народ, имеют право развивать просвещение и культуру на своем родном языке.

Углубляя бернолаковскую традицию, Гамульяк рассматривал самостоятельный словацкий литературный язык как важнейшее орудие просвещения и духовного подъема простого народа. Он призывал писать для него не на чешском, а на словацком языке, ибо этим языком можно воздействовать «как на сердце, так и на разум»⁶⁶ словацкого люда. Поэтому Гамульяк выступал за дальнейшее использование бернолаковщины, за ее распространение в культурной сфере, особенно при издании книг для простого народа.

По мере развития словацкого национального движения разобщенность патриотических сил словаков все отчетливее осознавалась представителями обоих течений как серьезное препятствие на пути решения общенациональных задач. В связи с этим особенно актуальными становятся усилия по налаживанию контактов и сотрудничества католиков и протестантов во имя защиты национальных интересов словаков. В частности, это проявляется и в попытках поиному подойти к вопросу о литературном словацком языке. Не случайно именно в 20–30-х годах XIX в. на повестку дня

выдвигаются различные проекты и теории, представляющие собой в сущности компромиссный путь решения этого вопроса. В этот период поиски такого решения ведутся как в протестантском, так и в католическом лагере.

В среде словацких протестантов наряду с ревнителями чистоты чешского литературного языка в это время активную роль играют такие деятели, как Я. Коллар и П. Й. Шафарик, позиция которых по вопросу о литературном языке словаков была несколько иной.

Будучи приверженцами традиционного чешского литературного языка, они, однако, сознавали, что в условиях нарастающего словацкого национального движения этот язык уже не может в полной мере удовлетворять потребностей развития духовной жизни словаков. Они понимали, что архаический «библейский» чешский язык труден для понимания простых словаков, что он значительно расходится с живой народно-разговорной словацкой речью и поэтому не может служить достаточно эффективным средством развития словацкой национальной культуры, орудием просвещения и укрепления национального самосознания родного народа. В связи с этим Я. Коллар и П. Й. Шафарик, не отказываясь от использования чешского литературного языка, считали возможным и целесообразным несколько модифицировать его, чтобы он стал ближе и понятнее простым словакам. С другой стороны, они были противниками создания отдельного словацкого языка и выступали против бернолаковщины. Поэтому они выбирают, как отмечал Шафарик, средний путь между «чистым» чешским литературным языком и отвергаемой ими бернолаковщиной. Коллар и Шафарик предлагают концепцию компромиссного варианта литературного языка, который, как им казалось, мог бы удовлетворить и чехов, и словаков. Подобная позиция двух видных деятелей чешского и словацкого национальных движений того времени содержала в себе неосознаваемое ими внутреннее противоречие. С одной стороны, будучи словаками, они искренне желали помочь родному народу в развитии национальной литературы и культуры, а с другой стороны, такая возможность виделась им лишь в рамках традиционного чехословацкого национально-культурного и литературно-языкового единства, за сохранение которого они столь горячо и искренне выступали. Это противоречие нашло отражение в своеобразной теории «чешско-словацкого» литературного языка (стиля), которую они активно

разрабатывали в 20-х годах XIX в. Чтобы способствовать национальному пробуждению родного народа, необходимо было, по мнению Шафарика, обратить свой взор на народ и его речь. Изучение словацких диалектов, устного народного творчества раскрыло перед ними красоту и богатство родной речи, подкрепило их романтико-эстетические воззрения на язык⁶⁷. Особенно ярко это проявилось в работах Коллара, в которых он пытался показать большую степень «благозвучности» словацкого языка по сравнению с чешским⁶⁸. «Благозвучие» он усматривал в том, что в словацком языке более широко употребляются гласные *a, o, u*: *hračka – hřčka, ťažiaci – tižci, ropol – ropel, sl'ub – slib* и т. п. Кроме того, по его мнению, чешский язык был перенасыщен германизмами. Он полагал, что за счет лексических словакизмов можно было бы усилить его славянский характер. В свою очередь, словацкий язык следовало бы в большей мере «чехизировать»⁶⁹. В соответствии с концепцией Коллара это не представляло больших трудностей, поскольку, по его мнению, словацкие говоры являлись диалектом чешского языка. В отличие от Коллара Шафарик признавал самостоятельность словацкого племени и словацкого наречия⁷⁰. Однако, как мы уже отмечали, и он был против создания на основе этого наречия особого литературного языка. Усилия Коллара и Шафарика по существу были направлены на то, чтобы сформировался особый, более близкий словацкому наречию «литературный стиль». Они полагали, что такой «литературный стиль» мог быть создан на основе чешской грамматики посредством привнесения типичной словацкой лексики, фразеологии, некоторых характерных для словацкого языка синтаксических конструкций и фонетических черт. Они надеялись, что подобный «чешско-словацкий» литературный язык (стиль), отражающий специфический колорит словацкой речи, будет понятен и близок словацкому народу, сможет стать базой для сближения и сотрудничества словаков протестантского и католического лагерей. С другой стороны, они считали, что такой язык позволит уберечь чехословацкое литературное единство. Коллар и Шафарик не только разрабатывали теорию своеобразного «чешско-словацкого» литературного языка, но и стремились к ее практической реализации. Пропагандируемая ими литературно-письменная форма нашла свое воплощение в ряде их сочинений, в переписке и т. п. Именно в 20–30-х годах они допускают в своей письменной практике особенно

большие отклонения от норм традиционного чешского литературного языка, причем не только в лексике и фразеологии, но и в грамматике, фонетике и правописании⁷¹.

Среди типичных особенностей их языка этого периода можно отметить написание *r*, *ú* на месте чешских *ř*, *ou* (*au*), упрощение некоторых групп согласных (например: *snost* вместо *ctnost*, *radosný* вместо *radostný*), употребление вставного гласного в словах типа *hardlo*, *mertvý*, *perst*, *vlna*, *obor* и т. п. Из других отклонений от норм чешского языка можно назвать окончание 3 л. мн. числа глаголов настоящего времени типа *činja*, *nevidja* (вместо *činí*, *nevidí*), окончание род. падежа мн. числа существительных муж. рода *-ou*: *kmenov*, *zákonov* (вместо окончания *-ů*), глагольные формы *boly*, *maly* (*byly*, *měly*) и т. д. По мнению Шт. Тобика, орфография Коллара и Шафарика в рассматриваемый период приближалась к бернолаковскому правописанию⁷². В 1825 г. Коллар издал «Хрестоматию»⁷³, в приложении к которой были сформулированы основные правила чешско-словацкого правописания. При этом он рекомендовал писать так, как «произносят уста доброго словака»⁷⁴.

Концепция особого «чешско-словацкого» литературного языка была тесно связана с общими идеологическими и философскими взглядами Коллара и Шафарика, на которых заметное влияние оказали гуманистические идеи И. Г. Гердера. Мы имеем в виду прежде всего разрабатываемую ими идею славянской взаимности, получившую в то время широкое распространение в рядах словацкой патриотической молодежи. «Исторически прогрессивная роль этой идеи с особой силой проявилась именно в словацком национальном движении, где нашла в лице Я. Коллара, П. Й. Шафарика и Л. Штура своих виднейших теоретиков»⁷⁵. В концепции «чешско-словацкого» литературного языка нашли свое отражение, в частности, представления Коллара о едином славянском народе, оформившиеся несколько позже в известную теорию литературной взаимности славянских племен и наречий⁷⁶. Он считал, что славянство, как целое, как единый великий народ, складывается из четырех основных племен (русского, польского, чехословацкого и иллирийского), а единый славянский язык образуют соответственно четыре наиболее развитых в культурном отношении наречия (на которых пишут и печатают книги, т. е. литературные языки). Коллар выступал за сохранение и укрепление единства славянского народа и

языка, против их разделения на множество племен и диалектов⁷⁷. Согласно его учению, словаки были составной частью единого «чехословацкого племени» славянского народа. Такому пониманию соответствовал и пропагандируемый Колларом и Шафариком «чешско-словацкий» литературный язык.

Однако в условиях динамически развивающегося словацкого и чешского национального движения, когда особое значение приобретали признаки национального своеобразия народа, теория «чешско-словацкого» литературного языка и практические шаги по ее реализации уже не встречали понимания и поддержки ни в Словакии, ни в Чехии. Пропагандируемый Колларом и Шафариком литературный язык (стиль) не стал (да и не мог стать, поскольку это было все же искусственное образование) реальным фактором объединения национально-патриотических сил словаков. Примечательно, что и сами его создатели позднее снова перешли на традиционный чешский литературный язык, допуская в своих сочинениях лишь незначительную дозу словакизмов.

В истории литературного языка словаков попытка введения в практику особой «чешско-словацкой» письменной разновидности, предпринятая Колларом и Шафариком, фактически осталась мало-значительным эпизодом. Но, несмотря на это, в целом Коллар и Шафарик сыграли очень важную роль в развитии национального движения словаков, в их борьбе за единый словацкий литературный язык. Дело в том, что их постоянный и глубокий интерес к словацкому народному творчеству, к языку и культуре родного народа, пропагандируемые ими идеи этнической и культурной общности славян, их искренний патриотизм, мнение Шафарика о самостоятельности словацкого наречия, наконец, их высокий авторитет и заслуженная слава – все это содействовало укреплению национального самосознания словаков, способствовало развитию словацкого национально-возрожденческого движения.

Существенным импульсом в формировании национальной идеологии словаков стало новое толкование термина «нация», предложенное Колларом в проповеди «О добрых свойствах славянской нации»⁷⁸. В его понимании нация – это «общность таких людей, которые объединены узами единого языка, одинаковых нравов и обычаев»⁷⁹. В отличие от бытовавшего прежде государственно-административного толкования термина «нация» новое языково-этническое понимание выдвинуло на первый план язык, как яркий

национальный признак, что в гораздо большей степени соответствовало специфическим условиям формирования словацкой нации. Естественно, что при таком понимании решение вопроса о словацком литературном языке оказалось в более тесной связи с насущными задачами национального движения словаков.

Необходимость формирования единой и широкой социальной базы национального движения побуждала словаков искать пути сближения и объединения католического и протестантского течений. В этом плане большое значение имели и другие попытки преодоления существовавшего литературно-письменного двуязычия. Некоторые из бернолаковцев (М. Гамульяк, Я. Геркель) допускали возможность частичного изменения норм бернолаковщины как в сторону их приближения к традиционным нормам чешского языка («библичтины»), так и в сторону сближения с чертами среднесловацкой диалектной речи, т. е. также готовы были идти на компромисс, хотя основу единого литературного языка словаков они видели не в чешском языке, а в бернолаковщине. Особенно активные усилия по налаживанию сотрудничества между приверженцами разных форм и вариантов литературного языка словаков прилагал М. Гамульяк.

В 1834 г. представители обоих течений словацкого национально-возрожденческого движения создают в Пеште «Общество любителей словацкого языка и литературы» (председатель Я. Коллар, секретарь М. Гамульяк)⁸⁰. Это была первая словацкая организация надконфессионального характера, которая, по замыслу ее создателей, должна была стать базой культурного сотрудничества бернолаковцев, сторонников чешского литературного языка и приверженцев «чешско-словацкого» языка. Общество издавало альманах «Zoga» (1835–1840), в котором публиковались материалы и на чешском языке (в разных вариантах) и на словацком (бернолаковском)⁸¹. Таким образом, на страницах альманаха разные литературно-письменные формы получили равные права. Каждый автор мог свободно выбирать тот или иной способ написания. В известной степени это помогало если не снять, то по крайней мере хотя бы смягчить остроту противоречий по вопросу о языке между словацкими католиками и протестантами, обеспечивало возможность практического осуществления их стремления к сближению и сотрудничеству во имя развития словацкой литературы. Однако подобная форма сотрудничества в литературно-языковой сфере носила временный характер, она была лишь «проявлением взаимного

уважения»⁸². Таким путем вопрос о едином литературном языке словаков все же не мог быть решен, поскольку в принципе та и другая сторона оставалась верной своей национально-идеологической концепции и в качестве основы для сближения и объединения выдвигала свою форму литературного языка. Так, например, Я. Голлый, разделяя идею славянской взаимности, особенно подчеркивал, однако, своеобразие отдельных славянских народов и, прежде всего, словацкого народа⁸³ и не хотел отказываться от бернолаковщины. С другой стороны, протестантский священник К. Кузmani в 1836 г. выпустил в свет новый альманах «Нгопка», во вступительной статье к которому он в острополюемической форме выступил против попыток создания отдельного словацкого литературного языка и разрыва с традицией использования словаками чешского литературного языка. Он считал недопустимой даже частичную модификацию этого языка.

Все это свидетельствует о том, что частичные взаимные уступки в вопросе о литературном языке, неподкрепленные реальным объединением патриотических сил словаков на базе общей национально-идеологической платформы, не могли привести к окончательному решению проблемы единого словацкого литературного языка. «Прошло немного времени, и само историческое развитие поставило перед идеологами словацкого национального движения со всей настойчивостью вопрос о единой концепции национальной идеологии и общем литературном языке»⁸⁴.

Языковая реформа Людовита Штура. Борьба за литературный язык словаков в 40 -- 50-х годах XIX века

В 40-х годах XIX в. словацкое национально-возрожденческое движение претерпевало глубокие изменения, связанные со значительным расширением его социальной базы, усилением антифеодальной направленности, с активизацией борьбы словаков за свои национальные и социальные права. Оно уже не могло ограничиваться выступлениями за решение по преимуществу культурно-языковых проблем, как это было на начальном этапе процесса национального возрождения. Однако и в этот период вопрос о литературном языке словаков по-прежнему оставался чрезвычайно острым. Его решение стало «основным условием достижения

национального единства и формирования общей идейно-политической платформы и программы»⁸⁵ патриотических сил словаков.

Активизация борьбы словаков за свои национальные права была связана, в частности, с заметным усилением мадьяризаторских акций со стороны венгерских правящих кругов. В начале 40-х годов широкое распространение получила концепция единого венгерского государства, единой венгерской нации. Это находило свое отражение и в культурно-языковой сфере. После 1836 г. был принят ряд законов, обеспечивающих особые преимущества венгерского языка. Он был объявлен официальным государственным языком и использовался как важное средство подавления национальных устремлений невенгерских народностей Венгерского королевства. В 1843–1844 гг. был утвержден закон, по которому во всех школах королевства (за исключением Хорватии) венгерский язык стал языком обучения. Принимались и другие меры, направленные на ассимиляцию невенгерских народностей. Венгерские власти подозрительно и враждебно относились к их попыткам защищать свои национальные права, создавать свои национальные культурные центры и т. п. Среднее венгерское дворянство, занимавшее в тот период господствующие политические позиции, «даже самые скромные стремления национальных движений рассматривало как покушение на целостность венгерского государства»⁸⁶. Перед лицом нарастающей мадьяризации особенно большое значение приобретали усилия словацкой интеллигенции, направленные на выработку общей платформы для решения вопроса о литературном языке.

Однако серьезным тормозом на пути решения этого вопроса, как и вообще дальнейшего развития словацкого национального движения, по-прежнему оставался его раскол на два основных течения по конфессиональному признаку и по национально-идеологическим концепциям.

Этот раскол ярко проявлялся в литературно-письменной сфере. Языковая ситуация в Словакии в 40-х годах оставалась противоречивой и неустойчивой. В среде протестантов по-прежнему господствовал традиционный чешский язык. Он выступал в разных вариантах, с различными орфографическими и грамматическими модификациями. Как уже отмечалось выше, не увенчалась успехом попытка ввести в литературное употребление особый «чешско-словацкий» язык (стиль). Католики, в свою очередь, продолжали пользоваться словацким литературным языком (бернолаковщиной).

Правда, в ряде изданий бернолаковщина также выступала в модифицированном виде. Литературные произведения писались и печатались также на некодифицированном словацком языке (на местных словацких диалектах или культурных интердиалектах). Кроме того, научная и религиозная литература издавалась на латинском и немецком языке. Наконец, в литературных целях некоторые словацкие писатели и поэты использовали венгерский язык. Не случайно Л. Штур в письме Ф. Палацкому образно замечал, имея в виду сложность и запутанность языковой ситуации: «Мы находимся в настоящем чистилище»⁸⁷.

Естественно, что такая языковая пестрота (правда, доминирующую роль в письменности в этот период играли чешский литературный язык и бернолаковщина) мешала объединению патриотических сил словаков в их борьбе за свои национальные права. Представители обоих основных течений словацкого национально-возрожденческого движения стремились найти пути и средства преодоления своей разобщенности. Как отмечалось выше, подобный поиск проводился уже в 20–30-х годах. Однако это были, в сущности, подготовительные, хотя и очень важные шаги на пути преодоления идеологической, конфессиональной и языковой разобщенности. В то время ни та, ни другая сторона еще не была готова отказаться от своей национально-идеологической позиции, хотя в языковом вопросе и делались некоторые взаимные уступки.

Важным событием в процессе объединения словаков явилось узаконение нового литературного словацкого языка, осуществленное в середине XIX в. прогрессивной словацкой интеллигенцией протестантского вероисповедания, возглавляемой Людовитом Штуром.

Людовит Штур (1815–1856) – выдающийся деятель словацкого национально-освободительного движения середины XIX в., идеолог, политик, журналист, литератор, языковед. Он сыграл огромную роль в формировании словацкой национальной идеологии, в развитии словацкой культуры. В истории литературного словацкого языка с его именем связан важнейший этап становления и узаконения общенациональных литературно-языковых норм, базирующихся на основе родной речи.

Л. Штур родился 28 октября 1815 г. в с. Угровце в семье протестантского сельского учителя. Окончил гимназию в Рабе, где изучал латынь и венгерский язык, славянские языки, литературу и историю. С 1829 г. по 1836 г. был студентом евангелического лицея

в Братиславе, который в то время был важным центром словацкой культурной жизни. Здесь он активно включился в работу студенческого «Чешкославянского общества», председателем которого был И. Палкович. К этому времени относятся первые поэтические опыты Штура (пока еще на чешском языке). Очень скоро он становится признанным лидером патриотически настроенной словацкой молодежи. Лицеисты с увлечением изучали чешский и словацкий языки, историю и культуру славянских народов. Став заместителем председателя «Общества», Штур читал лицеистам лекции по славянской истории, этнографии и литературе. При этом он опирался на труды и идеи Коллара и Шафарика. Важным этапом в жизни Штура явилась двухлетняя учеба в университете в Галле, где он осваивает философское учение Гегеля, знакомится с его диалектическим методом. Здесь же он получает хорошую лингвистическую подготовку (на лекциях А. Потта он ознакомился, в частности, с основами сравнительно-исторического изучения индоевропейских языков). Вернувшись в 1840 г. в Словакию, Штур приступает к активной педагогической (на «Кафедре чехословацкого языка и литературы» при Братиславском лицее, который после закрытия в 1836 г. студенческих обществ становится основной базой патриотического воспитания молодежи) и общественно-политической деятельности. В духе концепции славянской взаимности Штур много делает для расширения и укрепления межславянских культурных и научных связей. Он налаживает тесные контакты с чешскими национально-культурными центрами, с деятелями чешского национального движения, в немалой мере способствует национально-культурному возрождению лужицких сербов, знакомится и ведет переписку с русскими славистами, с общественными и культурными деятелями южнославянских народов, с представителями польского национального движения. Все это находит отражение в эволюции общественно-политических взглядов Штура, в его многогранной организаторской, политической и культурной деятельности. Он принимает активное участие в развернувшейся в 40-х годах полемике по вопросу о праве словаков на самостоятельное национальное развитие, гневно осуждая мадьяризаторскую политику правящих венгерских кругов (в частности, в брошюре «Жалобы и сетования словаков» опубликованной на немецком языке в Лейпциге в 1843 г.)⁸⁸, в составлении петиций в адрес императора и сейма от имени словацкой патриотической интеллигенции, протестующей

против произвола и ассимиляторских акций со стороны венгерской шляхты. В связи с этим властями проводится расследование деятельности «Кафедры чехословацкого языка и литературы», Штур и его сторонники обвиняются в панславизме, подвергаются преследованиям и гонениям. В условиях острой политической и национальной борьбы Штур становится одним из вождей словацкого национального и антифеодалного движения, его идеологом и организатором. Его философские и этические взгляды сыграли определяющую роль в становлении национальной идеологии словаков. К этому же времени относятся и важнейшие лингвистические труды Штура, послужившие теоретической основой и идеологическим обоснованием предпринятой им языковой реформы⁸⁹. В 1845–1848 гг. он издает первую политическую газету на словацком языке – «Словацкую национальную газету» с литературным приложением «Орёл Татранский». На страницах этой газеты штуровцы пропагандировали основные положения социально-экономической, политической и культурной программы словацкого национально-возрожденческого движения. Штур и его ближайшие соратники выступали за эволюционный, реформистский путь общественных преобразований. В 1847–1848 гг., выступая в качестве депутата венгерского сейма от г. Зволен, он проявил себя как пламенный трибун-патриот, приверженец буржуазно-демократических реформ в экономической и общественной жизни страны, как борец против национального угнетения. Призывая отменить феодальные повинности, Штур подчеркивал: «Эти феодальные отношения не имеют больше места в западных странах и вообще не соответствуют духу нашего столетия»⁹⁰.

Активное участие принял Штур в революционных событиях 1848–1849 гг. В марте 1848 г. венгерский сейм срочно принял ряд законов, направленных на осуществление в стране буржуазных преобразований. В новой обстановке представителями словацкого национального движения 10 мая 1848 г. в г. Липтовский Микулаш были провозглашены «Требования словацкого народа», представлявшие собой политическую программу национально-освободительного движения словаков (возвращение земли крестьянам, всеобщее избирательное право, создание словацких школ и т. п.). Венгерское правительство, отклонив эти требования, издало приказ об аресте словацких лидеров (Л. Штура, Й. М. Гурбана и М. М. Годжи). Они были вынуждены скрываться и затем покинуть Словакию. Штур уехал в Прагу, где участвовал в Славянском съезде и в Пражском восстании (июнь 1848 г.).

Сложные и противоречивые обстоятельства общественно-политической борьбы того времени в Австрийской империи, столкновение национальных интересов венгров, стремящихся к единовластию в своем государстве, с интересами невенгерских национальностей, неспособность буржуазных лидеров найти правильный подход к решению национального вопроса – все это привело к тому, что словаки оказались по одну сторону баррикад с австрийскими войсками, подавлявшими венгерскую революцию. Штур был одним из вождей вооруженного выступления словаков против венгерских властей, организатором отрядов словацких добровольцев, членом «Словацкого национального совета» – первого словацкого политического органа.

Союз вождей словацкого национального движения с контрреволюционной Веной был трагической ошибкой. Он не принес словакам желанных свобод. Плоды были горькими. После подавления венгерской революции австрийское правительство не только не выполнило своих обещаний по обеспечению прав словацкой народности, но, наоборот, ввело еще более жесткий режим. За Штуром был установлен полицейский надзор. Отойдя от активной политической деятельности, он перебрался в Модру, где занимался литературной и научной работой. В 1853 г. были опубликованы его труд «О народных песнях и сказаниях славянских племен» и сборник стихов⁹¹.

В конце декабря 1855 г. Штур стал жертвой несчастного случая на охоте и 12 января 1856 г. умер.

Уже после его смерти был опубликован написанный им в начале 50-х гг. политический трактат «Славянство и мир будущего»⁹². В нем была сделана попытка наметить новую концепцию и возможные пути дальнейшего развития словацкого национального движения, показать будущее славянских народов, которое он связывал, в частности, с надеждой на помощь мощного славянского государства – России⁹³.

В яркой многогранной деятельности Штура важное место занимают усилия по созданию общенационального литературного словацкого языка.

Идея применения словацкого языка в литературной сфере возникла в ближайшем окружении Штура в конце 1842 – начале 1843 г. в связи с замыслом издавать словацкую политическую газету. (Заметим, что раньше Штур и его соратники, как и другие словацкие протестанты, пользовались чешским литературным языком. Некоторое время Штур был приверженцем «чешско-

словацкого» языка, поскольку надеялся, что такой литературный язык сможет стать мостом для сближения с бернолаковцами.) Первоначально предполагалось, что газета будет выходить на чешском языке. При этом Штур допускал возможность публикации материалов и на бернолаковщине, как бы продолжая тем самым традицию альманаха «Zogá»⁹⁴. Пока велась сложная и длительная борьба за разрешение на издание газеты, в окружении Штура усиленно дискутировался и постепенно прояснялся вопрос о ее языковой форме.

14 февраля 1843 г. в узком кругу штуровской группы было принято решение о введении в жизнь (в частности, при издании газеты) нового словацкого литературного языка. В совещании по этому вопросу кроме самого Штура приняли участие Ян Францисци-Римавский, Ян Калинчак, Само Возар, Ян Ловинский и Самуэль Штур⁹⁵. Издание газеты рассматривалось как удобный повод для практического осуществления намечаемой языковой реформы, для важного шага на пути к литературно-языковой самостоятельности словаков. 17 июля 1843 г. Л. Штур, М. М. Годжа, Й. М. Гурбан на совещании в Глбоком еще раз обсудили вопрос о введении нового словацкого литературного языка. После этого они посетили видного представителя бернолаковского течения, поэта Яна Голлого и проинформировали его о своем намерении. Окончательное решение было принято в августе 1844 г. в г. Липтовский Микулаш на заседании общества «Татрин», созданного для развертывания широкой культурно-просветительной работы среди народа. На этом заседании Штуру было поручено написать грамматику нового литературного языка. В 1844 г. вышли в свет и первые литературные произведения на этом языке: стихотворение Я. Францисци «Svojím vrstovníkom na ramiatku», второй том научно-литературного альманаха «Nitra», издаваемого Й. М. Гурбаном (первый том был напечатан еще на чешском языке).

В июне 1845 г. было опубликовано «Объявление» об издании словацкой газеты на родном языке словаков. В нем при рассмотрении этого вопроса Штур различает два аспекта. По отношению к венгерскому национальному движению он подчеркивает необходимость и право словаков развивать культуру и образование на своем языке. При этом он ссылается на опыт самих венгров, которые уже добились определенных прав для своего языка и за которыми он признает право и дальше приумножать свои национальные

достижения. На этом фоне Штур выражает надежду, что венгры предоставят и словакам возможность использовать родную речь в целях просвещения народа. По отношению к национальному движению самих словаков трудность решения языкового вопроса видится Штуру в другом – в преодолении существующего литературно-письменного двуязычия и в выборе конкретной формы единого словацкого литературного языка. Штур подчеркивает, что это одна из самых больших трудностей, и замечает, что в связи с этим вопросом пришлось многое обдумать, взвешивая все обстоятельства и советуясь со «славными нашими мужами» и друзьями. В конце концов, было решено, что газета должна выходить на «нашем собственном языке, на нашем дедовском языке»⁹⁶. Штур высказывал надежду на то, что протестанты, как добрые словаки, согласятся на это, что, объединившись на базе единого литературного языка, словаки преодолеют свою «большую беду» – разобщенность «на две партии по отношению к языку»⁹⁷. Вторая сторона вопроса во внутреннем аспекте – выбор конкретной диалектной основы литературного языка. Замечая, что все словаки считают свою местную диалектную речь истинно словацким языком и хотели бы писать так, как они говорят, Штур подчеркивал, что такое решение невозможно и неверно. По его мнению, писать нужно на «чистом словацком языке», который объединит всех. На таком языке будут издаваться газета и ее литературное приложение. Вместе с тем он оговаривался, что до тех пор, пока «наш истинный язык» не распространится повсюду, для публикации в приложении будут «с благодарностью приниматься» также материалы на словацких диалектах и на языке, на котором до сих пор писали протестанты (т. е. на чешском языке).

В 1845 г. начинает выходить первая газета на словацком языке «Slovenskje národnje novini» с литературным приложением «Orol Tatránski». В опубликованной в этом приложении статье «Hlas k godákom» Штур стремился доказать национальную самобытность словаков, самостоятельность и самобытность их языка, необходимость его использования для пробуждения и просвещения народа. Однако более детальную и развернутую аргументацию своей языковой реформы он дает в книгах «Словацкое наречие...» и «Наука словацкого языка», вышедших из печати в 1846 г.

Введение в жизнь нового литературного словацкого языка следует рассматривать как составное и необходимое звено общей программы демократизации, социальных перемен, развития нацио-

нальной культуры, духовной жизни словацкого народа. Борьба за новый литературный язык для шутовцев – не самоцель, а средство решения насущных задач социально-политического и национально-культурного характера. По замыслу Штура, новый литературный язык должен был стать решающим фактором национальной консолидации словаков, а также орудием просвещения простого народа и преодоления неграмотности в словацком обществе. В связи с этим Штур неоднократно подчеркивал, что далеко не безразлично на каком языке развивать духовную жизнь нации.

Доказывая необходимость языковой реформы, Штур выдвигал аргументы социально-политического, историко-культурного и лингвистического характера. Основным исходным положением шутовской концепции нового литературного языка был тезис о самостоятельности словацкого языка в кругу других славянских языков. Штур провел тщательное исследование, чтобы выяснить, является ли словацкий язык диалектом (rozličnogečja) чешского языка (как было принято тогда считать) или же он представляет собой самостоятельное, отдельное образование. И только убедившись в том, что это «особый язык», Штур выдвинул идею ввести его «в наши сочинения и в нашу общественную жизнь»⁹⁸. В противном случае, замечает он, напрасным было бы желание возвести словацкий язык в ранг литературного. Тезис о самостоятельности словацкого языка органически вытекал из представлений шутовцев о национальной самобытности словаков. Эти представления базировались на новой концепции славянского единства, на творческом переосмыслении учения Я. Коллара о славянской взаимности. В начале 40-х годов происходит глубокий кризис «колларовской четырехплеменной структуры славянского народа как закрытой статической системы»⁹⁹. В рамках единого славянского народа Штур выделяет не четыре, а одиннадцать «племен» со своими отдельными языками (великорусы, малорусы, болгары, сербы, хорваты, словинцы, поляки, чехи, верхние лужичане, нижние лужичане, словаки). Для шутовского понимания славянской взаимности было характерно органическое сочетание единства и многообразия. Он считал, что развитие и расцвет отдельных славянских «племен» будут способствовать процветанию славянского «народа» в целом. Штур доказывал, что словаки представляют собой «одно целое, одну индивидуальность, одну личность (die Persönlichkeit)»¹⁰⁰, что их самобытный характер особенно ярко проявляется в духовной культуре, в языке, литературе, фольклоре,

религии и искусстве. Как видно, в концепции Штура словаки уже выступают как равноправный отдельный член семьи славянских народов, а не через промежуточное чехословацкое звено. По его мнению, развитие отдельных «племен» как этнических индивидуальностей должно способствовать укреплению и процветанию славянского «народа» в целом. Таким образом, Штур приходит к выводу о необходимости отказа от чешского языка и перехода на литературный язык, основанный на родной речи словаков.

В связи с этим, однако, вставал вопрос, как относиться к той форме литературного словацкого языка (бернолаковщине), которая уже употреблялась в среде словацких католиков. Штур положительно оценивал традицию бернолаковщины и подчеркивал, что в принципиальном плане он продолжает линию Бернолака. Вместе с тем он указывал, что кодифицированный Бернолаком литературный язык, опирающийся на западнословацкую диалектную основу, не имеет перспективы, поскольку не отражает «чистой» словацкой речи, представленной в среднесловацких говорах. Штур рассматривал бернолаковщину как переходное связующее звено между чешским литературным языком и новым словацким литературным языком, в основу которого положена «чистая» народно-разговорная речь.

В своих лингвистических трудах Штур стремился доказать, что словацкий язык по своей структуре и характерным свойствам имеет ряд отличий от других славянских языков, в том числе и от близкородственного чешского языка. При этом он не всегда научно объективен, не во всем точен. Некоторые его утверждения и выводы вызывали возражения даже среди самих штуровцев (М. М. Годжа и др.). Что касается субъективизма в оценке некоторых черт и качеств словацкого языка, то он в известной мере был обусловлен идеалистическо-романтическими представлениями, характерными для языковых теорий того времени. У штуровцев это проявлялось, в частности, в усиленном подчеркивании преимуществ родного языка, в такого рода характеристиках, как «более совершенный», «более пригодный для поэзии», сохранивший «словацкий и славянский дух в своей чистоте и свежести» (Л. Штур), «самый совершенный, самый красивый» (Й. М. Гурбан) и т. п. Пропагандируя достоинства словацкого языка, штуровцы наряду с филологическими соображениями использовали и такой аргумент, как свое собственное эмоционально-эстетическое восприятие его качеств. Так, Гурбан писал:

«Наше словацкое наречие обладает такими достоинствами, такими богатствами и сокровищами, каких, пожалуй, не имеет ни одно славянское культурное наречие»¹⁰¹.

Штуровцы глубоко понимали роль и значение родного языка в системе культурных ценностей. Для них язык – главный, определяющий признак нации. В одной из своих работ, опубликованной в 1843 г., Штур подчеркивал: «Только язык делает нацию нацией, без него она была бы ничем; нация признается нацией лишь при условии, что она имеет собственный язык»¹⁰². По мнению штуровцев, язык – это основное проявление духовности нации и, следовательно, средство выражения ее своеобразия. Не случайно они постоянно подчеркивали неразрывную связь языка и народного духа, ср.: «Речь народа есть голос души, воплощенная сущность духа»¹⁰³. Иногда они отмечали и соответствие языка «типу национального характера»¹⁰⁴.

В создании литературного языка на базе живой словацкой речи штуровцы видели мощный объединяющий фактор, способный положить конец литературно-языковой и конфессиональной разобщенности словацких патриотических сил и ускорить процесс консолидации нации. Именно это имел в виду Штур, когда писал своему другу, русскому слависту И. И. Срезневскому о том, что они ввели в литературу словацкий язык, «желая объединить все сословия, дворянское, буржуазное и люд, желая объединить религиозные партии, протестантскую чешскую и католическую бернолаковскую»¹⁰⁵.

Введение в литературу языка, основанного на родной речи, штуровцы рассматривали как важный шаг на пути сближения патриотической словацкой интеллигенции с народными массами. В их понимании родной язык – «ключ к сердцу и мысли» народа. Для обращения к народу, писал Штур, нужен такой язык, который «на люд наш оказывает наибольшее воздействие»¹⁰⁶. Таким языком, естественно, был родной язык словаков, который штуровцы стремились поднять до уровня литературного общенационального языка.

Интересно решалась Штуром проблема соотношения литературного языка и диалектной речи. Хотя в его работах нередко говорится о необходимости поднятия словацкого диалекта на уровень литературного языка, это не значит, что имелся в виду некий формальный акт создания письменности на этом диалекте. Он понимал, что формирование литературного языка на основе народно-разговорной, диалектной речи – это сложный и длительный процесс, требующий тщательного отбора и обработки языковых средств, их нормализации,

кодификации и стабилизации. При этом прежде всего им рассматривались вопросы нормализации письменной формы словацкого языка. Поэтому у него определения «письменный» и «литературный» нередко выступали как синонимы. Это вполне объяснимо: на начальном этапе функционирования нового литературного языка нужно было в первую очередь установить и кодифицировать единые нормы его письменной формы. Еще замышляя языковую реформу, Штур готовил и описание грамматического строя словацкого языка. Он совершенно справедливо считал, что литературный язык должен представлять определенным образом организованную систему. Поэтому Штур не соглашался с теми, кто предлагал собрать из всех словацких говоров «хорошие», наиболее отточенные формы и из них образовать единое целое – словацкий литературный язык, поскольку, по его мнению, это создало бы пеструю мешанину и открыло бы дорогу всякому своеволию и беспорядку¹⁰⁷.

У штуровцев проявляется более глубокое, чем у бернолаковцев, понимание общественной роли литературного языка, наряду с национально-репрезентативной функцией этого языка они вполне осознают его социальное предназначение. Литературный язык рассматривается ими не только как средство культурно-просветительной и религиозной пропаганды, как средство развития национальной культуры, но и как необходимое орудие в борьбе за улучшение социальных условий жизни народа, за устранение пережитков феодализма, за пробуждение и общественную активизацию широких слоев словацкого населения.

Обоснование предпринятой языковой реформы, аргументы в пользу нового литературного языка находим во многих статьях и выступлениях Штура, но наиболее развернуто и полно они изложены в книге «Словацкое наречие или необходимость писать на этом наречии». Кодификация литературно-языковых норм, описание грамматического строя нового словацкого литературного языка представлены в его книге «Наука словацкого языка». Эта книга является наиболее значительным лингвистическим трудом Штура, написанным на уровне достижений теоретического языкознания того времени¹⁰⁸. В ней наиболее полно представлена кодификация различных уровней литературного словацкого языка, дается детальное описание фонетики и грамматического строя языка, излагаются правила орфографии и орфоэпии. Это было не практическое учебное пособие, а именно научная грамматика,

базирующаяся, как замечал сам Штур, на «исследовании и объяснении внутреннего строя и порядка нашего языка»¹⁰⁹.

Прежде чем перейти к описанию типичных признаков штуровской кодификации, отметим три ее существенные черты. Во-первых, так же как и кодификация Бернолака, она носила прескриптивный (нормообразующий) характер¹¹⁰. Во-вторых, в ней реализовался системный подход¹¹¹ в понимании и описании языковой структуры, что отличало Штура как грамматиста от его чешских и словацких предшественников и свидетельствовало о глубоком освоении им гегелевской диалектики¹¹². В-третьих, новаторским был и по преимуществу синхронный подход к описанию языковой системы, свидетельствующий о том, что Штур ориентировался прежде всего на живые продуктивные элементы языка¹¹³.

В целом кодификация Штура отражала основные среднесловацкие и общесловацкие языковые признаки. Наиболее полно система норм штуровщины описана в книге Н. А. Кондрашова¹¹⁴. Мы отметим лишь некоторые типичные черты штуровской кодификации.

Правописание. Вслед за Бернолаком Штур ввел фонетический принцип правописания (по его мнению, правила написания должны основываться на произношении). Описывая грамматические явления, он иногда использовал и морфологический принцип. Ориентация на произношение позволила ему особенно четко показать отличие словацкого языка от чешского.

Штур, как и Бернолак, исключил из орфографической системы литературного словацкого языка буквы *y* (*ý*). «В нашем языке нет никакого *y*» подчеркивал Штур¹¹⁵. На месте этимологического *y* (*ý*) он рекомендовал писать *i*, *í*, например *bit'* (а не *byť*), *chiba* (а не *chyba*, *kívat'* (а не *kvat'*) и т. п.

Штур настаивал на последовательном обозначении при помощи диакритических значков мягкости согласных не только перед гласными *a*, *o*, *u*, *i*, *e*, но и перед дифтонгами *ja*, *je*, например *mña*, *t'a*, *lud'om*, *náradňk*, *paňe*, *t'i*, *ot'ec*, *úd'el*; *peňjazmí*, *host'ja*, *ňje len* и т. д. Это дало возможность зафиксировать на письме характерное для среднесловацкой диалектной области противопоставление указанных согласных по твердости – мягкости (*n* – *ň*, *t* – *t'*, *d* – *d'*).

Штур впервые узаконил обозначение долготы плавных («полугласных»), выполняющих в словацком языке слогаобра-

зующую функцию. Выступая в позиции между согласными, они могли быть краткими и долгими, например *hlbokí, vlk, prskota, kízat' sa, vlča, brkat'* и т. п.

Для обозначения типичных среднесловацких дифтонгов *ja, je, jo* Штур рекомендовал написание *ja, je, jo*, например *vid'ja, prjat'el, mljeko, pjest', kuoj, muožeme, puoj'dem*. Вместе с тем он не признавал нормативным дифтонг *ju*, на его месте в штуровской кодификации находим долгое *u*, передаваемое графемой *ú*.

Вместо букв *w, g, ĝ*, принятых в бернолаковщине, Штур кодифицировал соответственно буквы *v, j, g*.

Фонетика. В фонетической системе штуровщины были представлены пять кратких гласных: *a, i, u, e, o* и соотносительные с ними долгие гласные и дифтонги. При этом кратким гласным *a, i, u*, как и в бернолаковщине, соответствовали долгие *á, í, ú*, а кратким *o, e*, как правило, дифтонги *jo, je* (в написании *jo, je*). Бернолаковские долгие гласные *ó, é* Штур считал ненормативными, неподходящими для словацкого литературного языка, они допускались им в иностранных словах (например *trón, chróg*) и в нескольких словацких, ср. *séga, léka*. С кратким *a* в штуровской норме мог соотноситься также дифтонг *ja* (в написании *ja*).

Примечательно, что в штуровской системе вокализма (как и в бернолаковской) не оказалось характерного для некоторых среднесловацких говоров звука *ä* (широкого открытого *e*, ср. нормативное произношение в современном словацком литературном языке: *mäso, päť, vädnút', žieba*). Штур считал его «неистинным» дифтонгом, который встречается лишь в некоторых уголках Словакии,¹¹⁶ и полагал, что он имеет тенденцию к исчезновению. На его месте в штуровщине выступали звуки *a* или *e*, например *svatí, zavazuje, najme, vezeň* (ср. совр. *svätý, zaväzuje, najmä, väzeň*).

Характерной чертой штуровской литературной нормы было произношение *u* в глагольных формах прошедшего времени типа *boj, mač, volaj, robij* (правда, здесь допускались и вариативные формы *bol, mal, volal, robil*).

В системе консонантизма Штур особо выделял аффрикаты *dz* и *dž*, подчеркивая отличие в этом пункте словацкого языка от чешского, ср.: *hádzat', hádžem* и чеш. *házet, házejí; chuodza* и чеш. *chůze*.

В отличие от бернолаковщины и современного словацкого литературного языка в шутовщине отсутствовал типично среднесловацкий звук – мягкое *l* (*l'*). Считая его неэстетичным, «неприятным», недостаточно распространенным в речи словаков, Штур полагал, что в «чистом словацком языке» его лучше избегать¹¹⁷.

Несомненной заслугой Штура было установление ритмического закона сокращения долгот, по которому в слове не могут следовать друг за другом долгие слоги. Штур писал: «В чистом словацком языке нигде не встречаются два долгих слога, и даже если один из слогов по своему характеру должен быть долгим, он сокращается, когда ему предшествует долгий слог»¹¹⁸. Это правило, столь типичное для среднесловацких говоров, в бернолаковщине не действовало, зато в шутовском литературном языке оно реализовывалось достаточно последовательно, например *hádžu* (а не *hádžži*), *vjažú* (а не *vjažži*), *krásni* (а не *krásni'*), *pjati* (а не *pjati'*). В этом пункте Штур также подчеркивал отличие словацкого языка от чешского.

Грамматика. В книге «Наука словацкого языка» наиболее подробно описан грамматический строй шутовского литературного языка (особенно морфология). Здесь ярко проявляется стремление автора к синхронному рассмотрению грамматических категорий и морфологических форм, к постижению системной организации языка. Принимая во внимание предшествующую грамматическую литературу, опираясь прежде всего на труды чешских и словацких авторов (П. Долежала, Й. Добровского, А. Бернолака, В. Ганки, П. Й. Шафарика и др.), Штур вместе с тем при описании многих фрагментов грамматического строя занимал самостоятельную позицию, принимал оригинальные решения, проявляя себя как вдумчивый исследователь и умелый кодификатор. В этом отношении ему удалось выявить и впервые ввести в нормативный комплекс литературного словацкого языка ряд характерных признаков живой народно-разговорной словацкой речи.

В целом узаконенная Штуром система морфологических норм совпадает с нормами современного словацкого литературного языка. Однако она имеет и ряд отличительных черт. К их числу относятся, в частности, следующие:

Окончание *-ja* в формах им. и вин. падежей ед. числа имен существительных сред. рода, например: *lámaňja*, *nárečja*, *svedomja*, *zdravja* (ср. современные формы *svedomie*, *zdravie* и т. п.).

Окончание *-mí, -amí* в формах твор. падежа мн. числа имен существительных, например: *dveramí, medved'mí* и *medved'amí, prjat'elamí, rukamí, susedmí* и т. п. В случае действия ритмического закона *í* сокращался, например *ránmi*.

Окончание *-ú* в формах дат. падежа ед. числа имен существительных сред. рода, например: *staveňú, znameňú* (совр. норма – окончание *-iu*). Как отмечалось выше, подобная форма в качестве вариативной фиксировалась и Бернолаком.

Окончание *-uo* в формах им. и вин. падежей ед. числа имен прилагательных сред. рода, например: *dobruo, potrebuo* (совр. нормативные формы – *dobré, potrebné*).

Дифтонг *je* в окончаниях косвенных падежей имен прилагательных, например: *dobrjeho, dobrjemu, každ'jeho, každ'jemu* (совр. формы – *dobrého, každého* и т. п.).

Формы инфинитива на *-uvat'*, например: *obetuvat', považuvat', ukazuvat'* (совр. формы – *obetovat', považovat', ukazovat'*).

Значительное место в книге «Наука словацкого языка» Штур уделил классификации глаголов, системе спряжения, грамматическим значениям глагольных форм. Опираясь при этом на труды Й. Добровского и специальное исследование о глаголе польского лингвиста И. Цегельского (Cegielski Hipolit. *O słowie polskim i koniugacii jego*. 1842), он значительно углубляет теоретическую трактовку грамматических категорий глагола. Стремясь раскрыть специфику славянского глагола, Штур писал: «Конечно, знаменитый наш Добровский много сделал в этом отношении, но все же сущность (*die Beschaffenheit*) нашего глагола и его образование должным образом не объяснил»¹¹⁹. Сам Штур в этом плане сделал очень много. Он показал органическую взаимосвязь глагольных грамматических категорий (вида, времени и наклонения), выявил такую важную черту славянской глагольной системы, как выделение в ней глаголов совершенного и несовершенного вида, раскрыл некоторые особенности употребления видо-временных глагольных форм в словацком языке, высказал оригинальные интересные идеи, касающиеся роли семантико-синтаксических свойств глагола, благодаря которым выражается разного рода «направленность» глагольного действия¹²⁰. Впоследствии, почти через сто лет, эти идеи были подхвачены и творчески развиты в исследовании Э. Паулини

«Структура словацкого глагола» (Pauliny E. Štruktúra slovenského slovesa. Bratislava, 1943). В этой книге были заложены основы характерной для современного словацкого языкознания теории интенции глагольного действия (Й. Ружичка, Я. Качала, Я. Оравец и др.). Как справедливо замечает В. Бланар, глава о глаголе является в «Науке словацкого языка» Л. Штура наиболее глубоко разработанной частью морфологии, она представляет вклад в теорию грамматики¹²¹.

Штуровские предписания в сфере морфологии были, однако, не всегда строги и однозначны. Некоторые из них вызывали споры даже в кругу его соратников. В ряде случаев он сам признавал возможность использования вариантных форм, полагая, что на начальном этапе функционирования нового литературного языка его нормы еще не вполне стабилизировались, что их унификация будет достигнута в последующем развитии этого языка. И действительно некоторые штуровские предписания были впоследствии отвергнуты. В целом же система словоизменения, кодифицированная Штуром, выдержала проверку временем.

Словообразование. У Штура нет специальных работ, посвященных словообразованию. Тем не менее связанная с этим проблематика достаточно широко рассмотрена в его основном лингвистическом труде «Наука словацкого языка». Правда, здесь словообразование не всегда четко отграничивается от образования форм слов (морфологии), однако и в этой области Штур делает ряд интересных и верных наблюдений. Так, в частности, он подробно описывает слова уменьшительные и увеличительные, которыми «словацкий язык очень богат»¹²². Штур отмечал, что эти слова не только передают значение меньшей или большей меры признака, но могут иметь и ярко выраженный эмоционально-экспрессивный характер. В плане словообразования существенно также то, что Штур подметил разные ступени уменьшительных и увеличительных суффиксов. Так, он различает суффиксы (príveski) первой ступени (например: síkor-ča, d'jev-ča, zvon-ec, slov-ce) и второй ступени (например: síkorčat-ko, d'jevčat-ko, zvon-ček, slov-ŕko). Значительное место в книге Штура отведено описанию сложных слов в словацком языке, а также некоторым другим вопросам словацкого словообразования.

Лексика. Серьезное внимание Штур уделял вопросам нормализации и развития словарного состава словацкого литературного

языка, хотя и не написал специальных лексикологических исследований и не создал словаря словацкого литературного языка. В своих общих лингвистических трудах, в редакторской и журналистской деятельности он, однако, часто обращался к этим вопросам, доказывал их важность и актуальность. В книге «Словацкое наречие...» Штур сопоставляет словацкую лексику с чешской, стремясь и на этом материале показать самостоятельность и своеобразие словацкого языка. В частности, он фиксирует немало словацких слов, которые отсутствуют в чешском языке. Кроме того, ему удалось выявить семантические расхождения ряда слов, сходных по внешнему облику в чешском и словацком языке, например: чеш. *chudý* 'бедный' и слвц. *chudí* 'худой', чеш. *sboží* 'товар' и слвц. *zbožje* 'зерно, хлеб', чеш. *zvýšiti* 'повысить' и слвц. *zvšiti* 'остаться'. Штур понимал необходимость лексикографической обработки словарного состава нового литературного языка. В своих лингвистических трудах он сообщал читателям, что словарь словацкого языка составляется одним из соотечественников. По мнению Штура, этот словарь должен был сыграть важную роль в пробуждении у словаков чувства гордости за свой язык, в осознании ими словарного богатства этого языка. Он писал: «Когда наш словацкий словарь, значительная часть которого уже готова, выйдет, в этом каждый убедится»¹²³. Пока еще точно не установлено, кого Штур имел в виду, говоря о подготовке словацкого словаря (в связи с этим в литературе упоминаются Я. Калинчак, Шт. Янчович и др.). К сожалению, в штуровский период не было создано ни толкового словацкого словаря, ни большого двуязычного словаря (в то время был опубликован только небольшой по объему словника словацко-венгерский и венгерско-словацкий словарь Штефана Янчовича¹²⁴).

Глубоко осознавая общественное назначение литературного языка как орудия объединения всей нации, как важнейшего средства развития просвещения, литературы и культуры, Штур придавал большое значение обогащению его словарного состава. Одним из источников формирования и развития лексики нового литературного языка была народно-разговорная речь. Дело в том, что Штур и его последователи сделали решительный шаг на пути сближения литературно-письменных норм с живой диалектной речью. Они, понимая «высокий» характер литературного языка, тем не менее смело вводили в него диалектную лексику и фразеологию. Штуровцы

переосмысливают значимость речевых средств простого народа. В отличие от деятелей старшего поколения (Я. Коллар, П. Й. Шафарик и др.), которые считали элементы простой народной речи неподходящими для литературного языка, шутовцы рассматривают их как полноценные компоненты лексики литературного языка¹²⁵. В этом можно видеть одно из проявлений глубокого демократизма языковой реформы Штура.

Понимая необходимость расширения словарного состава литературного языка, Штур в своих работах наметил два основных способа обогащения литературной лексики: образование новых слов и заимствование слов из других литературных языков. Что касается лексических новообразований, то к ним Штур относился весьма осторожно. Он не был сторонником слишком активного словотворчества (как, например, М. М. Годжа, С. Б. Гробонь и др.). Гораздо большее значение Штур придавал второму способу обогащения лексики литературного словацкого языка — посредством заимствованных слов. В этом вопросе он занимал довольно трезвую, отнюдь не пуристическую позицию. Это проявлялось, в частности, в его отношении к заимствованиям из чешского языка. Он считал возможным и полезным заимствовать и осваивать чешские слова и термины, прежде всего те, которым не было соответствий в словацком языке (например, такие грамматические термины, как *mluvníca*, *predložka*, *sloveso* и т. п.). Заимствования из чешского языка приобретали словацкую фонетическую огласовку и морфологическую форму. Особенно большую роль богемизмы сыграли в развитии абстрактной лексики и в формировании научной терминологии литературного словацкого языка. Как отмечал Э. Паулини, важнейшая часть специальных терминов литературного словацкого языка была в шутовский период заимствована из чешского языка¹²⁶. В частности, в словацком литературном языке получили распространение следующие лексические богемизмы: *časopis*, *dejepis*, *dojem*, *kyslík*, *národopis*, *názor*, *pojem*, *poznatok*, *predstava*, *rozbor*, *sústava*, *účel*, *veda*, *výsledok*, *zámer*, *životopis*. Словарный состав шутовщины обогащался и за счет заимствований из других славянских языков (в том числе русского¹²⁷), а также из латинского, немецкого и венгерского. Однако Штур предостерегал против неумеренного употребления иностранных слов.

Уделяя большое внимание развитию и обогащению словарного состава нового литературного языка, шутовцы заботились о том,

чтобы используемые в нем слова были понятны широкому кругу читателей. Поэтому при малоизвестных или впервые вводимых в литературный обиход словах Штур и другие авторы в своих публицистических и научных текстах имели обыкновение давать разного рода пояснения. При этом практиковалась, в частности, постанова в скобках при данном слове или словацких синонимов, например: *krám* (*sklep*), *puška* (*flinta*), *znak* (*čímer*) или иностранных эквивалентов (латинских, немецких, иногда венгерских и значительно реже других), например: *hláska* (*Laut*), *ňedostatok* (*defectus*), *ňehoda* (*fortuna adversa, die Unfälle*), *obecensvo* (*publicum*), *pomer* (*relatio, der Verhältniss*), *pomník* (*Denkmal, monumentum*), *sebestvo* (*egoismus*), *smer* (*die Richtung*), *zmenka* (*Wechsel*) и т. п. Подобные уточнения, пояснения важны были также для стабилизации значений новых слов, для регламентации их правильного литературного употребления (подробнее об этом см. главу «Развитие лексики литературного словацкого языка штуровского периода»).

Кодификация Штура, как и кодификация Бернолака, носила прескриптивный характер¹²⁸. В своей нормализаторской и кодификаторской деятельности он еще не мог опираться на достаточно широкий корпус письменных текстов на литературном языке среднесловацкого типа, хотя, как было отмечено выше, еще до выхода в свет лингвистических трудов Штура на нем были опубликованы первые произведения.

Кодифицируя нормы литературного словацкого языка, Штур опирался, как он сам неоднократно указывал, на наиболее «чистую», самую правильную, широко употребительную народно-разговорную словацкую речь (имелись в виду среднесловацкие говоры, укрытые от чужого влияния в глубине Татр). Действительно, среднесловацкая основа штуровщины не вызывает сомнения. Тем не менее вопрос о ее диалектной базе все же не так прост, как это может показаться. Не случайно, он привлекал и до сих пор привлекает пристальное внимание исследователей. В старой литературе было заметно стремление выявить прямую, непосредственную связь штуровского литературного языка с тем или иным конкретным среднесловацким диалектом или говором (например, липтовским, тренчанским и др.). Между тем углубленное изучение фонетических и грамматических норм штуровщины показало, что такой прямой связи с определенным диалектом нет. Так, исследуя липтовские говоры, Я. Станислав пришел к

выводу, что их нельзя признать основным и единственным источником штуровского литературного языка¹²⁹. В более общей форме сходное заключение сделал чешский лингвист В. Важный, который основательно изучил словацкие диалекты. Он писал: «тезис о том, что основатели и реформаторы литературного словацкого языка имели в виду какой-то конкретный среднесловацкий диалект и действительно подняли его на уровень литературного языка, доказать невозможно»¹³⁰. В современной лингвистической литературе кодифицированный Штуром литературный язык уже, как правило, не ставится в непосредственную связь с определенными словацкими местными диалектами. Между этими двумя полюсами усматривается своего рода переходное звено, которое называется среднесловацким культурным языком (диалектом, интердиалектом). Идею о том, что Штур в своей кодификации опирался на «культурный среднесловацкий язык», впервые высказал К. Горалек¹³¹. Она получила довольно широкое признание и дальнейшее развитие, в частности, в работах Э. Паулини и других словацких лингвистов. Связанная с этим проблематика более подробно рассматривается нами в главе «О диалектной основе литературного словацкого языка». Здесь лишь отметим, что важным компонентом «культурного среднесловацкого языка» были речевые средства устной народной словесности, язык словацких народных песен, сказок и т. п. Это придавало ему особый колорит, что, естественно, находило отражение и в штуровском литературном языке.

Штур и его соратники с самого начала своей нормализаторской и кодификаторской деятельности исходили из того, что новый литературный язык станет единым общенациональным средством общения словаков, орудием развития словацкой национальной культуры. Однако добиться его признания всеми словаками было нелегко.

Языковая реформа Штура, узаконенная им система литературных норм словацкого языка были встречены современникам далеко неоднозначно¹³². Штуровцам пришлось вести длительную и напряженную борьбу за введение в жизнь нового литературного языка, отстаивать правильность и необходимость предпринятого ими шага. Они много сделали для того, чтобы разъяснить истинный смысл языковой реформы. Сложность ситуации помимо прочего состояла в том, что на первых порах введение нового литературного языка еще больше дробило национально-патриотические силы словаков (поскольку

привело к временному размежеванию в лагере словацких протестантов, так как часть из них продолжала пользоваться чешским языком).

В острых полемиках, развернувшихся в сороковых годах XIX в. по вопросу о литературном языке словаков отразилось не только разное представление деятелей словацкого национального движения об определяющих тенденциях языкового развития и расхождение в понимании языковых норм и признаков. В них проявились также политические, идеологические, национально-культурные позиции разных социальных групп словацкого общества. Нашли в них свое отражение и сложные, порой противоречивые отношения словацкого национального движения с национальными движениями венгров и чехов.

Резко отрицательную реакцию штуровское нововведение вызвало со стороны многих чешских деятелей, обвинявших Штура и его соратников в разрыве традиционного чешско-словацкого литературно-языкового единства. Негативной была также реакция лидеров венгерского национально-освободительного движения, которые усматривали в языковой реформе Штура проявление панславистских тенденций, подрыв идеологии единой венгерской нации и угрозу венгерской государственности. По вопросу о новом литературном языке не было единогласия в рядах словацкой интеллигенции католического вероисповедания. Наконец, даже в лагере словацких протестантов реформа Штура не получила общей поддержки. Многие протестанты (особенно молодежь) с самого начала восторженно приняли реформу и горячо поддерживали новый литературный язык. Однако против выступили некоторые видные представители старшего поколения (Я. Коллар, П. Й. Шафарик, И. Палкович и др.). Здесь, вероятно, сказывались и конфессиональные предпочтения. И. Палкович, например, иронизируя над Штуром, называл его «автором обновленной бернолаковщины»¹³³. Следует подчеркнуть, что для многих словацких протестантов было непросто принять новый литературный язык, в частности, по причинам эмоционально-психологического характера. Ведь они учились на чешском языке, воспитывались под большим влиянием чешской литературы и культуры, их связывали с чехами и религиозные узы. И если ближайшее окружение Штура и протестантская молодежь довольно быстро смогли преодолеть эти трудности, то многие деятели старшего поколения долго колебались или же вообще остались верны своей прежней позиции.

Как уже было сказано, отрицательную позицию по отношению к реформе Штура заняли многие деятели чешского национального движения. В чешских газетах и журналах появились статьи, критикующие создание самостоятельного словацкого литературного языка, обвиняющие штуровцев в раскольнической деятельности и т. п. В резкой форме против Штура выступил, например, известный чешский поэт и публицист К. Гавличек-Боровский. По инициативе Я. Коллара в Праге в 1846 г. была издана книга «Голоса о необходимости единства литературного языка для чехов, моравян и словаков»¹³⁴, представляющая собой подборку высказываний и статей чешских и словацких авторов (Ф. Палацкий, Й. Юнгман, Ф. Шембера, Я. Коллар, П. Й. Шафарик, Й. Заборский, Я. Халупка), в том числе и умерших (Я. А. Коменский, Й. Добровский, Б. Таблиц). Материалы сборника были прямо или косвенно направлены против языковой реформы Штура, хотя мнения отдельных авторов полностью не совпадали.

Ф. Палацкий, например, не сомневался в добрых намерениях штуровцев, в их стремлении пробудить родной народ, объединить словацких протестантов и католиков. Однако он не соглашался с обособлением словаков от чехов по литературному языку и считал реформу Штура «роковым и горестным заблуждением»¹³⁵. П. Й. Шафарик, приведя целый ряд историко-культурных и филологических аргументов в пользу сохранения литературного и языкового единства чехов и словаков, выражал опасение, что штуровское начинание поставит под удар их вековые культурные и литературные связи. Наиболее острой критике штуровская реформа подверглась в статье Коллара «О чехословацком единстве в языке и литературе». Он доказывал, что у словаков есть только один путь — продолжать пользоваться в письменности чешским литературным языком. Другой путь, связанный с созданием отдельного словацкого литературного языка, Коллар категорически отвергал. В выступлении штуровцев Коллар увидел подрыв своей концепции славянской взаимности. Не учитывая глубоких изменений в словацком национально-возрожденческом движении 40-х годов (расширение его социальной базы, заметный рост национального самосознания словаков, активизация их борьбы за свои социальные и национальные права, нарастание угрозы мадьяризации), он, как и в 30-е гг., настойчиво выступал за сохранение и упрочение в Словакии позиций чешского литературного языка, считал его «золотой цепью»,

связывающей чехов и словаков. Статья Коллара была написана в острополюемическом стиле. В ней он допустил грубые выпады в адрес Штура и его соратников, а также презрительно отзывался о новом литературном языке, называя шутовщину языком пастухов и кучеров, кухонной речью и т. п. Следует, однако, отметить, что в чешском обществе того времени были и сторонники шутовского нововведения (например, Я. Кадави, Й.-В. Фрич и др.).

В полемиках с чешскими оппонентами Штур и его соратники защищали право словаков на литературно-языковую самостоятельность, но вместе с тем постоянно подчеркивали необходимость сохранения культурных, духовных чешско-словацких связей, отмечали важную роль чешского языка в развитии словацкой культурной жизни. Предвидя возможные упреки в разрыве связей с чехами, Штур замечал: «...сохрани нас бог от разрыва. Кто теперь от братьев своих отрывается, того постигнет тяжелейшая ответственность перед нашим народом»¹³⁶. Шутовцы высказывались за дальнейшее культурное сотрудничество с чехами, подчеркивая, что чешская литература будет и впредь близка и дорога словакам. Годжа, например, писал: «Все сокровища чешской литературы, есть и всегда будут самым близким достоянием словака наряду с его словацким языком»¹³⁷.

Отстаивая идею национальной самобытности словаков, их право на свой собственный литературный язык, Штур и его сторонники столкнулись с непониманием и со стороны лидеров венгерского национально-освободительного движения. Отвергая обвинения в государственной измене, в панславизме и т. п., шутовцы подчеркивали, что формирование национального самосознания словаков, развитие их родного языка и национальной культуры не подрывают их патриотических чувств как граждан Венгерского государства. Они подчеркивали, что словаки являются одним из главных народов Венгерского королевства, что они хотят «оставаться верными сыновьями родины, но как словаки»¹³⁸. Это объяснялось тем, что на начальной фазе революции в Венгрии вожди словацкого национального движения исходили из возможности реализации национальных требований словаков путем договора с венграми «на базе и в рамках общей венгерской родины»¹³⁹.

Шутовцы отвечали на нападки и критику, как правило, достаточно сдержанно, в целом довольно успешно отстаивая свою линию. Они не забывали о том, что литературный язык — не самоцель, а важнейшее средство решения общенациональных задач. Поэтому в

необходимых случаях они проявляли выдержку и тактическую гибкость. Показательна в этом плане, например, позиция Штура по отношению к старым прославленным деятелям словацкого национального движения, которые не хотели отказаться от привычного для них чешского литературного языка. Он писал: «Мы не требуем того, чтобы они полностью склонились на сторону нашей молодой жизни... однако мы требуем, чтобы они не мешали нам в нашем начинании»¹⁴⁰.

Большие усилия прилагали штуровцы для привлечения на свою сторону словацких католиков (бернолаковцев). Некоторые из них (Э. Герометта, Ю. Голчек, М. Храстек, Ю. Плошиц и др.) довольно быстро поняли основной смысл штуровской реформы и выступили в ее поддержку. Значительная часть католической интеллигенции настаивала, однако, на применении бернолаковщины (М. Гамульяк, М. Решетка и др.). Наконец, некоторые бернолаковцы, одобряя в принципе переход словацких протестантов на новый словацкий литературный язык, предлагали изменить его орфографические нормы в сторону сближения с нормами бернолаковщины. В полемике с бернолаковцами штуровцы стремились подчеркнуть общность принципиального подхода к решению вопроса о литературном языке (т. е. то, что он должен быть словацким). В связи с этим они ссылались на традицию использования католиками словацкого языка в литературно-письменной сфере. Штур, в частности, признавал, что к идее поднять словацкий язык до уровня литературного «нам прорубали и пробивали дорогу замечательный наш Бернолак и его последователи»¹⁴¹.

Среди протестантов, в том числе в кругу ближайших сподвижников Штура, дискуссии велись главным образом по вопросу о некоторых конкретных нормах нового литературного языка. Существенными расхождениями со взглядами Штура характеризовалась, например, позиция М. М. Годжи¹⁴². В своих трудах он, горячо отстаивая принцип самостоятельности литературного словацкого языка и защищая от нападок штуровское нововведение, вместе с тем оспаривал некоторые аргументы и кодификаторские установки Штура и предлагал свое решение ряда спорных вопросов правописания и морфологии¹⁴³. В отличие от Штура в трактовке некоторых вопросов орфографии и фонетики он большое значение придавал фактам истории словацкого языка, а также сравнению словацкого языка с другими славянскими языками (прежде всего со старославянским). Естественно, это сказывалось и на его рекомендациях, относящихся к

ряду конкретных норм. Годжа предлагал, в частности, восстановить написание *y* после твердых согласных, включить в фонетическую систему литературного словацкого языка звук *ä*, писать глагольные формы прошедшего времени с конечным *-l*, например *bol*, *dal*, *mal*. Указанные предложения Годжи впоследствии были приняты и стали составной частью системы норм литературного словацкого языка. Следует, однако, отметить, что по многим пунктам Годжа придерживался шуруповской кодификации.

Отдавая приоритет идее внутрисловацкой национальной интеграции на базе единого литературного языка, Штур допускал возможность изменения, уточнения и дополнения отдельных конкретных положений системы своей кодификации. Это проявлялось и в его редакторской практике. Так, в частности, на страницах «Словацкой национальной газеты» в 1847–1848 гг. встречаются некоторые отступления от первоначальных нормативных установок (например, появляются написания с *ä*: *d'evät'*, *vätš'* и т. п.; наряду с глаголами на *-uvat'* с течением времени допускаются и глаголы на *-ovat'*: *obetovat'*, *pracovat'*, *rovažovat'* и др.; встречаются глагольные формы типа *bol*, *pisal* и т. п.). При решении некоторых дискуссионных вопросов (особенно в сфере правописания) Штур стремился опираться на согласованное коллективное мнение, проявлял готовность идти на компромисс. 9–10 августа 1847 г. в Чахтицах на общем собрании культурно-просветительного общества «Татрин» была достигнута принципиальная договоренность между словацкими протестантами и католиками о едином литературном словацком языке. И хотя некоторые вопросы орфографии оставались открытыми (предполагалось, что они будут решены с учетом предложений М. М. Годжи, М. Гатталы и других участников дискуссии), создались реальные предпосылки для превращения шуруповщины в общенациональный литературный язык словаков и для ее употребления без конфессиональных ограничений. Тем самым была заложена основа национального и политического объединения словацких патриотических сил.

Несмотря на все трудности, шуруповщина постепенно проникала в различные сферы общественной и культурной жизни (в газете и журналах; в художественной литературе; в научных сочинениях, в частности, в ряде лингвистических трудов; в личной переписке культурных и общественных деятелей; в общественно-политической деятельности и т. п.). Особенно важно подчеркнуть использование

штуровщины в художественной литературе. Введение в жизнь нового литературного языка, органически связанного с народно-разговорной словацкой речью, создало для развития художественной литературы чрезвычайно благоприятные условия. Не случайно именно на сороковые годы XIX в. приходится расцвет словацкой романтической литературы. Новый литературный язык стал мощным стимулом и важным средством художественного творчества словацких писателей и поэтов. Очень скоро на нем появились прекрасные поэтические и прозаические произведения (А. Сладковича, Я. Краля, С. Халупки, Я. Богто, Я. Матушки, Б. Гробоня, Я. Калинчака, Й. М. Гурбана, Б. Носака и др.). В свою очередь успехи словацкой литературы усиливали общенациональную значимость штуровщины, содействовали дальнейшему развитию и укреплению национального самосознания словаков¹⁴⁴. Ведь именно через посредство литературы и наиболее авторитетно в сфере литературы проявляется, как отмечал словацкий литературовед Ст. Шматлак, «акт выбора данным культурным коллективом языкового орудия своей духовной самореализации»¹⁴⁵.

Итак, в конце сороковых годов XIX в. на завершающем этапе эпохи словацкого национального возрождения вопрос о литературном языке словаков в принципиальном отношении был решен, хотя еще продолжались дискуссии по некоторым проблемам орфографии и грамматической регламентации. Однако реализовать договоренность, достигнутую в Чахтицах, воплотить ее в кодификаторские труды удалось лишь после буржуазной революции 1848–1849 гг., когда была осуществлена новая попытка узаконения литературных норм словацкого языка, называемая обычно реформой М. М. Годжи–М. Гатталы¹⁴⁶.

Строго говоря, хронологически эта реформа выходит за рамки эпохи словацкого национального возрождения. Однако она была органически связана с предшествующим процессом становления и развития литературного словацкого языка. Эта реформа явилась своеобразным завершением данного процесса, обусловленным новой общественно-политической и языковой ситуацией. Особенно тяжелым для словацкого общества было первое десятилетие после поражения революции, которое по имени австрийского министра внутренних дел называется «баховским» периодом. В словацких областях империи насаждалась суровая военная диктатура. Центральные австрийские и местные венгерские власти стремились всеми силами помешать дальнейшему развитию словацкого национально-освободительного

движения, что отчетливо проявлялось и в культурно-языковой сфере. Общим государственным языком был объявлен немецкий язык. Значительно усилились позиции венгерского языка, который в качестве официального использовался в административных органах, в школе и т. п. Наряду с этим в среде словацких протестантов, прежде всего в церкви, продолжал употребляться традиционный чешский язык, а в некоторых католических школах использовалась бернолаковщина. Все это вело к тому, что сфера употребления шутовщины заметно сокращалась. Языковая ситуация еще больше осложнилась после того, как в 1850 г. по рекомендации Я. Коллара в словацких областях в качестве языка администрации, прессы и школьного обучения был введен так наз. «старословацкий язык» (*staroslovenčina*). Фактически это был традиционный чешский литературный язык, строй которого был несколько модифицирован за счёт ряда фонетических, морфологических и словообразовательных словакизмов, например *ú* на месте чешского *ou*: *súdcе, prúd*; приставка превосходной степени *naj-* вместо чешской *nej-*: *najpěknejší, najvíce*; суффиксы абстрактных имен существительных *-stwo, -ctwo* вместо чешских *-ství, -ctví*: *biskupstvo, samoranstvo, rozkolníctwo* и др. На этом языке, который стал еще одним конкурентом шутовщины, издавались газета и журнал, публиковались официальные распоряжения и документы, велось обучение в ряде народных школ и гимназий. В 1850 г. А. Радлинский опубликовал учебное пособие по «старословацкому» языку – «Словацкое правописание с краткой грамматикой», содержащее описание орфографических и грамматических правил¹⁴⁷. В этих крайне неблагоприятных условиях судьба шутовщины буквально висела на волоске, какое-то время даже казалось, что «шутровский литературный язык означал лишь краткий эпизод в истории литературного языка»¹⁴⁸. В словацкой письменности в рассматриваемый период трудно было выявить достаточно устойчивый литературный узус, поскольку в текстах, даже относящихся к одному определенному литературному идиому, наблюдались широкая вариативность, колебания и непоследовательность «нормы». Ряд изданий неоднократно менял свой языковую форму, появляясь на свет то на шутовщине, то на «старословацком языке», то снова на шутовщине, но уже несколько видоизмененной.

Неудивительно, что в этих обстоятельствах с новой силой встал вопрос о едином литературном словацком языке, особенно актуальной

стала задача преодоления разногласий по этому вопросу. Выработка компромиссной позиции в отношении литературных норм словацкого языка все больше осознавалась как историческая необходимость.

Патриотически настроенная словацкая интеллигенция обеих конфессий предприняла решительные шаги по преодолению существующей литературно-письменной «разноголосицы», по узаконению единых норм литературного словацкого языка, по восстановлению его коммуникативной и общественно-культурной роли. В октябре 1851 г. в Братиславе на совещании видных представителей протестантского и католического течений национально-возрожденческого движения были обсуждены и официально утверждены единые литературные нормы словацкого языка, приемлемые для обеих сторон. В начале 1852 г. была анонимно издана «Краткая словацкая грамматика»¹⁴⁹, которая узаконила эти нормы. Ее автором был католический священник, теолог и филолог Мартин Гаттала (1821–1903), который наряду с А. Бернолаком и Л. Штуром занимает достойное место в истории литературного словацкого языка и признается одним из видных кодификаторов его норм¹⁵⁰. Предисловие к его грамматике подписали, документируя достигнутое согласие, представители протестантов и католиков (М. М. Годжа, Й. М. Гурбан, Л. Штур; Я. Паларик, А. Радлинский и Шт. Заводник).

«Краткая словацкая грамматика» явилась воплощением так наз. годжовско-гатталовской языковой реформы. В ней, естественно, отразились общелингвистические взгляды Гатталы, а также его понимание путей дальнейшего развития литературного словацкого языка. Для гатталовской системы норм, зафиксированных в данной грамматике, характерны следующие признаки, совокупность которых свидетельствует о сложном переплетении традиционных и новых элементов кодификации.

Восстановление историко-этимологического принципа правописания. Это отличает кодификацию Гатталы от кодификаций Бернолака и Штура и сближает узаконенную им систему словацкого правописания с чешской орфографической системой. Гаттала вновь ввел графему *y*. В «Краткой словацкой грамматике» были довольно четко определены позиции ее употребления и тем самым восстановлено традиционное соотношение графем *i*, *í* и *y*, *ý*. На месте штуровских дифтонгов *ja*, *je* было узаконено написание *ia*, *ie*. Вместо дифтонга *uo* предписывалась графема *ó*. Были восстановлены некоторые черты,

характерные для бернолаковщины (например, *l'*, глагольные формы прошедшего времени на *-l*). Вместо шуруповских среднесловацких окончаний в склонении имен прилагательных *-uo*, *-jeho*, *-jemu* и т. д. были снова кодифицированы окончания *-é*, *-ého*, *-ému*. Характерное для шуруповщины окончание *-ja* в им. падеже ед. числа существительных среднего рода было заменено окончанием *-ie*. В парадигме склонения имен существительных были узаконены традиционные формы зв. падежа, например: *Chlape! Dube!* В форме им. падежа ед. числа существительных сред. рода были зафиксированы вариативные окончания *-a* и *-á*, например: *dela (delá), krosna (krosná)*. В форме мест. падежа мн. числа имен существительных параллельно с основным окончанием *-och* (например: *chlapoch, duboch*) допускалось окончание *-iech* с чередованием конечного задненебного согласного (например: *mnich – o mnisiech, potok – o potociech*). В грамматике Гатталы впервые в фонетическую и орфографическую нормы литературного словацкого языка были введены звук и буква *ä* (например: *pät', svätý, najmä*), чего не было ни в бернолаковской, ни в шуруповской кодификациях, но на чем настаивал, как отмечалось выше, Годжа. Наконец, следует иметь в виду, что в системе норм, узаконенных Гатталой, нашли подтверждение многие пункты шуруповской кодификации.

Годжовско-гатталовская реформа не означала отказа от шуруповского литературного языка, она была направлена на исправление, модификацию некоторых его норм, главным образом в сфере правописания и отчасти в области фонетики и грамматики. В целом она не поколебала среднесловацкую основу шуруповщины, но, благодаря принятым «исправлениям» (в научной литературе в связи с этим иногда используется термин «исправленная шуруповщина»), привела к заметному сближению литературного словацкого языка с чешским, а также с предшествующей словацкой письменной традицией, в том числе и с письменностью на бернолаковщине.

Гатталовская кодификация трактовалась и трактуется по-разному. Одни авторы считают, что она представляет собой синтез бернолаковщины и шуруповщины, другие полагают, что в данном случае следует говорить о синтезе шуруповщины и чешского языка или о синтезе шуруповщины, бернолаковщины и «старословацкого» языка.

Как бы ни толковался характер и суть гатталовской кодификации, несомненно одно: если иметь в виду собственно лингвистический

аспект, то она не была столь последовательной в плане верности единому подходу, как это ярко проявлялось в кодификации Штура. Синхронное описание в ней сочеталось с элементами диахронии, что было обусловлено общими лингвистическими взглядами Гатталы и Годжи, характерной для них исторической и сравнительно-исторической ориентацией (например, введение в систему вокализма звука [ä] в значительной мере определялось стремлением найти словацкое соответствие русскому «я»). Гатталовская кодификация свидетельствует, что в целом ряде пунктов в ней реализованы предложения компромиссного плана, удовлетворяющие сторонников разных направлений словацкого национального движения. В подобных случаях на передний план выступали не требования целостности системы кодификации, а импульсы экстралингвистические – необходимость учета сложившейся общественно-политической, социокультурной и языковой ситуации, желание добиться в этих трудных условиях единства словаков по вопросу о национальном литературном языке.

После осуществления годжовско-гатталовской реформы штуровщина в обновленной («исправленной») форме смогла стать единым общенациональным литературным языком словаков. Ее нормы на многие годы определили основное направление дальнейшего развития литературного словацкого языка.

В истории литературного словацкого языка эпоха национального возрождения (XVIII в.–XIX в.) имеет определяющее значение. Это было время смены общественно-экономического уклада, перехода от феодализма к капитализму, формирования словацкой нации, развития национальной идеологии и культуры словаков, активизации их борьбы за национальные и социальные права. Важное место в политических, идеологических и культурных программах словацкого национально-возрожденческого движения занимали и языковые вопросы, в частности, проблема использования родной речи в социально значимых сферах общественной жизни (церковь, школа, администрация, пресса, художественная и научная литература и т. п.). Именно в эпоху национального возрождения была реализована одна из важнейших социально-культурных потребностей формирующейся словацкой нации – потребность в едином общенациональном литературном языке, основанном на родной речи словаков. Именно в эту

эпоху в макросистеме словацкого языка возникла и получила начальное развитие качественно новая его разновидность – литературный идиом как особый историко-культурный и социолингвистический феномен.

На процесс формирования литературного словацкого языка заметное влияние оказывали существенные изменения в общественно-политической, историко-культурной и социолингвистической ситуации. Во внутриязыковом аспекте важное значение имело взаимодействие литературно-письменной формации и народно-разговорной речи. Существенную роль играл также субъективный фактор – нормализаторская и кодификаторская деятельность словацких «будителей», видных представителей национально-возрожденческого движения, которые внесли большой вклад в отбор, обработку и закрепление в общественно-культурной практике литературно-языковых норм.

Сложный, непрямолинейный, порой внутренне противоречивый процесс становления и развития литературного словацкого языка нашел свое отражение в охарактеризованных выше попытках решения вопроса о литературном языке словаков и в опытах кодификации литературных норм словацкого языка.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Slovensko. Dejiny. Bratislava, 1971, s. 405.

² О социально-исторической обусловленности бернолаковского движения см., в частности: *Tibenský J.* Historická podmienenosť a spoločenská báza vzniku bernolákovského hnutia // K počiatkom slovenského národného obrodenia. Bratislava, 1964, s. 55–69.

³ Slovensko. Dejiny, s. 405.

⁴ Интересные статистические данные о социальном составе словацкой патриотической интеллигенции того времени см.: *Hučko J.* Sociálne zloženie a pôvod slovenskej obrodeneckej inteligencie. Bratislava, 1974, s. 23.

⁵ О причинах проникновения чешского языка в Словакию см.: *Varsik B.* Udomacnenie češtiny na Slovensku a jej funkcia v XV. a XVI. stor. na Slovensku // Slovenské listy a listiny z XV. a XVI. storočia. Bratislava, 1956, s. 11–18; *Pauliny E.* Dejiny spisovnej slovenčiny. I. Bratislava, 1966, s. 29–32.

⁶ См.: *Pauliny E.* Čeština a jej význam pri rozvoji slovenského spisovného jazyka a našej národnej kultúry // O vzájomných vzťahoch Čechov a Slovákov. Bratislava, s. 99–124. *Idem.* Dejiny spisovnej slovenčiny, s. 31. *Habovštiaková K.* Podiel češtiny na formovaní Bernolákovskej spisovnej slovenčiny // Acta Universitatis Carolinae. Slavica Pragensia. IV. Praha, 1962.

⁷ См.: *Pauliny E.* Dejiny spisovnej slovenčiny, s. 52.

⁸ Ср.: *Pauliny E.* Kultúrnohistorické podmienky a spoločenské funkcie bilingvizmu v dejinách spisovnej slovenčiny // Československé přednášky pro IV. Mezinárodní sjezd slavistů v Moskvě. Praha, 1958, s. 43.

⁹ О соотношении чешских и словацких языковых черт в письменности добернолаковского периода см.: *Doruľa J.* O češtině na Slovensku v 16. a 17. storočí... // *Slavica Slovaca*, 2, 1967, č. 1, s. 23–35; č. 4, s. 364–378. *Idem.* O jazyku administratívno-právnych písomností obdobia predberno-lákovského // *Slavica Slovaca*, 3, 1968, č. 6, s. 333–352. *Habovštiaková K.* O vzťahu slovenčiny a češtiny v slovenských písomnostiach zo XVI. – XVIII. storočia // *Slavia*, 37, seš. 2, s. 235–252. *Krajčovič R.* Čeština a slovenčina v starších archiváliách v predspisovnom období. Bratislava, 1983. 103 s. *Novák L.* Čeština na Slovensku v predspisovnom období // *Slovakistické štúdiá*. Martin, 1985, s. 246–249.

¹⁰ См., в частности: *Pauliny E.* Dejiny spisovnej slovenčiny. I. Bratislava, 1966. *Idem.* Dejiny spisovnej slovenčiny od začatkov po súčasnosť. Bratislava, 1983.

¹¹ *Pauliny E.* Op. cit., s. 82.

¹² Я. Доруля говорит об «определенном стандарте чешского языка в Словакии», который возник «в результате контакта книжного чешского языка и местных словацких говоров» (*Doruľa J.* Op. cit., s. 25).

¹³ *Bajza J. I.* René Mlád'enca Prfhodi, a Skusenost'i. Stránka prvňá. W Presspurku, 1783.

¹⁴ *Pauliny E.* Op. cit., s. 78.

¹⁵ Более подробную его биографию см.: *Maťovčík A.* Anton Bernolák. Život a dielo // K počiatkom slovenského národného obrodzenia. Bratislava, 1964, s. 113–142. См. также: *Habovštiaková K.* Bernolákovo jazykovedné dielo. Bratislava, 1968, s. 9–14; *Život a dielo Antona Bernoláka*. Zostavil A. Maťovčík. Bratislava, 1997. 150 s.

¹⁶ *Dissertatio philologico-critica de litteris Slavorum*. Posonii, 1787. На-ставление по орфографии вышло в свет также отдельным изданием: *Linguae Slavonicae per regnum Hungariae usitatae compendiosa simul, et facilis Orthographia*. Posonii, 1787.

¹⁷ *Bernolák A.* Grammatica slavica. Posonii, 1790. Позднее, уже после смерти Бернолака, она была переведена на немецкий язык: *Schlowakische Grammatik*. Ofen, 1817.

¹⁸ *Bernolák A.* Etymologia vocum slavicarum sistens modum multiplicandi vocabula per derivationem et compositionem. Tyrnaviae, 1791.

¹⁹ *Bernolák A.* Slowár Slowenský, Česko-Lat'insko-Ľemecko-Uherský. I–VI. Budae, 1825–1827.

²⁰ Цит. по кн.: Gramatické dielo Antona Bernoláka. Bratislava, 1964, s. 23.

²¹ Op. cit., s. 19.

²² Op. cit., s. 95.

²³ См.: *Habovštiaková K.* Bernolákovo jazykovedné dielo, s. 94.

²⁴ Ср.: Gramatické dielo Antona Bernoláka, s. 77.

²⁵ Op. cit., s. 132–133.

²⁶ См.: *Habovštiaková K.* Op. cit., s. 130.

²⁷ Немецкий славист Г. Кайперт приводит, в частности, достаточно убедительные свидетельства того, что при написании «Словацкой грамматики» Бернолак использовал в качестве образца вышедшее из печати в Вене в 1779 г. «Улучшенное руководство к немецкой грамматике» И. Фельбигера и опубликованную на латыни грамматику немецкого языка Фр. А. Шлёгеля (1786) (см.: *Keipert H.* Грамматическая кодификация А. Бернолака в свете учебной литературы Терезианской реформы // XI. Medzinárodný zjazd slavistov. Zborník resume. Bratislava, 1993, s. 207. *Idem.* Anton Bernoláks Kodifikation des Slovakischen im Lichte der thesesianischen Schulschriften // Slavistische Studien zum XI. Internationalen Slavistenkongreß in Preßburg. Bratislava. Wien, 1993, s. 233–246). О влиянии грамматики Шлёгеля на кодификаторские труды Бернолака см. также: *Бланар В.* Идейно-философские и методологические основы лингвистических трудов Антона Бернолака // Славяноведение, 2000, № 5, с. 75–77.

²⁸ О роли Бернолака в развитии словацкой терминологии см.: *Slivková V.* K počiatkom slovenskej terminológie hláskoslovía // Slovenské odborné názvoslovie. 7. Bratislava, 1959, s. 129–133. *Habovštiaková K.* K charakteristike slovnej zásoby a terminológie u Bernoláka // Československý terminologický časopis. 1. 1962, s. 377–379.

²⁹ Gramatické dielo Antona Bernoláka, s. 459, 461.

³⁰ *Habovštiaková K.* Bernolákovo jazykovedné dielo, s. 214.

³¹ *Pauliny E.* Dejiny spisovnej slovenčiny. I, s. 96.

³² См. богатую литературу об этом «Словаре»: *Hayeková M.* Slovníkárske poznámky k Slováru A. Bernoláka // Slovenská reč, 23, 1958, s. 102–116. *Považan J.* Slowár Antona Bernoláka // Sborník Filozofickej fakulty Univerzity Komenského. Philologica, 10, 1958, s. 120–134. *Idem.* Príprava a vydanie Bernolákovho Slowára // Jazykovedný časopis, 9, 1958, s. 88, 103. *Vyúhľalová M.* Novšie poznámky k Bernolákovmu Slováru a jeho predhovoru z roku 1796 a 1825 // Historický časopis, 16, 1968, s. 475–522. Детальный анализ словаря Бернолака дается в кн.: *Habovštiaková K.* Bernolákovo jazykovedné dielo, s. 218–266.

³³ См., в частности: *Dolník J.* Bernolákov Slovár ako kodifikačné dielo // Pamätnica Antona Bernoláka. Zostavil Juraj Chovan. Matica slovenská

[Martin], s. 104–109. *Blanár V.* Opis slovnej zásoby v Bernolákovom Slovári // *Ibidem*, s. 110–117. *Смирнов Л. Н.* О месте «Словаря» Антона Бернолака в истории словацкой лексикографии // *Славистический сборник. В честь 70-летия профессора П. А. Дмитриева.* Санкт-Петербург, 1998, с. 201–208.

³⁴ *Blanár V.* Relationship between Slovak and Czech as a Slavistic Problem // *Slovak review.* Vol. 2. 1993, 1, s. 86.

³⁵ Цит. по изд.: *Vlček J.* Dejiny literatúry slovenskej. Bratislava, 1953, s. 57.

³⁶ *Habovštiaková K.* Bernolákovo jazykovedné dielo v kontexte slovenskej jazykovedy // *Pamätnica Antona Bernoláka*, s. 58.

³⁷ См.: *Blanár V.* Jazykovedné dielo Ľudovíta Štúra v slovenskom a slovan-ском контексте // *Slavica Slovaca*, 28, 1993, č. 1–2, s. 5.

³⁸ *Habovštiaková K.* Pramene Bernolákovej kodifikácie spisovnej slovenčiny // *Studia Slavica.* 8. Budapest, 1962, s. 336.

³⁹ Op. cit., s. 336–337.

⁴⁰ Первой книгой на бернолаковщине явилось сатирическое сочинение Ю. Фандли (*Fándly G.* Dúverná Zmlúva mezi Mňíchom a Diáblom o prvých Počátkoch, o starodávných, ag wčúlágšých Preménách Reholníckých. W Prešpor-ku, 1789).

⁴¹ См.: *Turčány V.* Na krásnú záhradu Hollého Jána. Bratislava, 1972, s. 23, 45.

⁴² Сведения о литературной деятельности представителей бернолаков-ского движения см. в кн.: *Kotvan I.* Bibliografia Bernolákovcov. Martin, 1957. Новые интересные материалы, в том числе рукописные, свидетель-ствующие о разножанровом литературном творчестве на бернолаковщине большого ряда авторов, которые не были зафиксированы в кн. И. Котвана, приводятся в статье: *Elliš M.* Neznámi bernolákovskí autori a diela // *Slovenské učené tovarištvo 1792–1992.* Zostavil M. Petráš. Trnava, 1993, s. 44–55.

⁴³ *Paulíny E.* Dejiny spisovnej slovenčiny, s. 97–98.

⁴⁴ *Svrčková L.* Juraj Fándly a brnolákovská jazyková norma // *Jazykovedný sborník.* 4. Bratislava, 1950, s. 193–208.

⁴⁵ *Habovštiaková K.* Ján Hollý a bernolákova kodifikácia spisovnej sloven-činy // *Letopis pamätníka slovenskej literatúry.* Martin, 1970, s. 59.

⁴⁶ Интересный материал по этому вопросу собран в кн.: *Bernolákovské polemiky.* Edične pripravil, poznámky a vysvetlivky napísal dr. Kotvan I. Bratislava, 1966. См. также: *Habovštiaková K.* Bernolákovo jazykovedné dielo, s. 289–312.

⁴⁷ См.: *Vyvoňalová M.* Bernolákovci a stúpeni bibličtiny v rokoch 1790–1830 // *K počiatkom slovenského národného obrodenia*, s. 253–254. *Rutkay F.* Snahy bernolákovcov o vydávanie slovenských novín // *Slovenské učené tovarištvo..*, s. 83–88.

⁴⁸ См. об этом: *Miškovič A.* Organizácia, činnosť a význam Slovenského učeného tovarišstva // K počiatkom slovenského národného obrodzenia, s. 181–188. *Balent R.* K organizácii a vydavateľskej činnosti Slovenského učeného tovarišstva // Op. cit., s. 189–200. См. также сборник: Slovenské učené tovarišstvo...

⁴⁹ *Fándly J.* Výber z diela. Bratislava, 1954, s. 254.

⁵⁰ Ср.: *Đurovič L.* Vývin kodifikácie spisovnej slovenčiny pred Bernolákom // Slovenská literatúra. 37. 1990, č. 1, s. 56–66. *Lifanov K.* Spisovná slovenčina existovala aj pred A. Bernolákom? // Jazykovedný časopis. 48. 1997, č. 2, s. 104–111.

⁵¹ Более подробно о значении деятельности Бернолака в плане становления норм словацкого литературного языка см.: *Habovštiaková K.* Bernolákov jazykovedné dielo, s. 333–358. *Idem.* Bernolákov jazykovedné dielo v kontexte slovenskej jazykovedy // Pamätnica Antona Bernoláka..., s. 58–64.

⁵² См., в частности: *Tibenský J.* K problému hodnotenia bernoláčtiny a bernolákovského hnutia // Historický časopis. 7. 1959, č. 4, s. 557–578. K počiatkom slovenského národného obrodzenia. Bratislava, 1964. *Butvin J.* Slovenské národnozdruženie (1780–1848). *Chovan J.* K diskusií o národnom profile Antona Bernoláka // Slovenská literatúra. 15. 1968, č. 4, s. 406–410. *Tibenský J.* Formovanie sa ideológie slovenskej feudálnej národnosti a buržoázneho národa // Historický časopis. 19. 1971, č. 4, s. 575–591.

⁵³ См.: *Rapant D.* K pokusom o novú historicko-filozofickú koncepciu slovenského národného obrodzenia // Slovenská literatúra. 12. 1965, č. 5, s. 492–506. *Idem.* Ešte niečo o tom slovenskom národnom obrození // Slovenská literatúra. 14. 1967, č. 4, s. 405–427; Epilóg // Slovenská literatúra. 15. 1968, č. 4, s. 401–406.

⁵⁴ *Rapant D.* Ešte niečo o tom slovenskom národnom obrození, s. 413.

⁵⁵ *Tibenský J.* Počiatky slavistickej vedy na Slovensku // Českosloveské přednášky pro VII. Mezinárodní sjezd slavistů (Varšava, 1973). V Praze, 1973, s. 423.

⁵⁶ См.: *Mráz A.* Zástoj cyrilometodejskej idey u bernolákovcov // Zborník Filozofickej fakulty Univerzity Komenského. Roč. 14. Philologica. Bratislava, 1962, s. 7–53.

⁵⁷ Цит. по кн.: Gramatické dielo Antona Bernoláka, s. 129.

⁵⁸ *Habovštiaková K.* Bernolákov jazykovedné dielo, s. 21. *Vyvíjalová M.* Bernolákov autentický slovníček spred roku 1790. Bratislava, 1969, s. 44–45.

⁵⁹ *Novotný J.* Ke vzájemnému vztahu českých buditelů a bernolákovců v období národního obrození // K počiatkom slovenského národného obrodzenia, s. 390.

⁶⁰ Более подробно об этих двух течениях словацкого национального движения см., в частности: *Vyvíjalová M.* Bernolákovci a stúpenci bibličtiny v

rokoch 1790–1830 // K počiatkom slovenského národného obrodenia, s. 243–277; *Butvin J.* Slovenské národnosjednocovacie hnutie 1780–1848. Bratislava, 1965.

⁶¹ *Vyvíjalová M.* Op. cit., s. 255.

⁶² *Tablic B.* O literárnych swazcích Slováků s Čechy a Morawany v nynějš i někdejší době // *Časopis Českého museum*, XVII, 1842, s. 579.

⁶³ *Tablic B.* Op. cit., s. 579.

⁶⁴ См.: *Matoušek A.* Martin Hamuljak (1789–1859). Bratislava, 1971; ср. также: *Biografické štúdie. I.* (Materiály z vedeckej konferencie o Martinovi Hamuljakovi a Spolku milovníkov reči a literatúry slovenskej). Martin, 1970.

⁶⁵ См.: *Literárny archiv 1966.* Martin, 1966, s. 260–267.

⁶⁶ Op. cit., s. 264.

⁶⁷ Наиболее подробно взгляды Шафарика и Коллара на язык изложены в книге: *Tóbič Š.* Šafárikov a Kollárov Jazyk. Príspevok k vývinu českého a slovenského jazyka v období národného obrodenia. Bratislava, 1966.

⁶⁸ *Kollár J.* Myšlenky o libozvučnosti řečj vůbec, obzvláště českoslowanské // *Krok. Djl prwnj.* W Praze, 1822, s. 32–47. Идея большей благозвучности словацкого языка по сравнению с чешским была не чужда и Шафарику (см., в частности его книгу: *Geschichte der slawischen Sprache und Literatur nach allen Mundarten.* Ofen, 1826).

⁶⁹ См.: *Tóbič Š.* Op. cit., s. 29.

⁷⁰ См.: *Šafárik P. J.* Dejiny slovanského jazyka a literatúry všetkých nářečí. Z nemeckého originálu preložili V. Betáková a R. Beták. Bratislava, 1963.

⁷¹ См.: *Tóbič Š.* Op. cit., s. 30, 31, 74. О словакизмах в сочинениях Коллара см. также: *Dvončová J.* Kollár a čeština // *Sborník Filozofickej fakulty Univerzity Komenského*, XVI, *Philologica*. Bratislava, 1964, s. 185.

⁷² *Tóbič Š.* Op. cit., s. 74.

⁷³ *Kollár J.* Čjtanka anebo Kniha k Čjtánj pro mládež we sskolách slowanských v městech a w dědinách. W Budjně, 1825.

⁷⁴ Цит. по: *Tóbič Š.* Op. cit., s. 31.

⁷⁵ *Матула В.* Людовит Штур и формирование словацкой национальной идеологии // *Развитие капитализма и национальные движения в славянских странах.* М., 1970, с. 97.

⁷⁶ *Kollár J.* O literárnég Wzágemnosti mezi kmeny a nářečjmi slawskými // *Hronka. I. Sv. 2.* 1836, s. 39–53. Ср. перевод на немецкий язык: *Ueber die literarische Wechselseitigkeit zwischen den verschiedenen Stämmen und Mundarten der slawischen Nation.* Von Johann Kollár. Pesth, 1837. См. также перевод на словацкий язык К. Розенбаума: *O literárnej vzájomnosti medzi rozličnými kmeňmi a nářečiami slovanského národa.* – В кн.: *Kollár J.* Pamäti z

mladších rokov života. Bratislava, 1972, s. 241–323. Ср. также: *Коллар Я.* О литературной взаимности между племенами и наречиями славянскими // Отечественные записки, 1840, т. VIII, од. II, с. 1–24, 65–94.

⁷⁷ Об идее славянской взаимности см.: *Rozenbaum K.* Konceptia slovan-skej vzájomnosti v období P. J. Šafárika a J. Kollára // Historický časopis, 8, 1960, č. 2–3. *Haraksim L.* Slovanská idea v obrozenecké ideologii Slováku // Slovanství v národním životě Čechů a Slováku. Melantrich, 1968, s. 134–142. *Ivanyšynová T.* Die slawische Idee bei den Slowaken in der zweiten Hälfte des 19. Jahrhunderts // Die slavische Idee. Slovanské štúdie. 1992. Bratislava, 1993, s. 24–36. См. также: *Смирнов Л. Н.* Славянская идея в творчестве Я. Коллара и П. Й. Шафарика // Русско-славянская цивилизация: исторические истоки, современные геополитические проблемы, перспективы славянской взаимности. Сб. статей. М., 1998, с. 339–345.

⁷⁸ *Kollár J.* Dobré Wlastnosti Národu Slowanského. Pesst, 1822.

⁷⁹ Цит. по кн.: *Kollár J.* Pamäti z mladších rokov života, s. 219.

⁸⁰ Об истории создания этого общества и его деятельности см. статью: *Vyvíjalová M.* Spolok milovníkov reči a literatúry slovenskej // Biografické štúdie. I. Martin, 1970, s. 53–68.

⁸¹ См.: *Habovštiaková K.* Almanach Zora z jazykovedného hľadiska // Biografické štúdie. I., s. 96–106.

⁸² *Butvin J.* Slovenské národnosjednocovacie hnutie, s. 185.

⁸³ Ср.: *Turčány V.* Na krásnú záhradu Hollého Jána. Bratislava, 1972, s. 30.

⁸⁴ *Матула В.* Людовит Штур и формирование словацкой национальной идеологии, с. 100.

⁸⁵ Slovensko. Dejiny. Bratislava, 1971, s. 477.

⁸⁶ *Арато Э.* Венгерское общественное мнение и национальный вопрос в 40-х гг. прошлого века // Studia Historica Academiae Scientiarum Hungaricae. 39. Budapest, 1960, с. 6.

⁸⁷ *Štúr L.* Listy. I. Bratislava, 1954, s. 56.

⁸⁸ Ср.: *Štúr L.* Žaloby a ponosy Slovákov (Die Beschwerden und Klagen der Slaven in Ungarn). Z nemeckého vydania preložil K. Goláň. Turč. Sv. Martin, 1946.

⁸⁹ *Štúr L.* Nárečja slovenskuo alebo potreba písania v tomto nárečí. V Prešporuku, 1846; *Idem.* Nauka reči slovenskej. V Prešporuku, 1846.

⁹⁰ *Štúr L.* Politické state a prejavy. Bratislava, 1954, s. 351.

⁹¹ *Štúr L.* O národních písniach a pověstech plemen slovanských. Praha, 1853; *Idem.* Spevy a piesne. V Prešporuku, 1853.

⁹² *Штур Л.* Славянство и мир будущего. Пер. неизданной немецкой рукописи с примечаниями В. Ламанского. М., 1867; Das Slawenthum und

die Welt der Zukunft. Slovanstvo a svět budoucnosti. Na základě německého rukopisu vydal v původním znění, s kritickými poznámkami a úvodem J. Jirásek. Bratislava, 1931.

⁹³ В научной и публицистической литературе этот труд нередко подвергал критике за некоторые идеалистические ошибочные представления автора о развитии общества, за противопоставление Запада и Востока, за известную идеализацию царской России и т. п. Новейшие взгляды по вопросу о социально-политическом контексте возникновения этого трактата, а также новые моменты в трактовке его содержания см. в статье В. Матулы: *V. Matula. Štúrov spis Slovanstvo a svet budúcnosti // Ľudovít Štúr v súradniciach minulosti a súčasnosti. Zostavil Imrich Sedlák. Matica slovenská, 1997, s. 130–145.*

⁹⁴ См. письмо Л. Штура М. Гамуляку от 20 мая 1842 г.: *Štúr L'. Listy. I, s. 305.*

⁹⁵ *Štúr L'. Listy. II. Bratislava, 1956, s. 353.*

⁹⁶ *Ohlas o Slovenských národných novinách a Orlovi Tatránskom // Štúr L'. Politické state a prejavy, s. 36.*

⁹⁷ *Op. cit.*

⁹⁸ См.: *Štúr L'. Dielo. I. Bratislava, 1986, s. 307.*

⁹⁹ *Dejiny Slovenska. II. Bratislava, 1987, s. 715.*

¹⁰⁰ *Štúr L'. Hlas k rodákam // OT, 1845, č. 6, s. 42.*

¹⁰¹ Цит. по кн.: *Hurban J. M. Slovensko a jeho život literárny. Bratislava, 1972, s. 118.*

¹⁰² *Štúr L'. Žaloby a ponosy Slovákov..., s. 14.*

¹⁰³ *Hurban J. M. Op. cit., s. 35.*

¹⁰⁴ *Štúr L'. Slovenčina naša. Bratislava, 1957, s. 129.*

¹⁰⁵ *Štúr L'. Listy. II, s. 237.*

¹⁰⁶ *Štúr L'. Slovenčina naša, s. 127.*

¹⁰⁷ *Štúr L'. Dielo. I, s. 209.* Основные принципы языковой реформы Л. Штура изложены нами также в статье: *Смирнов Л. Н. О штуровской концепции литературного словацкого языка // Studia Slavica. К 80-летию Самуила Борисовича Бернштейна. М., 1991, с. 221–228.*

¹⁰⁸ Современники Штура и некоторые исследователи его научного творчества порой недооценивали его как лингвиста. В новой и новейшей литературе высоко оценивается теоретический уровень лингвистических трудов Штура и его большой вклад в развитие словацкого языкознания. См., в частности: *Blanár V. Ľudovít Štúr ako jazykovedec // Slovenská reč, 21, 1956, č. 1, с. 3–4. Idem. Jazykovedné dielo Ľudovíta Štúra v slovanskom kontexte // Ľudovít Štúr v súradniciach minulosti a súčasnosti, s. 235–241. Kačala J. Systémový princíp v jazykovednom diele Ľudovíta Štúra // Там же, с. 242–249.*

¹⁰⁹ Štúr L. Nárečie slovenské alebo potreba písania v tomto nárečí. Turč. Sv. Matrin, 1943, s. 134.

¹¹⁰ См.: *Blanár V.* Jazykovedné dielo Ľudovíta Štúra v slovenskom a slovan-
skom kontexte // *Slavica Slovaca*, 28, 1993, č. 1, s. 8.

¹¹¹ См.: *Káčala J.* Op. cit., s. 242–249.

¹¹² Не случайно в новейшей литературе Штур признается основным пред-
ставителем словацкого гегельянства (см.: *Dupkala R.* Štúrov hegelianizmus //
Ľudovít Štúr v súradniciach..., s. 77.

¹¹³ Ср.: *Blanár V.* Ľudovít Štúr ako jazykovedec, s. 153.

¹¹⁴ См.: *Kondrašov N. A.* Vznik a začiatky spisovnej slovenčiny. Bratislava,
1974.

¹¹⁵ Štúr L. Nárečie slovenské..., s. 156.

¹¹⁶ См.: *Štúr L.* Op. cit., s. 159.

¹¹⁷ Štúr L. Op. cit., s. 222.

¹¹⁸ Štúr L. Op. cit., s. 226.

¹¹⁹ Štúr L. Op. cit., s. 205.

¹²⁰ См. об этом: *Káčala J.* Op. cit., s. 243–246.

¹²¹ См.: *Blanár V.* Jazykovedné dielo Ľudovíta Štúra v slovenskom a slovan-
skom kontexte, s. 8–9.

¹²² Štúr L. Nárečie slovenské..., s. 188.

¹²³ Štúr L. Op. cit., s. 95–96.

¹²⁴ *Jančovič Š.* Noví slovensko-maďarskí a maďarsko-slovenskí slovník. Sar-
vaš, 1848.

¹²⁵ См.: *Ivanová-Šalingová M.* Príspevok k štýlu štúrovej prózy. Brati-
slava, 1964, s. 36.

¹²⁶ См.: *Pauliny E.* Dejiny spisovnej slovenčiny. I. Bratislava, 1966, s. 110.

¹²⁷ См.: *Кондрашов Н. А.* Русизмы в журнале «Словацкое обозрение» //
Уч. зап. Моск. обл. пед. ин-та им. Крупской, т. 148. Русский язык,
вып. 10, 1964, с. 419–433. *Рупосова Л. П.* Русско-словацкие языковые связи
(на материале словацкого литературного языка). Автореф. дисс. на соиска-
ние уч. степени канд. филологических наук. М., 1970. Русизмы в словацких
текстах штуровского периода анализируются также в статье: *Смирнов Л. Н.*
Заметки по словацкой исторической лексикологии. 2. // *Folia slavistica*. Пале
Михайловне Цейтлин. М., 2000, с. 109–114.

¹²⁸ См.: *Blanár V.* Jazykovedné dielo Ľudovíta Štúra v slovenskom a slovan-
skom kontexte, s. 6, 8.

¹²⁹ См.: *Stanislav J.* Poznámky o pomere jazyka Štúrovej Nauky reči sloven-
skej a liptovského nárečia // *Slovenská miscellanea*. Bratislava, 1931, s. 164–
179. *Idem.* Liptovské nárečia. Martin, 1932.

¹³⁰ *Vážný V.* Spisovný jazyk slovenský // Československá vlastivěda. Řada II. Praha, 1936, s. 150.

¹³¹ См.: *Horálek K.* K problematice dějin spisovného jazyka // Studie a práce lingvistické. I. Praha, 1954, s. 371.

¹³² См. об этом: *Смирнов Л. Н.* Отражение в литературно-языковой сфере борьбы за консолидацию словацкой нации (середина XIX в.) // Формирование наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. М., 1981, с. 197–211.

¹³³ Цит. по кн.: *Hurban J. M.* L'udovít Štúr. Rozpomienky. Bratislava, 1959, s. 386.

¹³⁴ Hlasové o potřebě jednoty spisovného jazyka pro Čechy, Moravány a Slováky. W Praze, 1846.

¹³⁵ Hlasové..., s. 32.

¹³⁶ *Štúr L.* Nárečie slovenské..., s. 123.

¹³⁷ *Hodža M. M.* Dobruo slovo Slovákom, súcim na slovo. V Levoči, 1847, s. 92.

¹³⁸ SNN, 1848, s. 1126.

¹³⁹ *Koč J., Matula V.* K některým otázkám českého a slovenského národního hnutí v buržoazní revoluci 1848.– 1849. // Revoluce 1848.–1849. ve střední Evropě. Praha, 1974, s. 84.

¹⁴⁰ *Štúr L.* Dielo v piatich zväzkoch. Zv. I. Bratislava, 1954, s. 180.

¹⁴¹ *Štúr L.* Hlas k rodákom // OT, 1845, s. 50.

¹⁴² См.: *Hodža M. M.* Epigenes slovenicus. Liber Primus. Tentamen Orthographiae Slovenicae. Leutschoviae, 1847. *Idem.* Dobruo slovo Slovákom, súcim na slovo. *Idem.* Větin o slovenčině. V Levoči, 1848.

¹⁴³ Подробнее об этом см.: *Jóna E.* Účast' M. M. Hodžu pri formovaní spisovnej slovenčiny // Slovenská reč, 35, 1970, s. 65–68, 134–141, 199–205. *Idem.* M. M. Hodža a reforma slovenského spisovného jazyka // K problematike slovenského romantizmu. Martin, 1973, s. 67–75. *Horák G.* Michal Miloslav Hodža a slovenčina // Kultúra slova. 26, 1992, č. 2, s. 45–50.

¹⁴⁴ В рецензии современника на лирическую поэму А. Сладковича «Марина» давалась высокая оценка языка произведения и с гордостью отмечалось, что поэт показал, до какого совершенства может подняться словацкий язык (OT, 1847, s. 452).

¹⁴⁵ *Šmatlák S.* Staršia slovenská literatúra ako jazykovoliterárny problém // Romboid. 1969, 6, s. 19.

¹⁴⁶ См., в частности: *Смирнов Л. Н.* О роли реформы М. М. Годжи – М. Гатталы в истории словацкого литературного языка // Славянское и балканское языкознание. История литературных языков и письменность. М., 1979, с. 232–245.

¹⁴⁷ См.: *Radlinský O.* Prawopis slowenský s krátkou mluwnicí. We Wídni, 1850.

¹⁴⁸ *Blanár V., Jóna E., Ružička J.* Dejiny spisovnej slovenčiny. II. Bratislava, 1974, s. 10.

¹⁴⁹ См.: Krátka mluvnica slovenská. V Prešporuku, 1852.

¹⁵⁰ См. о нем: *Jóna E.* Život a dielo Martina Hattalu // Martin Hattala (1821–1903). Materiál z konferencie konanej v Trstenej dňa 21. a 22. oktobra 1970. 1971, s. 12–24. *Смирнов Л. Н.* Мартин Гаттала // *Славяноведение*, 1997, № 1, с. 121–124.

Глава 2

О НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ СТАНОВЛЕНИЯ ЛИТЕРАТУРНОГО СЛОВАЦКОГО ЯЗЫКА

Среди широкого круга проблем, связанных с изучением истории славянских литературных языков, важное место занимает вопрос о начальном этапе формирования литературного идиома, о нижнем хронологическом рубеже его истории. Понятно, что историки литературного языка, как правило, уделяют этому вопросу значительное внимание, поскольку его решение необходимо для установления исходного пункта периодизации истории конкретного литературного языка. При этом им приходится сталкиваться с рядом сложных моментов теоретического и методологического характера. Существенную роль играет, например, то, какое содержание вкладывается исследователем в понятие «литературный язык». Известно, что объем этого понятия иногда «почти беспредельно расширяется, в его сферу включаются даже частные письма <...>, отдельные юридические документы, произведения устного народного творчества и др.»¹ или же, наоборот, слишком сужается, ограничивается только языком художественной литературы.

Если говорить в общем плане, то история литературного языка, как отмечает В. К. Журавлев, «начинается там и тогда, где и когда появляются литературные тексты на нем»². Это положение автор иллюстрирует следующими примерами: «Итальянский литературный язык начинается с Данте, хотя задолго до этого функционировали итальянские народные говоры и кое-какие их элементы проникали в памятники письменности. До середины XVI в. в Польше господствует латынь, отдельные польские слова в латинских текстах, составленных поляками на территории Польши, и отдельные письменные памятники с записью польской речи того времени нельзя, по мнению Ст. Слонского <...> считать польским литературным языком. История последнего начинается со второй половины XVI в. благодаря литературным текстам, созданным Реем и

Кохановским, Гурницким и Скаргой...»³. При таком подходе очень важно оперировать строгими критериями установления «литературности» того или иного текста на конкретном этническом (национальном) языке. И, конечно, необходимо учитывать различный характер соотношения литературных текстов с письменными текстами (нелитературными) предшествующего периода.

Как в общетеоретическом плане, так и применительно к истории отдельных славянских литературных языков дискуссии по данной проблеме продолжаются. В частности, она активно обсуждается историками болгарского литературного языка. Так, например, Г. К. Венедиктов относит к числу актуальных и недостаточно изученных вопросов истории современного болгарского литературного языка и вопрос о начале его истории, по которому до сих пор высказываются разные точки зрения. При этом он замечает: «важность принципиального решения этого вопроса очевидна и подчеркивается всеми историками болгарского литературного языка»⁴. «Определение ранней хронологической границы современного литературного языка, – справедливо указывает автор, – важно как в историко-культурном отношении, так и в собственно лингвистическом отношении. В чисто языковедческом плане от того или иного решения этого вопроса зависит периодизация истории литературного языка, в значительной степени предопределяется в сущности и само описание изменений, происходивших в литературном языке»⁵. Критически рассмотрев две точки зрения по данному вопросу (одни авторы относят начало современного болгарского литературного языка к середине XVIII в. и связывают это с именем Паисия Хилендарского, с его «Историей славено-болгарской», другие полагают, что начальным рубежом являются первые годы XIX в., что связывается с написанием Софронием Врачанским «Жития и страданий грешного Софрония»), Г. К. Венедиктов приходит к заключению, что история современного болгарского литературного языка начинается в 20-е годы XIX в. По его убеждению, такое решение соответствует реальному процессу истории современного болгарского литературного языка⁶.

Актуальность данной проблематики еще раз была подтверждена в докладе А. Бранднера на XI Международном съезде славистов (Братислава, 1993), который подчеркнул: «Вопросы возникновения и начальных этапов развития славянских литературных языков до сих пор остаются открытой методологической проблемой»⁷.

До сих пор остается дискуссионным вопрос о начальном этапе истории словацкого литературного языка, который в последнее время привлекает пристальное внимание исследователей. Повторно обращаясь к его рассмотрению (он затрагивался нами ранее⁸), мы исходим из того, что его дальнейшее теоретическое осмысление имеет существенное значение как в плане установления отправной точки отсчета истории литературного словацкого языка и ее периодизации, так и в плане научной трактовки и объективного описания конкретно-исторического процесса формирования и развития этого языка, характера и этапов эволюции его норм и их кодификации.

Имея в виду специфический путь становления национального литературного языка словаков (его описание дается в первой главе монографии), вопрос о начале его истории следует, на наш взгляд, рассматривать в двух аспектах: 1) анализ под этим углом зрения соотношения кодификаций А. Бернолака (конец XVIII в.) и Л. Штура (середина XIX в.) для того, чтобы определить с которой из них нужно «начинать» историю литературного словацкого языка; 2) определение характера словацкой письменности докодификационного периода и выяснение вопроса о существовании в тот период литературного словацкого языка.

Что касается первого аспекта, то здесь казалось бы все ясно: началом истории литературного словацкого языка следует считать реформу А. Бернолака, поскольку им была осуществлена первая кодификация литературных норм словацкого языка. Между тем не все слависты соглашались с такой позицией. Дело в том, что бернолаковская реформа, как было показано, не привела к окончательному решению проблемы единого литературного языка формирующейся словацкой нации. На последующем историческом этапе функционировавший в течение нескольких десятилетий в среде словацких католиков литературный идиом («бернолаковщина») сошел с общественной сцены. Он не смог утвердиться в качестве непосредственной основы дальнейшего развития единого литературного языка словаков. Такой основой стали литературные нормы словацкого языка, кодифицированные Л. Штуром («штуровщина»). В связи с этим встает вопрос: какую же кодификацию следует признать точкой отсчета? В этом отношении в научной литературе нет общепринятой точки зрения. Иногда предлагается возможность альтернативного решения данного вопроса. Так, например, Э. Паулини писал: «Собственная история литературного словацкого языка могла бы

начинаться или от Антона Бернолака (18 столетие) или от Людовита Штура (19 столетие)...»⁹. Сходную интерпретацию, также допускающую альтернативное решение, находим в книге Н. А. Кондрашова¹⁰. Такая трактовка фактически оставляет вопрос открытым. Другие авторы высказываются более определенно как в отношении бернолаковщины, так и в отношении штуровщины. Например, по мнению К. Габовиштяковой, Антона Бернолака «можно считать основоположником литературного словацкого языка»¹¹. Четкую позицию по данному вопросу занимает В. Бланар, который, говоря о кодификации Бернолака, подчеркивает: «Этим историческим актом начинается история словацкого общенационального литературного языка»¹². Ср. другое его высказывание: «Прескриптивная кодификация литературного словацкого языка Бернолака стала первой в цепи словацких литературных норм и кодификаций»¹³. Некоторые авторы возникновение литературного словацкого языка связывают со штуровской реформой, ср., например, такой тезис – «словацкий литературный язык в середине XIX в. формируется без предшествующего периода старого письменно-литературного языка»¹⁴ или же следующие утверждения: у словаков до XIX в. не было «литературы на языке данной славянской нации»¹⁵, «не было национального литературного языка»¹⁶ (здесь точнее было бы говорить об отсутствии у словаков единого общенационального литературного языка). Приведем еще одно высказывание из новейшей литературы: «Так называемый литературный словацкий язык узаконили трое евангелических (протестантских) интеллектуалов: Штур, Гурбан и Годжа»¹⁷. При таком понимании штуровский литературный язык фактически отрывается от бернолаковского. Сходное содержание можно усмотреть и в утверждении Д. Брозовича, который, правда, оперирует иной терминологией, ср.: «словацкая бернолаковщина не относится к истории стандартного языка..., а принадлежит его предыстории»¹⁸.

В подобного рода высказываниях, на наш взгляд, с одной стороны, проявляется определенная недооценка роли и значимости бернолаковского периода и бернолаковщины в процессе становления литературного языка на основе родной речи словаков и, с другой стороны, сказывается несколько упрощенное представление о возникновении литературного словацкого языка в середине XIX в. скорее как волевого акта, а не как закономерной кульминации достаточно длительного, в целом далеко не прямолинейного историко-языкового процесса.

Между тем, новейшие исследования убедительно показывают, что с конца XVIII в. (на начальном этапе эпохи словацкого национального возрождения) и до середины XIX в., то есть до появления шутовского литературного языка, в национально-культурной жизни словацкого общества важную роль играла литературно-письменная традиция на словацком языке, представленная нормированной и кодифицированной бернолаковщиной. На этом языке издавалось довольно много религиозной литературы (перевод Библии, проповеди и молитвы, богословские сочинения и т. п.), публиковались религиозные и светские произведения Ю. Фандли (в том числе научно-просветительские книги и статьи по разным отраслям сельского хозяйства, медицины и др.), поэтические (переводные и оригинальные) произведения Я. Голлого, а также проза, драматургия, художественные переводы ряда других авторов бернолаковского круга (в частности, Ю. Палковича, А. Оттмайера, М. Секача, М. Климко). На нем велось обучение в католических школах и семинариях, планировалось издание газеты и журнала. Уже хотя бы поэтому никак нельзя «изымать» бернолаковщину из процесса становления и развития литературных норм, resp. литературной разновидности национального языка словаков. Именно с нее (с бернолаковщины) началось формирование такой важной страты макросистемы словацкого языка, как литературный идиом. И бернолаковщина, и шутовщина являются репрезентантами этой страты. При осмыслении и теоретической интерпретации рассматриваемого процесса важно иметь в виду следующую характерную особенность истории словацкого языка: в ней «литературный период» и хронологически, и по существу совпадает с «национальным периодом». В связи с этим представляется обоснованным противопоставление бернолаковщины и шутовщины по признакам «долитературный» // «литературный» и «донациональный» // «национальный».

Естественно, возникает вопрос: как же оценивать соотношение этих двух словацких литературных идиомов? Являются ли они в строгом смысле слова разными литературными языками или же они представляют собой две нормы, два варианта одного литературного языка? Четкие критерии подобного разграничения лингвистической теорией пока еще не разработаны. Поэтому, как справедливо отмечал В. Барнет, «мы лишь с большими трудностями можем установить, где речь идет о вариативности средств внутри единой системы, где

уже о двух и более нормах и где мы имеем дело уже с двумя самостоятельными литературными языками»¹⁹. В какой-то мере это относится и к рассматриваемой словацкой ситуации.

В лингвистической литературе бернолаковщина и штуровщина обычно понимаются как два этапа в развитии словацкого литературного языка или как два типа литературного языка. Э. Йона, говоря о двух типах словацкого литературного языка (западно-словацком и среднесловацком), далее уточняет, что они представляют собой «две различные литературные нормы в рамках словацкого национального (разрядка наша. – Л.С.) языка»²⁰. Действительно, несмотря на некоторые закономерные отличия строевых признаков этих литературных идиомов (обусловленных прежде всего сменой диалектной основы), их словацкая субстанция и структура не вызывают сомнений. Определенная преемственность (как было показано в первой главе) наблюдается и между бернолаковской и штуровской кодификациями: в общем принципиальном подходе, нацеленном на утверждение самостоятельного словацкого литературного языка, а также в ряде конкретных нормативных установок²¹.

Если исходить из социально-коммуникативного критерия, то бернолаковщина и штуровщина (с ее «исправленной» модификацией), а также современный литературный словацкий язык – все это репрезентанты одной и той же страты макросистемы словацкого языка, а именно, его литературной разновидности. Известно, что в работах по типологии литературных языков выделяется такой исторический тип, как «национальный литературный язык»²², и ставится задача изучения «внутринациональных» типов²³, то есть фактически вариантов данного исторического типа. Учитывая все это, можно считать, что бернолаковщина и штуровщина представляют собой два варианта норм формирующегося национального литературного языка словаков как особого социолингвистического и историко-культурного феномена. И хотя они в какой-то очень короткий период сосуществовали, распределяясь по разным подсоциумам словацкого общества, их, на наш взгляд, все же можно трактовать скорее как сменяющие друг друга диахронические варианты, а не синхронно функционирующие региональные варианты. Бернолаковщина и штуровщина, органически связанные с начальным и кульминационным этапами словацкого национально-возрожденческого движения, составляют неотъемлемые звенья общего

процесса становления и развития литературных норм словацкого языка. При таком понимании именно реформу Бернолака и бернолаковщину следует признать начальным рубежом истории литературного словацкого языка, а к его предыстории, в таком случае, можно отнести функционирование различных языков, диалектных и интердиалектных формаций (в том числе так называемых «культурных языков»), которые обслуживали в предшествующий (донациональный) период культурные потребности словацкого общества.

Однако в последнее время некоторые авторы, например, Л. Дюрович²⁴ и К. В. Лифанов²⁵, изучающие проблемы формирования литературного словацкого языка, ставят подобный широко распространенный взгляд под сомнение и пытаются доказать, что еще до бернолаковской кодификации существовал литературный словацкий язык. Они фактически возвращаются к старым высказываниям отдельных словацких и чешских авторов (С. Цамбель, Я. Влчек, Э. Паулини и др.). Например, Э. Паулини в одной из своих ранних работ писал, что историю литературного словацкого языка «следует начинать уже с первой половины XVIII в.», а не с Бернолака или Штура²⁶. Сходная позиция была отражена и в его первой книге по истории литературного словацкого языка, где он писал, что в конце первой половины XVIII в. у словацких католиков был представлен «уже достаточно нормализованный национальный литературный язык, который из-за отличий от чешского языка уже нельзя назвать лишь словакизированным чешским языком»²⁷. Впоследствии, как известно, Паулини отказался от этой точки зрения и разрабатывал теорию функционирования в Словакии в докодификационный период так называемого «культурного языка» (в трех его вариантах)²⁸.

Как было показано выше (см. первую главу), в средневековой Словакии языковая ситуация была довольно сложной. Длительное время, практически до конца XVIII в. словаки не имели кодифицированной литературной формы родного языка. В письменности они пользовались латынью (официальным языком Венгерского королевства, в состав которого входила и словацкая территория), немецким, венгерским и чешским языками (в Восточной Словакии sporadически применялся и польский язык). Особое место в развитии словацкой культуры занимал чешский язык, который с XV в. выступал в функции письменного языка словаков, успешно конкурировал с латынью в деловой и административно-правовой

письменности, на нем издавались также произведения религиозного, научного и литературно-художественного характера. В XVI в. он обретает в Словакии еще одну важную функцию: в связи с реформацией чешский язык становится литургическим языком словацких протестантов, которые начинают использовать его не только в письменной, но и в устной форме (при совершении некоторых религиозных обрядов). С самого начала чешский язык в Словакии испытывал на себе влияние местной диалектной речи. В письменные тексты проникали разного рода словакизмы. При этом первоначально стихийное взаимодействие чешских и словацких языковых элементов происходило в текстах и протестантских, и католических авторов. Степень словакизации в разных письменных памятниках могла быть не одинаковой. Как отмечал Я. Доруля, спонтанная словацко-чешская интеракция достигала такого высокого уровня, что чешский язык «постепенно становился каким-то внешним одеянием, совершенно формально и не полностью перекрывающим словацкую языковую систему»²⁹. В письменных памятниках с преобладающей чешской основой постепенно возникала модифицированная языковая форма смешанного (гетерогенного) характера, называемая обычно «словакизированным чешским языком» (slovakizovaná čeština или poslovenčená čeština).

С началом процесса контрреформации (XVII в.) ситуация в письменности меняется: словацкие протестанты вновь обращаются к чешскому литературному языку, испытывая к нему особый пиетет. Они выступают за упрочение его позиции, за сохранение его традиционных норм, восходящих к нормам языка «Кралицкой библии» (1579–1593). Им было свойственно восприятие чешского литературного языка как обработанной, высшей формы словацкого языка, соотнесенной с простой диалектной словацкой речью. Чешский язык написанных в Словакии текстов они нередко называли словацким. Поэтому для того времени было характерным противоречие между наименованием языка, на котором написано то или иное произведение, и грамматическим и орфографическим обликом данного языка. Ярким примером этого может служить, в частности, стихотворение Й. Бубенки (1702), проанализированное литературоведом Г. Гафриковой³⁰. Наряду с этим, поскольку процесс словакизации в письменности уже являлся реальностью, некоторые представители словацкой евангелической интеллигенции (М. Бел,

Д. Крман, П. Долежал) выдвигают концепцию «словацко-чешского языка» (*lingua Slavico – Bohemica*). В этом плане значительный интерес представляет грамматика П. Долежала – *Grammatica Slavico-Bohemica (Posonii, 1746)*, в которой описан своеобразный словацкий вариант чешского литературного языка³¹. У словацких католиков подобного возврата к литературному чешскому языку не было. Они в большей мере ориентировались на признание этнокультурной и языковой самобытности словаков. Поэтому неудивительно, что в их среде развитие идет в направлении от стихийной и сознательной словакизации используемого ими чешского литературного языка к созданию самостоятельного словацкого литературного языка.

Важную роль в развитии языка и письменности словаков в докодификационный период играли стихийно формирующиеся специфические словацкие языковые идиомы (образования, формации), которые возникали в результате взаимодействия местных словацких говоров и чешского литературного языка или путем интеграции словацкой диалектной речи, языка народной словесности и других разновидностей словацкого языка. По своим структурным признакам и функциональному назначению они уже не совпадали с местными говорами, сфера их использования была гораздо шире. В работах словацких и других лингвистов, посвященных истории литературного словацкого языка (Э. Паулини, К. Габовштякова, В. Бланар, И. Котулич, Р. Крайчович, Р. Оти, Н. А. Кондрашов и др.), для обозначения подобных формаций применяется, как правило, термин «культурный язык» (мы в этом случае предпочитаем термин «культурный интердиалект»³²). В научной литературе обычно дается конкретное описание не единой общей системы культурного словацкого языка, а трех его разновидностей (вариантов): западнословацкого, среднесловацкого и восточнословацкого культурного языка.

Таким образом, если отвлечься от текстов на латыни, немецком и венгерском языках и иметь в виду только те языковые формации, которые были тесно связаны с развитием словацкого этноса, то и в этом случае можно констатировать наличие довольно широкого диапазона разновидностей словацкой письменности предвозрожденческого периода: от рукописей и печатных книг на чешском литературном языке до разного рода письменных памятников на словацких диалектах и вариантах культурного словацкого языка. Между этими двумя полюсами располагались смешанные тексты с

преобладающей чешской или словацкой языковой основой. Подобные смешанные (гетерогенные) тексты могли быть не только объективно-стихийным результатом многовековых контактов двух близкородственных языков, но и следствием сознательной деятельности, направленной на введение в письменность элементов словацкого языка. На этом фоне, естественно, можно поставить вопрос: был ли среди этого разнообразия языковых формаций литературный словацкий язык?

Особенно активно идею о функционировании в добернолаковский период литературного словацкого языка разрабатывает в последние годы К. В. Лифанов. Одна из его статей так и называется «Существовал ли словацкий литературный язык до Бернолака?»³³. В ней автор приводит ряд аргументов в пользу утвердительного ответа на этот вопрос. По его мнению, «литературным словацким языком старого типа» можно считать так называемый «культурный западнословацкий язык»³⁴. При этом он исходит из того, что бернолаковщина не была чем-то абсолютно новым, что она в значительной мере являлась продолжением старой письменной традиции. В связи с этим следует заметить, что связь бернолаковского литературного языка с предшествующей письменной традицией никто из исследователей и не отрицает. В настоящее время практически общепринятым является положение о том, что основой бернолаковщины был «культурный западнословацкий язык» («культурный западнословацкий интердиалект»). Проблема заключается не в этом. Проблема в другом – можно ли считать это специфическое языковое образование литературным языком?

Концепция, предложенная К. В. Лифановым, заслуживает внимательного детального рассмотрения. В данной главе мы ограничимся, однако, лишь некоторыми соображениями и замечаниями.

К. В. Лифанов пытается доказать, что культурный западнословацкий язык обладал типичным для литературного языка набором признаков: определенной степенью обработанности, наддиалектностью, широтой территориального охвата (с выходом за пределы западнословацкой диалектной области), чертами нормированности и поливалентности и некоторыми другими. При этом все равно оказывается, что данный идиом все же не имел единых и общеобязательных норм, проявляющаяся в нем тенденция к регламентации еще не получила признания общественных институтов. И, что весьма существенно, он еще не был кодифицирован.

По нашему мнению, словацкую письменность докодификационного периода вряд ли можно рассматривать как нечто единое, целостное, поскольку здесь были представлены разные типы языка и в структурном, и в генетическом отношении. В словацкой письменности этого периода вряд ли можно установить единую инвариантную норму. Даже в самом западнословацком культурном языке (культурном интердиалекте), в его письменной форме ярко проявляется вариативность нормы, о чем свидетельствуют рукописные и опубликованные тексты, ср., например, язык католической религиозной литературы Трнавского центра, язык перевода Библии, выполненного в середине XVIII в. монахами камальдильского ордена, и «Пастушьей школы» Г. Гавловича, относящийся к тому же времени, или язык более поздних произведений Й. И. Байзы, который был создателем «особого, чисто индивидуального орфографического, фонетического, морфологического и лексического узуса культурного западнословацкого языка»³⁵. Конечно, в подобного рода текстах в той или иной мере воплощались определенные конкретные нормы (определенный узус), но они носили скорее провизорный характер и, не будучи кодифицированными, не являлись общеобязательными. Поэтому здесь уместнее говорить не о литературном языке, а об отдельных письменных «идиолектах».

При освещении истории словацкого литературного языка представляется важным и необходимым разграничивать понятия «литературный язык словаков, герр. у словаков» и «словацкий литературный язык». При этом существенную роль играет генетический критерий. Например, так называемый «словацко-чешский язык», описанный в грамматике П. Долежала, можно считать «литературным языком словаков», но нельзя признать «словацким литературным языком», поскольку и в генетическом, и в структурном плане это был чешский литературный язык, хотя в нем находили отражение и некоторые элементы словацкого языка. Поэтому трудно согласиться с К. В. Лифановым, предлагающим рассматривать его как старый словацкий литературный язык³⁶.

Сомнительным представляется также его утверждение, что культурный западнословацкий язык (в его понимании «старый литературный словацкий язык») возник путем мутации чешского языка³⁷. Думается, что он все же опирался на несомненные словацкие диалектные корни. Конечно, можно согласиться с автором в том, что этот язык имел гетерогенный характер, однако в отличие от

«словакизированного чешского языка» это была разновидность, специфическая формация словацкого языка (в той или иной мере «чехизированного»). Об этом свидетельствует, в частности, тесная связь «культурного западнословацкого языка» с местными южными западнословацкими говорами (это подтверждает и анализируемый К. В. Лифановым конкретный языковой материал). В связи с этим может быть стоит различать два типа гетерогенности в словацких письменных текстах предвозрожденческого периода (в одном случае словацкие диалектные элементы «накладываются» на чешскую основу, в другом – со словацкой диалектной основой взаимодействуют чешские языковые элементы). Конечно, проблема соотношения словацких и чешских элементов в процессе образования культурного западнословацкого языка еще требует дальнейшего изучения. Здесь есть свои трудности, поскольку речь идет о взаимодействии близкородственных языков. Однако, как нам кажется, прав Р. Крайчович, когда говорит, что схема: чешский язык > словакизированный чешский язык > культурный западнословацкий язык является слишком прямолинейной³⁸.

Примечательно, что в некоторых статьях К. В. Лифанов говорит не о литературном, а о письменном языке, ср.: «...в качестве письменного языка у словаков функционировало особое языковое образование гибридного характера, имевшее свою структуру и собственные тенденции развития»³⁹. Между тем понятия «литературный язык» и «письменный язык» не совпадают. В современной теории литературного языка эти понятия не отождествляются⁴⁰. Как отмечал Ф. П. Филин, «не всякая письменная фиксация может быть отнесена к литературному языку»⁴¹.

По нашему мнению, нет достаточных оснований признавать существование в добернолаковский период литературного словацкого языка. Выбираемый на эту роль «культурный западнословацкий язык» еще не достиг статуса литературного языка, хотя он, несомненно, сыграл очень важную роль в становлении первого варианта литературных норм словацкого языка (бернолаковщины). Поэтому мы соглашаемся с мнением И. Котулича, который отмечает, что культурный западнословацкий язык нельзя считать «первым словацким литературным языком»⁴². В отношении его и других вариантов культурного словацкого языка по-прежнему сохраняют силу даваемые им словацкими лингвистами определения «долите-

ратурные», ср., например, употребляемое П. Жиго наименование «культурные долитературные образования»⁴³.

История конкретного национального литературного языка, как особого социолингвистического и историко-культурного феномена, на наш взгляд, начинается тогда, когда в рамках макросистемы данного языка возникает первый вариант литературного идиома, базирующегося на основе народно-разговорной речи соответствующего этноса. Поскольку у словаков таким идиомом является бернолаковщина, то с нее и следует начинать историю литературного словацкого языка. Функционирование в докодификационный (в долитературный) период различных языков, диалектных и наддиалектных формаций, обслуживавших культурные потребности словацкого общества, относится к предыстории литературного словацкого языка.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Толстой Н. И. История и структура славянских литературных языков. М., 1988, с. 44.

² Журавлёв В. К. Проблемы истории славянских литературных языков // Сов. славяноведение, 1984, № 3, с. 95.

³ Там же.

⁴ Венедиктов Г. К. К вопросу о начале современного болгарского литературного языка // Венедиктов Г. К. Из истории современного болгарского литературного языка. София, 1981, с. 10.

⁵ Там же.

⁶ См.: Венедиктов Г. К. Указ. соч., с. 27.

⁷ Brandner A. K počátkům ruského spisovného jazyka // Česká slavistika 1993. České přednášky pro XI. Mezinárodní sjezd slavistů. Bratislava 1993. Praha, 1993, s. 113.

⁸ См.: Смирнов Л. Н. О начальном этапе формирования литературного словацкого языка // Slavica Tartuensia. II. Тарту, 1988, с. 59–68. *Его же*. Литературный словацкий язык эпохи национального возрождения: теоретические проблемы становления и развития // Славянское языкознание. XI Международный съезд славистов. Братислава, сентябрь 1993 г. Доклады российской делегации. М., 1993, с. 144–147. *Его же*. К дискуссии о «начале» истории литературного словацкого языка // Slavica Slovaca, 35, 2000, č. 2, s. 141–149.

⁹ Pauliny E. Dejiny spisovnej slovenčiny. I. Bratislava, 1966, s. 3.

¹⁰ Kondrašov N. A. Vznik a začiatky spisovnej slovenčiny. Bratislava, 1974, s. 10.

¹¹ Habovštiaková K. Bernolákovo jazykovedné dielo. Bratislava, 1968, s. 21.

¹² *Blanár V.* Jazykovedné dielo Ľudovíta Štúra v slovenskom a slovanskom kontexte // *Slavica Slovaca*, 28, 1993, č. 1–2, s. 6.

¹³ *Бланар В.* Идейно-философские и методологические основы лингвистических трудов Антона Бернолака // *Славяноведение*, 2000, № 5, с. 71.

¹⁴ *Гумецька Л. Л.* Какви са били общите закономерности и основните различия в процеса на възникването на славянските национални литературни езици? // *Славянска филология*. Т. 1. София, 1963, с. 26.

¹⁵ *Виноградов В. В.* Различия между закономерностями развития славянских литературных языков в донациональную и национальную эпоху. М., 1963, с. 28.

¹⁶ *Васильева Л. И.* Словацкий язык // *Славянские языки*. (Очерки грамматики западнославянских и южнославянских языков.) М., 1977, с. 119.

¹⁷ *Timkovič G. A.* Cyrilika je starša ako glagolika. *Krasnobrodský zborník*. III, 1–2. Prešov, 1998, s. 133.

¹⁸ *Брозович Д.* Славянские стандартные языки и сравнительный метод // *Вопросы языкознания*, 1967, № 1, с. 22–23.

¹⁹ *Barnet V.* Funkčný pojetí spisovného a standardního jazyka // *Język literacki i jego warianty*. Wrocław etc., 1982, s. 8.

²⁰ *Jóna E.* Postavy slovenskej jazykovedy v dobe Štúrovej. Bratislava, 1985, s. 17.

²¹ См. также: *Смирнов Л. Н.* Традиционное и новое в опытах кодификации норм литературного словацкого языка периода его становления // *Проблемы славянской диахронической социолингвистики*. Динамика литературно-языковой нормы. М., 1999, с. 68–105.

²² *Демина Е. И.* К теории сравнительно-типологического изучения славянских литературных языков // *Славянское языкознание*. VIII Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1978, с. 134.

²³ *Демина Е. И.* Там же.

²⁴ *Đurovič L'.* Ako sa formovala spisovná slovenčina pred Bernolákom. Na okraj nového vydania Gavlovičovej Valaskej školy // *Premeny*, 23, 1986, č. 3, s. 12–27. *Idem*: Vývoj ku kodifikácii spisovnej slovenčiny pred Bernolákom // X Международен конгрес на славистите. Резюмега на докладите. София, 1988, с. 119; *Idem*: Vývin kodifikácie spisovnej slovenčiny pred Bernolákom // *Slovenská literatúra*, 37, 1990, č. 1, 56–66; *Idem*: Začiatky spisovnej slovenčiny v 17. a 18. storočí // *Slovenské pohľady*, 1993, č. 3, s. 88–101.

²⁵ *Лифанов К. В.* «Культурный западнословацкий язык» в среднесловацких административно-правовых документах XVI–XVIII вв. // *Вестник Московского Университета*. Сер. 9. Филология. 1996, № 3, с. 51–59. *Его же*: Грамматикализация перегласовок как характерная особенность языка памятников словацкой письменности // *Славянские литературные языки эпохи национального возрождения*. М., 1998, с. 261–275. *Lifanov K.* Spisovná slovenčina existovala aj pred A. Bernolákom? // *Jazykovedný časopis*,

48, 1997, č. 2, s. 104–111. *Idem*. Rekatolizácia ako najdôležitejší medzník v dejinách spisovnej slovenčiny // Jazykovedný časopis, 50, 1999, č. 1, s. 17–26.

²⁶ *Pauliny E.* Na okraj kamaldulského Písma // Verbum. I. 1946–1947, s. 276.

²⁷ *Pauliny E.* Dejiny spisovnej slovenčiny. Bratislava, 1948, s. 57.

²⁸ См., в частности: *Pauliny E.* Dejiny spisovnej slovenčiny. I. Bratislava, 1966. *Idem*. Dejiny spisovnej slovenčiny od začiatkov po súčasnosť. Bratislava, 1983.

²⁹ *Doruľa J.* Tri kapitoly zo života slov. Bratislava, 1993, s. 24.

³⁰ См.: *Gáfriková G.* Ku koncepciám slovenského literárneho jazyka v druhej polovici 17. a na začiatku 18. storočia // Slovenská literatúra, 40, 1993, č. 5, s. 349.

³¹ Об этом языке Л. Дюрович писал: «В начале XVIII в. в Словакии существует необычайно сильная группа интеллектуалов, которая в своей лингвистической теории постулировала и на практике реализовала язык, который называли *lingua Slav(ic)o-Bohemica Slavico-Bohemisans*» (*Đurovič L'. Vývin kodifikácie spisovnej slovenčiny...*, s. 56). В последние годы словацкие лингвисты уделяют значительное внимание анализу языка, описанного в грамматике Долежала, стремясь точнее определить, какое место занимают в ней словацкие языковые элементы и какую роль постулируемый «словацко-чешский язык» сыграл в истории литературного словацкого языка, см., в частности: *Krajčovič R.* O slovenčine v Doležalovej gramatike // *Práce z dějin slavistiky*. X. Praha, 1985, s. 170–190; *Doruľa J.* Vzťah češtiny a slovenčiny v gramatike Pavla Doležala a v diele Mateja Bela // *Prekursory słowiańskiego językoznaństwa porównawczego*. Wrocław, Kraków, Gdańsk, Łódź, 1987, s. 201–207. *Đurovič L'. Op. cit.*, s. 56–66.

³² Связанную с этим нашу аргументацию см. в следующих статьях: *Смирнов Л. Н.* О роли культурных интердиалектов в процессе формирования славянских литературных языков // Славянские культуры в эпоху формирования и развития славянских наций XVIII–XIX вв. М., 1978, с. 116–121. *Его же:* К вопросу об интердиалектной основе современного болгарского литературного языка // Болгарская культура в веках. Тезисы докладов научной конференции. М., с. 45–47. *Его же:* Литературный словацкий язык эпохи национального возрождения: теоретические проблемы становления и развития // Славянское языкознание. XI Международный съезд славистов. Доклады российской делегации. М., 1993, с. 144–147.

³³ См.: *Lifanov K.* Spisovná slovenčina existovala aj pred Bernolákom? // Jazykovedný časopis, 48, 1997, č. 2, s. 104–111.

³⁴ *Lifanov K.* Op. cit., s. 110.

³⁵ *Kotulič I.* Bernolákovčina a predbernelákovská kultúrna slovenčina // Pamätnica Antona Bernoláka. Zostavil Juraj Chovan. Matica slovenská, 1992, s. 80.

³⁶ *Lifanov K.* Rekatolizácia ako najdôležitejší medzník v dejinách spisovnej slovenčiny..., s. 22.

³⁷ *Lifanov K.* Spisovná slovenčina existovala aj pred A. Bernolákom?... , s.107.

³⁸ *Krajcovič R.* O štýloch slovenčiny v predpisovnom období // *Slovakistické štúdie*. Matica slovenská [Martin]. 1985, s. 239.

³⁹ *Лифанов К. В.* Грамматикализация перегласовок как характерная особенность языка памятников словацкой письменности..., с. 273.

⁴⁰ См., например: *Jedlička A.* Spisovný jazyk v současné komunikaci. Praha, 1978, s. 46–47. *Филин Ф. П.* Истоки и судьбы русского литературного языка. М., 1981, с. 180.

⁴¹ *Филин Ф. П.* Указ. соч., с. 184.

⁴² *Kotulič I.* Op. cit., s.80.

⁴³ *Žigo P.* Základné etapy dejín spisovnej slovenčiny // *Studia Academica Slovaca*. 22. Bratislava, 1993, s. 235.

Глава 3

О ДИАЛЕКТНОЙ ОСНОВЕ СЛОВАЦКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

При изучении генезиса литературного языка наряду с выяснением роли книжно-письменной традиции в истории данного народа серьезное место, как правило, занимает проблема установления диалектной базы литературного языка. Последнее особенно важно при освещении истории национальных литературных языков, формирующихся на основе народно-разговорной речи.

Значительный научный интерес представляет вопрос о диалектной основе словацкого литературного языка. И хотя по этому вопросу уже накоплена довольно богатая литература, во многих аспектах он по-прежнему остается дискуссионным.

Исходя из особенностей процесса становления и начального развития литературного словацкого языка, охарактеризованного нами в первой главе, можно считать, что применительно к истории словацкого литературного языка эпохи национального возрождения речь должна идти в сущности об определении исходной диалектной базы двух вариантов словацких литературно-языковых норм (бернолаковщины и штуровщины).

В старой литературе предпринимались попытки установить прямую связь формирующегося словацкого литературного языка с местными диалектами (если такая связь признавалась).

Достаточно противоречиво трактовалась исходная база бернолаковского литературного языка. С одной стороны, некоторые авторы подчеркивали, что основную роль в его возникновении играла предшествующая книжно-письменная традиция (чешский литературный язык, «словакизированный чешский язык», язык религиозной католической литературы Трнавского центра и т. п.). Например, В. Важный считал, что А. Бернолак опирался на чешский литературный язык, дополняя его нормы некоторыми западно-словацкими и среднесловацкими диалектными элементами¹. Связь

бернолаковщины с местными словацкими диалектами иногда ставилась под сомнение. При этом некоторые авторы ссылались на слова самого Бернолака о том, что он опирался на узус западнословацкой литературы и образованных людей². С другой стороны, подчеркивался западнословацкий характер кодификации Бернолака и в качестве непосредственного источника бернолаковских норм указывались западнословацкий диалектный ареал вообще или же конкретные западнословацкие диалекты (нитранский, трнавский, трнавско-нитранский, тренчанский). Иногда отмечалось также влияние верхнеоравского говора д. Сланица – родного говора Бернолака, относящегося к периферии среднесловацких диалектов.

В новой лингвистической литературе вопрос о диалектной основе бернолаковщины получил иное освещение. Так, в частности, в работах К. Габовштяковой было доказано, что словацкие диалекты, даже западнословацкие, нельзя считать непосредственной (разрядка наша. – Л.С.) основой бернолаковской кодификации. Но вместе с тем «можно наблюдать многие явные связи между бернолаковским литературным языком и словацкими диалектами»³. При этом заметна связь бернолаковщины не только с западнословацкими диалектами. В ней отражаются и диалектные черты среднесловацкого и общесловацкого типа. Слабее всего в бернолаковщине представлены характерные признаки восточнословацкой диалектной области. Правда, в бернолаковской лексике встречаются и восточнословацкие элементы: интересные примеры восточнословацких слов, зафиксированных в «Словаре» Бернолака, приводит А. Габовштяк⁴.

Как уже отмечалось выше (см. первую главу), бернолаковщина функционировала прежде всего как книжно-письменный язык. Вместе с тем современники Бернолака и последующие исследователи его кодификаторской деятельности иногда рассматривали узаконенный им литературный язык как народный. При этом он порой получал уничижительные оценки. Например, язык популярно-просветительских произведений Ю. Фандли (бернолаковщина) представлялся католическому цензору «грубым и кухонным слогом»⁵. Показательно в этом отношении также мнение о характере бернолаковщины, высказанное одним из первых русских ученых, собиравших и публиковавших сведения о словаках, об их языке и литературе, П. И. Кеппенем (1793–1864). В 1825–1826 гг. он издавал журнал «Библиографические листы», который сыграл важную роль в развитии русско-славянских научных и культурных связей.

На страницах этого журнала он, в частности, писал, что чехи, мораване («моравы») и словаки употребляют собственно чешский письменный язык и что только после выступления Бернолака «некоторые римско-католические священники стали писать простонародным словацким языком» («Библиографические листы 1825 года». Спб., 1826, стлб. 312). Конечно, кодифицированный Бернолаком словацкий литературный язык в строгом смысле слова не был простонародным, но на фоне многовековой традиции использования словаками литературного чешского языка он мог восприниматься современниками как простой, менее обработанный, народный. Такому восприятию способствовало вероятно и то, что в нем было немало элементов диалектного характера, отражавших живую народно-разговорную речь словаков. Диалектику соотношения черт книжности и народности в бернолаковском литературном языке К. Габовштякова раскрывает следующим образом: «По отношению к чешскому литературному языку бернолаковщина выступает как литературный язык близкий народной речи, но по отношению к диалектам (к трнавскому диалекту и другим западнословацким диалектам) она является чем-то большим, нежели только диалектом; она является культурным языковым образованием, хотя и черпающим из диалектов, но вместе с тем стоящим над диалектами»⁶. Автор еще раз подчеркивает, что Бернолак не исходил прямо из словацких диалектов и делает вывод: «Языковую основу бернолаковского литературного языка следует видеть в культурном западнословацком языке, в соответствии с представлениями Бернолака подправленном среднесловацкими и верхнеоравскими диалектными элементами»⁷. Преемственная связь бернолаковской кодификации с культурным западнословацким языком заключается, по мнению Габовштяковой, «прежде всего в использовании словацкой основы культурного западнословацкого языка и в элиминировании ненужных словацкому языку чешских языковых элементов»⁸.

Таким образом, в настоящее время отношение между литературным языком, кодифицированным Бернолаком, и словацкими диалектами трактуется иначе, чем предполагавшаяся прежде непосредственная, прямая связь с западнословацкими диалектами. Теперь между ними, как правило, усматривается опосредованная связь через так называемый «культурный западнословацкий язык»⁹.

Сходная ситуация сложилась и при установлении диалектной основы штуровского литературного языка. Как известно, Л. Штур, в

отличие от А. Бернолака, сам провозглашал, что его кодификация базируется на среднесловацких говорах, что именно словацкую диалектную речь он и его сторонники поднимут на уровень литературного языка¹⁰. Объективным фактором, затруднявшим выбор диалектной основы литературного языка, являлась значительная диалектная дифференцированность словацкого языка, в том числе и в среднесловацком диалектном ареале. Определенную роль играл также фактор субъективный – стремление словацких возрожденческих деятелей формировать литературный язык на основе своего родного диалекта. Однако в окружении Штура наряду со сторонниками монодиалектной основы литературного языка были также приверженцы полидиалектной основы (например, его ближайший соратник – Й. М. Гурбан выступал за то, чтобы нормы литературного языка создавались с опорой не на один диалект, а на общесловацкие элементы, почерпнутые из всех диалектов). Сам Штур, с одной стороны, характеризовал диалектную базу литературного языка весьма широко, отмечая, что это «та речь, на которой говорят в Турце, на Ораве, в Липтове, Зволене, Текове, Гемере, Новограде, в Верхнетренчанском и Нитранском комитате и на всей Нижней земле»¹¹. С другой стороны, он не соглашался с теми, кто предлагал собрать из всех словацких говоров «хорошие», наиболее отточенные формы и из них образовать единое целое, поскольку, – как он полагал, – это создало бы пеструю «мешанину» и открыло бы дорогу всякому своеволию и беспорядку¹². Для Штура, который справедливо считал, что литературный язык должен представлять собой определённым образом организованную систему, важно было соблюсти системный подход, базирующийся «на исследовании и объяснении внутреннего строя» словацкого языка¹³.

В целом же вопрос о диалектной основе литературного словацкого языка не вызывал у современников Штура таких жарких споров и длительных дискуссий, как это было, например, у болгарских деятелей эпохи Возрождения¹⁴.

В старой литературе, посвященной рассматриваемой проблеме, споры велись главным образом о том, какой из среднесловацких диалектов или говоров явился источником норм шуруповского литературного языка. Большинство авторов склонялось к мнению, что это был липтовский говор. Выказывались также предположения, что исходной базой шуруповщины послужили zvolenский или тренчанский диалекты. Последующие сопоставительные исследования

характерных признаков шутовского литературного языка и определенных словацких диалектов показали, что нет оснований считать исходной базой шутовщины какой-то конкретный среднесловацкий диалект или говор. В связи с этим была выдвинута идея о более широкой диалектной базе: так, например, Л. Новак высказал мнение, что основой шутовщины являются фонетические и морфологические системы среднесловацкого типа¹⁵. В. Важный, анализируя фонетические признаки шутовского литературного языка, пришел к заключению, что Штур «отобрал наиболее характерные черты, общие большей части Средней Словакии, обращая отчасти внимание также на словацкий запад и восток»¹⁶. Э. Паулини в своей первой книге по истории словацкого литературного языка отмечал, что Штур «стремился внести в свой литературный язык то, что является типичным для среднесловацких диалектов, некое койне среднесловацких диалектов»¹⁷.

В новейшей лингвистической литературе шутовщина уже, как правило, не ставится в прямую связь с какими-либо конкретными среднесловацкими диалектами. Считается, что между ними существовало своего рода переходное звено, которое обычно называется «культурным среднесловацким языком» (диалектом, интердиалектом). Идею о том, что основой кодификации Штура является «культурный среднесловацкий язык», как уже отмечалось выше, впервые высказал чешский ученый К. Горалек¹⁸. Эта идея получила в словакистике широкое признание и дальнейшее развитие.

Обобщая вышесказанное, подчеркнем, что в настоящее время в исследованиях по истории литературного словацкого языка, как правило, признается, что между словацкими диалектами и литературным идиомом (бернолаковщиной и шутовщиной) была не прямая, а опосредованная связь. Роль связующего звена выполняли при этом варианты наддиалектной формации, называемой обычно культурным языком. В принципе такую позицию можно рассматривать как приемлемую и достаточно обоснованную. В связи с этим, однако, следует, на наш взгляд, теоретически осмыслить и уточнить ряд моментов и положений.

Прежде всего необходимо выяснить, какое содержание вкладывается в понятие «культурный язык».

Известно, что в современной теории литературных языков важную роль играет положение о так наз. культурных языках (диалектах) как возможной переходной ступени развития от местных

диалектов к письменному языку этноса или к национальному литературному языку. Одним из первых славянских лингвистов, говоривших о роли «культурных диалектов» в истории литературных языков, был польский ученый К. Нитш. Еще в 1913 году в статье «О взаимоотношении народных говоров и литературного языка» он писал, что в связи с данной проблемой возникают два вопроса: «1) который из старых провинциальных диалектов стал культурным языком, основой литературного языка; 2) как влияет однажды созданный литературный язык на народные говоры»¹⁹. Позднее К. Горалек снова акцентировал этот момент: «Возникновению славянских литературных языков, — отмечал он, — в большинстве случаев предшествовала формация так наз. культурных языков или диалектов, которые использовались в устной словесности...»²⁰. Постепенно подобные взгляды все шире проникали в славистические исследования, посвященные проблемам истории литературных языков и их диалектной основе. На IV Международном съезде славистов (Москва, 1958) вопрос о диалектной базе национальных литературных языков, как отмечал В. В. Виноградов, «в основном получил такую направленность, что лучше говорить об интердиалектной базе, о “наддиалектных формациях”, о “культурных диалектах”, о “койне” как основе литературной речи»²¹. Традиционным является оперирование терминами «культурный диалект», «культурное наречие», «культурный язык» для обозначения долитературной (иногда дописьменной) языковой формации в исследованиях, посвященных возникновению и диалектной основе польского литературного языка (об этом писали К. Нитш, Т. Лер-Сплавинский, В. Ташицкий, Т. Милевский, С. Урбанчик и др.)²². Ср., например, следующее высказывание С. Б. Бернштейна: «В основе польского литературного языка лежит польский культурный язык средневековья, который представлял собой наддиалектное образование»²³. Широкое применение термин «культурный язык (диалект)» находит в исследованиях по истории словацкого литературного языка (в работах Э. Паулини, К. Габовштяковой, Э. Йоны, Р. Крайчовича, В. Бланара; Н. А. Кондрашова, К. И. Лифанова, Р. Оти и др.; целую серию статей по данной проблеме опубликовал И. Котулич²⁴). Этап «культурного языка (диалекта)» в истории ряда славянских языков усматривают и другие исследователи. Некоторые ученые видят в подобных наддиалектных идиомах одну из общих закономерностей формирования славянских литературных языков донациональной эпохи²⁵.

Вместе с тем следует отметить, что широко употребляемый в лингвистической литературе термин «культурный язык» не является однозначным. Этим термином некоторые авторы обозначают фактически любой письменный или литературный язык феодального общества, который используется определенным этническим коллективом в донациональный период (в частности, чешский литературный язык, употреблявшийся в средние века в Словакии, словацкие лингвисты называют иногда культурным языком словаков). Можно встретить в литературе и другие толкования данного термина²⁶.

Определенные расхождения в использовании термина «культурный язык» встречаются и в работах словацких лингвистов. По мнению Э. Паулини, начиная с XVI века в Словакии наряду с чешским литературным языком и на его основе стихийно формируется местный культурный язык как общесловацкое средство общения²⁷. Не обладая устойчивыми нормами, он тем не менее использовался в различных функциях и жанрах (административно-деловая письменность, религиозная литература, литературно-художественное творчество и др.). В XVII и XVIII вв. он обретает в некоторых печатных изданиях относительно единую форму. Следует, однако, заметить, что в научной литературе, посвященной данному вопросу, мы находим, как правило, описание не единой системы общесловацкого культурного языка, а трех его вариантов: западнословацкого, среднесловацкого и восточнословацкого культурного языка.

Несколько иной концепции придерживается И. Котулич. Он считает, что язык формирующейся словацкой народности с самого начала (X–XI вв.) был дифференцирован, выступая в виде местных словацких говоров и складывающейся на их основе культурной языковой формации, предназначенной не только для повседневного общения, но и для удовлетворения более высоких культурных потребностей (главным образом в религиозно-культурной и административно-правовой сфере). Эту формацию он называет культурным словацким языком²⁸. В соответствии с этим Котулич определяет чешский литературный язык, употреблявшийся словаками с XIV в., как «второй культурный язык словацкой народности»²⁹. В XIV–XVIII вв., по мнению Котулича, в результате взаимодействия письменного чешского языка и местного словацкого культурного языка возникла гибридная языковая формация («гетерогенный» словацкий культурный язык). В связи с этим Котулич считает возможным говорить о трех культурноязыковых формациях у

словаков в указанный период, а именно о двух словацких культурных языках («гомогенном» и «гетерогенном») и чешском культурном языке³⁰.

Как мы видим и в словацкой лингвистике термином «культурный язык» обозначаются не вполне однородные явления как в плане их хронологической приуроченности, так и в плане содержательной характеристики.

Представляется целесообразным из достаточно широкого и неоднозначного понятия «культурный язык» вычленить понятие «культурный интердиалект» с более узким и определенным содержанием³¹. Культурным интердиалектом мы называем специфическую языковую формацию наддиалектного и междиалектного характера, возникающую на основе местных диалектов, но выполняющую по сравнению с ними более высокие общественно-культурные функции в период до появления национального литературного языка и служащую исходной базой его формирования³². Исходя из этого, мы считаем, что в создании предпосылок для возникновения литературного словацкого языка существенную роль сыграли западно-словацкий и среднесловацкий культурные интердиалекты³³. Именно они явились основными источниками соответственно бернолаковской и штуровской кодификаций.

В настоящее время словацкими лингвистами накоплено уже немало доказательств реального существования в истории словацкого языка подобных наддиалектных идиомов (в их терминологии «культурных языков»). Особенно большое внимание было уделено ими характеристике западнословацкого культурного интердиалекта (прежде всего в работах Р. Крайчовича³⁴). Благодаря этому можно сделать вывод, что западнословацкий культурный интердиалект, возникший в результате длительного взаимодействия местных западнословацких говоров и чешского литературного языка, функционировавшего в Словакии, обладал специфическим набором фонетических, грамматических и лексических черт, в котором переплетались словацкие и чешские языковые элементы. Именно он и стал главной исходной базой бернолаковской кодификации.

Менее изученными являются вопросы, связанные с возникновением среднесловацкого культурного интердиалекта и с его лингвистической характеристикой. Идею о том, что в штуровский период основой словацкого литературного языка стал культурный среднесловацкий язык, высказал К. Горалек³⁵. В трудах словацких

лингвистов она получила дальнейшее развитие. Значительное внимание данной проблематике уделял Э. Паулини, который раскрыл историко-культурные и собственно языковые условия и предпосылки образования этого наддиалектного идиома, показал некоторые особенности его функционирования³⁶. Он писал: «...в словацком обществе еще до Штура существовала некая норма среднесловацкого культурного языка, используемая достаточно широким слоем образованных, гесп. грамотных людей»³⁷. Она находила свое отражение в административно-деловой письменности, в художественной литературе, устном народном творчестве и в других областях общественно-культурной деятельности. Что касается истории среднесловацкого культурного интердиалекта, то здесь еще остается много неясного и порой противоречивого³⁸. Несомненно более полного и детального описания требует система строевых признаков и норм этого наддиалектного образования. Это поможет более точно определить исходную основу шуторовской кодификации. В теоретическом аспекте целесообразно более четко дифференцировать понятия «интердиалект» и «культурный интердиалект», так как не всякое интердиалектное образование может быть автоматически признано культурным интердиалектом. В одной из своих статей Э. Йона утверждал, что основой литературного словацкого языка в 40-х гг. XIX в. явилась «обиходно-разговорная среднесловацкая речь (среднесловацкий интердиалект)»³⁹. Здесь отсутствует указание на характерную для культурного интердиалекта социально-коммуникативную функцию. Между тем сам автор правильно подметил: «При благоприятных экономических, политических и культурных условиях из интердиалекта возникает сначала культурный язык»⁴⁰. И далее: «Благодаря его введению в литературу и стабилизации его нормы создается литературный язык»⁴¹. Как нам кажется, можно предположить подобный процесс складывания исходной основы шуторовского литературного языка. При этом следует учитывать, что обиходно-разговорная речь интердиалектного характера была лишь одним из компонентов, образующих среднесловацкий культурный интердиалект (в некоторых звеньях его системы проявлялось влияние чешского языка, правда, менее заметное, чем в западнословацком культурном интердиалекте; западнословацких говоров; речевых средств устной народной словесности). В целом же среднесловацкий культурный интердиалект по сравнению с западнословацким носил более ярко выраженный разговорно-народный характер.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Vážný V.* Spisovný jazyk slovenský // Československá vlastivěda. Řada II, III/2. Praha, 1936, s. 158–159.

² *Stanislav J.* K jazykovednému dielu A. Bernoláka. Bratislava, 1941, s. 21.

³ *Habovštiaková K.* Bernolákovo jazykovedné dielo. Bratislava, 1968, s. 314.

⁴ *Habovštiak A.* Slovná zásoba Bernolákovho Slovára a slovenské nárečia // Pamätnica Antona Bernoláka. Zostavil Juraj Chovan. Matica slovenská [Martin]. 1992, s. 118–122.

⁵ См.: *Pauliny E.* Dejiny spisovnej slovenčiny od začiatkov po súčasnosť. Bratislava, 1983, s. 171.

⁶ *Habovštiaková K.* Bernolákovčina – jazyk edícii Slovenského učeného tovarišstva // Slovenské učené tovarišstvo. Zostavil Milan Petráš. Trnava, 1993, s. 77.

⁷ *Habovštiaková K.* Op. cit., s. 77.

⁸ Ibidem.

⁹ Правда, в литературе еще можно встретить и старые формулировки, например, по мнению Р. Оти, основой первой кодификации словацкого литературного языка были западнословацкие диалекты (см.: *Оту Р.* Традиция и инновация в развитии славянских литературных языков // Славянские культуры в эпоху формирования и развития славянских наций XVIII–XIX вв. М., 1978, с. 115.

¹⁰ Ср.: *Štúr L.* Nárečja slovenskuo alebo potreba písanja v tomto nárečí. V Prešporoku, 1846, s. 78.

¹¹ *Štúr L.* Op. cit., s. 78.

¹² *Štúr L.* Hlas k rodákom // *Štúr L'.* Dielo. I. Bratislava, 1986, s. 209.

¹³ *Štúr L'.* Dielo. I..., s. 306.

¹⁴ Ср. детальное рассмотрение данной проблемы в кн.: *Венедиктов Г. К.* Болгарский литературный язык эпохи Возрождения. Проблемы нормализации и выбора диалектной основы. М., 1990, с. 152–205.

¹⁵ См.: *Novák L'.* Jazykovedné glosy k československej otázke. Turč. Sv. Martin, 1935, s. 104–105.

¹⁶ *Vážný V.* Op. cit., s. 165.

¹⁷ *Pauliny E.* Dejiny spisovnej slovenčiny. Bratislava, 1948, s. 72.

¹⁸ См.: *Horálek K.* K problematice dějin spisovného jazyka // Studie a práce lingvistické. I. Praha, 1954, s. 371.

¹⁹ *Nitsch K.* O wzajemnym stosunku gwar ludowych i języka literackiego // *Nitsch K.* Wybór pism polonistycznych. T. I. Wrocław, 1954, s. 193.

²⁰ *Horálek K.* Úvod do studia slovanských jazyků. Praha, 1955, s. 285.

²¹ *Виноградов В. В.* Проблемы литературных языков и закономерностей их образования и развития. М., 1967, с. 61.

²² См., в частности, материалы сборника «Pochodzenie polskiego języka

literackiego» (Wrocław, 1956). Ср. также: *Urbańczyk S.* Polski dialekt kultu-ralny w przeszłości i obecnie // *Говорните форми и словенските литературни јазици*. Скопје, 1973, с. 87–93.

²³ *Бернштейн С. Б.* Культурный язык – письменный язык – литературный язык // *Славянские культуры в эпоху формирования и развития славянских наций XVIII–XIX вв.* М., 1978, с. 110.

²⁴ *Kotulič I.* O formovaní kultúrneho jazyka slovenskej národnosti // *Jazyko-vedný časopis*, 19, 1968, s. 134–149. *Idem.* K otázke kultúrneho jazyka slovenskej národnosti // *Nové obzory*. Prešov, 1969, s. 349–371. *Idem.* K pojmu kultúrna slovenčina // *Zborník Filozofickej fakulty Univerzity Komenského. Philologica*. Roč. XXIII–XXIV. Bratislava, 1974, s. 293–305.

²⁵ *Виноградов В. В.* Различия между закономерностями развития славянских литературных языков в донациональную и национальную эпоху. М., 1963, с. 24.

²⁶ См., например, следующее определение: «Язык народа, достигшего высокого уровня цивилизации, получивший значение языка государственного» (*Ахманова О. С.* Словарь лингвистических терминов. М., 1966, с. 531).

²⁷ *Pauliny E.* Dejiny spisovnej slovenčiny. I. Bratislava, 1966, s. 82.

²⁸ См.: *Kotulič I.* K pojmu kultúrna slovenčina, s. 297.

²⁹ *Ibidem*, s. 304.

³⁰ *Kotulič I.* Význam trnavskej univerzity pre rozvoj kultúrnej slovenčiny // *Trnavská univerzita v slovenských dejinách*. Bratislava, 1987, s. 75.

³¹ Заметим, что в свое время английский славист Р. Оти призывал к уточнению термина «культурный язык» (см.: *Auty R.* Pojem kultúrneho jazyka a formovanie spisovnej slovenčiny // *Zborník Filozofickej fakulty Univerzity Komenského. Philologica (A)*. Roč. XVI. Bratislava, 1964, s. 156.

³² О нашем понимании культурного интердиалекта см.: *Смирнов Л. Н.* О роли культурных интердиалектов в процессе формирования славянских литературных языков // *Славянские культуры в эпоху формирования и развития славянских наций XVIII–XIX вв.* М., 1978, с. 116–121. *Его же.* К вопросу об интердиалектной основе современного болгарского литературного языка // *Болгарская культура в веках. Тезисы докладов научной конференции*. Москва, 26–27 мая 1992 г. М., 1992, с. 45–47.

³³ См.: *Смирнов Л. Н.* Формирование словацкого литературного языка в эпоху национального возрождения (1780–1848) // *Национальное возрождение и формирование славянских литературных языков*. М., 1978, с. 104–105, 151. Предложенную нами терминалогию начинают использовать и другие словакисты, ср.: *Лифанов К. В.* Наддиалектные образования в истории словацкого языка // *Вестник Моск. ун-та. Серия 9. Филология*. 1989, № 1. *Его же.* Генезис и сферы функционирования наддиалектных образований словацкого языка // *Историко-культурные и социолингвистические аспекты изучения славянских литературных языков эпохи нацио-*

нального возрождения. Тезисы докладов международной конференции. Ноябрь 1993 г. М., 1993, с. 36–39.

³⁴ См.: *Krajčovič R.* K problematike formovania kultúrnej západoslovenčiny // Zborník Filozofickej fakulty Univerzity Komenského. Philologica. Roč. XIV. Bratislava, 1962, s. 67–101. *Idem.* Hlavné fázy formovania kultúrnej západoslovenčiny // K počiatkom slovenského národného obrozenia. Bratislava, 1964, s. 171–180. *Idem.* Bernolákovčina a reč vzdelancov na juhozápadnom Slovensku v 18. storočí // Zborník Filozofickej fakulty Univerzity Komenského. Philologica. Roč. XXVIII. Br., 1981, s. 89–99.

³⁵ *Horálek K.* K problematice dějin spisovného jazyka // Studie a práce lingvistické. Praha, 1954, s. 371.

³⁶ *Pauliny E.* Spoločenské funkcie strednej slovenčiny pred Štúrom // Slovenská reč, 21, 1956, č. 3–4, s. 174–186. *Idem.* K prameňom štúrovskej kodifikácie // Bulletin Ústavu ruského jazyka a literatury. XII. Praha, 1968, s. 25–27. *Idem.* Pramene Štúrovej kodifikácie // Slovenske spisovne jazyky v dobe obrozeni. Praha, 1975, s. 67–71.

³⁷ *Pauliny E.* Pramene Štúrovej kodifikácie..., s. 69.

³⁸ Например, по мнению К. В. Лифанова термином «культурный средне-словацкий язык» фактически обозначаются два языковых образования, которые отличаются своим генезисом и сферами употребления, см., в частности: *Lifanov K.* Spisovná slovenčina existovala aj pred A. Bernolákom? // Jazykovedný časopis, 48, 1997, č. 2, s. 107.

³⁹ *Jóna E.* K periodizácii dejín slovanských spisovných jazykov a k všeobecným zákonitostiam ich vývinu // Jazykovedný časopis, 14, 1963, č. 1, s. 11.

⁴⁰ Op. cit., s. 13.

⁴¹ Ibidem, s. 13.

Глава 4

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ ОТВЛЕЧЕННЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В ЛИТЕРАТУРНОМ СЛОВАЦКОМ ЯЗЫКЕ НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ ЕГО РАЗВИТИЯ

Начальный этап истории литературного словацкого языка неразрывно связан с осуществленной в конце XVIII в. языковой реформой Антона Бернолака (1762–1813) – известного словацкого просветителя, первого кодификатора литературных норм словацкого языка. Предпринятая Бернолаком и его сторонниками попытка ввести в литературу словацкий язык отвечала потребностям национально-возрожденческого движения словаков в эпоху зарождения капиталистического строя и формирования наций¹. А. Бернолак явился автором серии лингвистических трудов, в которых была реализована целостная программа узаконения самостоятельного литературного словацкого языка – «Филологическо-критическое рассуждение о славянских письменах» с приложением краткого наставления по словацкой орфографии², «Словацкая грамматика»³, «Этимология словацких слов»⁴ – работа, посвященная словообразованию, 6-томный «Словацкий чешско-латинско-немецко-венгерский словарь»⁵.

Кодифицированная Бернолаком система норм и правил литературного языка в своей основе является системой западнословацкого типа. Ее главным источником послужил так называемый «западнословацкий культурный интердиалект»⁶ – особая языковая формация междиалектного и наддиалектного характера, сложившаяся в Западной Словакии в XVI–XVIII вв. на основе взаимодействия местных словацких говоров и чешского литературного языка. В связи с этим бернолаковский литературный язык («бернолаковщина») по ряду черт и признаков характеризуется определенным сходством с чешским литературным языком. Бернолаковщина не стала единым литературным языком словаков. Она была признана лишь в кругах католической словацкой интеллигенции. Словацкие протестанты и

после реформы Бернолака продолжали пользоваться традиционным чешским литературным языком. Тем не менее бернолаковщина получила довольно широкое распространение и применялась на практике более шестидесяти лет. В середине XIX в. благодаря кодификаторской деятельности Л. Штура и его сторонников (М. М. Годжа, Й. М. Гурбан и др.) был узаконен и введен в практику новый вариант литературных норм словацкого языка.

Однако бернолаковщина представляет собой важный, ключевой этап в истории литературного словацкого языка и несомненно заслуживает всестороннего научного изучения. В частности, большой интерес представляет исследование словарного состава бернолаковщины.

В данной главе объектом анализа являются имена существительные, обозначающие качество, признак, свойство в отвлечении от субъекта или объекта, то есть имена «отвлеченного качества» (*Nomina abstracta attributivitatis*) типа рус. *радость, мудрость, новизна, геройство, краснота*, слвцк. *driečnosť* 'стройность', *hrdost* 'гордость', *lapajstvo* 'озорство, плутовство', *prázdnota* 'пустота' и т. п. Данный разряд абстрактной лексики составляет одно из существенных и характерных звеньев словарного состава литературного языка.

В словацком литературном языке бернолаковского периода имена отвлеченного качества представляют собой весьма многочисленный пласт лексики, который отличается интенсивностью процессов пополнения и обновления, сложными и разнообразными лексико-семантическими и словообразовательными отношениями. Для него характерна, в частности, множественность лексических синонимов и словообразовательных вариантов. Под словообразовательной вариативностью мы имеем в виду наличие тождественных или очень близких по лексическому значению однокоренных производных слов, оформленных разными суффиксами, выражающими деривационное значение отвлеченного качества. Иначе говоря, речь идет об однокоренных синонимических параллелях типа рус.: *безрассудность* – *безрассудство*, *постоянность* – *постоянство*, слвцк. *belost* – *belota* 'белизна', *hrdinskost* – *hrdinstvo* 'геройство, героизм', *naivnost* – *naivita* 'наивность, простодушие', *tučnosť* – *tučnota* '1. полнота, тучность; 2. жирность'.

В главе ставится задача описать подобные синонимические ряды имен отвлеченного качества в бернолаковском литературном языке,

выявить характерные для бернолаковщины типы словообразовательной вариативности этих имен, показать роль отдельных словообразовательных суффиксов в оформлении однокоренных синонимических параллелей. Другой тип вариативности в кругу отвлеченных существительных, обусловленный формальными модификациями производящей основы, мы здесь не затрагиваем. Он требует специального рассмотрения.

Источниками фактического языкового материала для нас послужили «Словарь» А. Бернолака (далее Sl.B.) и литературные произведения видных представителей бернолаковского движения Ю. Фандли и Я. Голлого⁷.

Прежде чем перейти к анализу и описанию словообразовательной вариативности в кругу отвлеченных имен существительных, целесообразно дать краткий обзор словообразовательных типов этих производных и суффиксов, которые служили в бернолаковском литературном языке средством выражения деривационного значения отвлеченного качества.

Наиболее продуктивным несомненно является словообразовательный тип «основа качественного прилагательного + суффикс -ost'». Этот суффикс присоединяется к многочисленным основам разнообразной морфологической структуры.

а) Образования от непроизводных основ: belost' 'белизна', bleedost' 'бледность', bujnost' 'буйность; пышность', bystrost' 'быстрота, живость', celost', červenost' 'красный цвет, краснота', dobrost' 'доброта', drahost' 'дороговизна', drzost' 'дерзость, нахальность', hladkost', hlbokost' 'глубина', hlúpost' 'глупость', hustost' 'густота', krivost' 'кривизна', krutost' 'жестокость, суровость', milost' 'милость, благосклонность', mokrost' 'сырость', peknost' 'красота', rýchlost' 'скорость, быстрота', skúpost', šrost' 'широта', šedost' 'седина', temnost' 'темнота', teplost' 'теплота', tichost' 'тишина', vysokost' 'высота' и др.

б) Образования от производных основ. Этот подтип представлен самым многочисленным рядом лексем.

Подавляющее большинство всех отадективных имен существительных на -ost' образуется от основ с суффиксом -n-: bezpečnost' 'безопасность', bojovnost' 'воинственность', celostnost', daremnost' 'бесполезность, негодность', hmotnost' 'материальность', kričnost' 'крикливость', ohavnost' 'мерзость, уродливость', omilnost' 'ошибоч-

ность', *pevnost'* 'прочность, твердость', *schopnost'* 'способность', *slušnosť* 'пристойность, уместность', *udatnosť* 'храбрость', *vtipnosť* 'находчивость, сообразительность' и многие другие. В этом ряду, в частности, выделяется группа имен, образованных от основы сложных прилагательных, например; *jednomiselnosť* 'единодушие', *krátkomlúvnosť* 'лаконичность', *kromobičajnosť* 'необычность', *lútosť* 'жалостливость', *mnohovážnosť* 'почтенность', *obapolnosť* 'взаимность', *všeoobecnosť* 'общность' и т. п. Здесь же можно отметить группу имен, образованных от основы адъективированного причастия, например; *lízačnosť* 'гурманство, лакомство', *oddanosť* 'преданность', *sklonnosť* 'пологость, покато́сть', *vicvičenosť* 'обученность' и др.

Значительное число отадъективных имен на *-osť* образовано от основ с суффиксами *-at-*, *-nat-*, *-ovat-*, ср.: *bezstidnosť* 'бесстыдство', *krvnosť* 'полнокровность', *mozolovosť* 'мозолистость', *smolnosť* 'смолистость', *šťavnosť* 'сочность', *t'elnosť* 'полнота, тучность', *zrnosť* 'зернистость' и т. п.

Многочисленные группы составляют также образования от основ с суффиксом *-av-*, ср.: *černavosť* 'чернота, черноватость', *klamavosť* 'лживость', *kučeravosť* 'кудрявость', *lámavosť* 'ломкость', *rehavosť* 'веснушчатость', *plechavosť* 'плешивость', *šnatlavosť* 'косолапость', *laskavosť* 'любезность', *zvedavosť* 'любопытство' и др.; с суффиксами *-iv-*, *-liv-*, ср.: *mrazivosť* 'морозность', *náruživosť* 'страстность', *ročivosť* 'честность, порядочность', *privetivosť* 'учтивость', 'обходительность, любезность', *bedlivosť* 'заботливость, внимательность', *hnevivosť* 'гневность', *nehaneblivosť* 'бесстыдство', *opováživosť* 'дерзость', *oškľivosť* 'уродливость, безобразность', *rozváživosť* 'рассудительность', *učinivosť* 'прилежность, старательность' и т. п.

Уже это далеко не полное перечисление производящих адъективных основ, от которых при помощи суффикса *-osť* образуются отвлеченные имена существительные, показывает активность и продуктивность этого суффикса.

В бернолаковском литературном языке функционировали также отвлеченные имена существительные с суффикса *-osť*, образованные от других частей речи (глагола, местоимения, числительного), но эти словообразовательные типы были непродуктивными.

Второй словообразовательный тип, бывший в бернолаковский период литературного словацкого языка достаточно активным:

«основа прилагательного + суффикс *-stv(o)*⁸ и его модификации *-enstv(o)*, *-ctv(o)*, *-ictv(o)*, *-tv(o)*». При этом основа прилагательного чаще всего имеет суффикс *-sk-*, который при образовании имени существительного отпадает, например: *host'inský* – *host'instvo* 'гостеприимство', *chlapský* – *chlapstvo* 'мужественность', *šelmovský* – *šelmovstvo* 'плутовство', *zvěrský* – *zverstvo* 'зверство, жестокость'. В некоторых случаях форма производного слов допускает двойственность мотивации, например, *potmehúdstvo* 'плутовство; коварство' можно рассматривать как образованное от имени существительного *potmehúd* со значением лица – 'плут, проказник; коварный человек' или от деноминативного прилагательного *potmehúdsky* 'плутовской; коварный'. С точки зрения семантической взаимосвязи производящего и производного слова в данном случае (поскольку производное имеет значение отвлеченного качества) предпочтение должно быть отдано второй мотивации.

Помимо основ прилагательного на *-sk-* производящими могут быть и основы иной морфологической структуры: *blahoslavený* – *blahoslavenstvo* 'блаженство', *dobročinný* – *dobročinstvo* 'благотворительность', *důstojný* – *důstojenstvo* 'достоинство', *lakomý* – *lakomstvo* 'алчность; жадность', *otrocký* – *otroctvo* 'рабство', *poslušný* – *poslušenstvo* 'покорность, смирение', *sebecký* – *sebestvo* 'себялюбие, эгоизм' и др.

Третий словообразовательный тип, который можно считать продуктивным в бернолаковский период, – «основа прилагательного + суффикс *-ot(a)*». Правда, отвлеченные существительные, образованные по этому типу, в количественном отношении значительно уступали производным именам с суффиксом *-ost'*. Однако следует признать, что и суффикс *-ot(a)* проявлял в бернолаковском языке определенную активность. Так, в Sl.V. зафиксированы, в частности, следующие слова: *dobrota* 'доброта', *čistota* 'чистота', *černota* 'чернота', *dávnota* 'давность', *lacnota* 'дешевизна', *lichota* 'неверность, ненадежность', *istota* 'уверенность' и т. п. В текстах писателей бернолаковского периода мы нашли ряд слов на *-ota*, которые в Sl.V. не отмечены, например: *hladkota* 'гладкость', *nížkota* 'низина', *pustota* 'пустынный' и ряд других, ср.: ...*bud' kráši a hladkoti chiba* (Hollý. C.-M. 7); ...*z trísk a zemskej nízkoty šmúrný oznamuješ čas* (Hollý. Na sl. nár. 210); *Mesta hubit', l'ud vléct' a na pustotu krajni uvádzat'* (Hollý. Sláv. 50).

О словообразовательной активности суффикса *-ota* в бернолаковском литературном языке свидетельствуют и такие новообразования, как *budúcnota* 'будущее' (от прилагательного *budúcný*), *možnota* 'возможность' (от прилагательного *možný*), *krásota* 'красота' (от существительного *krása*).

При образовании отвлеченных имен существительных использовались также суффиксы *-ob(a)*, *-in(a)*, однако они уже в бернолаковский период были непродуктивными (ср.: *chudoba* 'бедность', *zloba* 'злость, злоба', *modrina* 'синева, голубизна'; 'синяк', *potuchlina* 'протухлость; гниль', *širina* 'широта').

Отвлеченные имена существительные со всеми перечисленными суффиксами могли образовывать ряды однокоренных синонимических параллелей.

Однокоренные образования с суффиксами *-ost'* и *-ot(a)*

В литературном словацком языке бернолаковского периода значительное число отадъективных существительных со значением отвлеченного признака, образованных при помощи суффикса *-ot(a)*, соотносилось с однокоренными синонимическими существительными на *-ost'*. Об этом свидетельствуют данные Sl. B. и собранный нами материал из произведений, написанных на бернолаковщине. При этом в большинстве случаев наблюдается совпадение лексических значений соотносящихся слов. Покажем это на примере следующих пар:

besný: *besnost'* – *besnota* 'неистовство, ярость, бешенство': *Tím vás rozjedovan vražedelné mikňe dubisko. Však pochíbí, vst'ekléj že sa od besnost'i unáhl'il...* (Hollý. Slav. 96) '...злясь, что в ярости поспешил...'; *...l'ud'í zburít'e nafúklých, ňeskrot'enú prchkost' a horúcu zažnet'e besnost'* (Hollý. Sv. 67) '...пробудите неукротимый гнев и горячую ярость'; *Však ňe puhá vst'eklost', ňe puhá len besnota zúrí* (Hollý. Sláv. 66) '...не только ярость бушует'; *...každím trase besnota údem* (Hollý. Sláv. 11) '...весь трясется от ярости'; *...horúcí besnoti plápol* (Hollý. Sv. 76) '...горячей ярости пламя'.

bujný: *bujnost'* – *bujnota* 'буйность, необузданность': *...i v tom každí na svého sa dáva žrebca volat' ménom, jakovím bol ňekdi volával, keď mu sedal na chrbát, a tuhú krot'il uzdami bujnost'* (Hollý. Na sl.

nár. 88) 'и укрощал ездой их буйность'; ...a syte od *bujnoty* skáćú (Hollý. Na sl. nár. 88) '...и насытившись, скачут и режутся'.

bystrý: bystrost' – bystrota в значении 'находчивость, сообразительность, живой ум', ср.: a každý umeňa nabyva, ...a rozum na vyššú zostruje *bystrost'* (Hollý. Na sl. nár. 220) '...и оттачивает ум'; ...tvěj *bystrota* misl'i (Hollý. С.-М. 7) '...твоей мысли живость'.

čerstvý: čerstvost' – čerstvota в значении 'бодрость, живость', Ihned' všecko mlčí, hned' všecko sa do sna ukládá, k ránu by zas *čerstvost'* a novú ponabyvalo vládu (Hollý. Na sl. nár. 63) '...чтобы к утру приобрести бодрость...'; Hned' silu dostává, dostává *čerstvotu* údov... (Hollý. Na sl. nár. 128) '...приобретает подвижность членов...'. В Sl.B. у слова *čerstvost'* отмечены еще два значения: 'жизнеспособность, живучесть' и 'быстрота, стремительность' (в последнем случае даже приведены синонимы – *náhlost'*, *richlost'*), однако в нашем материале нет текстовых примеров со словами *čerstvost'* и *čerstvota* в указанных значениях.

dávný: dávnost' – dávnota 'давность', 'древность': A všel'iké z *dávnost'i* šerěj mal prfhodi známé (Hollý. Sv. 88) 'И всякие знал случаи из седой старины'; Už zhola všecko vid'ím, zažatí sám od seba všecko chápe rozum, slavní čo konal náš v *dávnost'e* vít'az (Hollý. Sláv. 10) '...па-зум все понимает, что делал в древности наш славный победитель'.

mokrý: mokrost' – mokrota в значении 'влажность, сырость': ...i besné jak v jame vápno blčí a klokočmi na všku sa zmítá, keď sa hasí, a mnohú rozpušća studňe *mokrost'ú* (Hollý. Sv. 206) '...и большой сыростью размывает колодцы'; Rozkazi hñed' všeckím vidajú bez mešku vojacom ostrím les rúbat' žel'ezom,... Mnoztvo na zem l'éhá borovic, dubi z vški sa rúťá, jahňadi sa skacujú a milovné *mokroti* jalše (Hollý. Sv. 121) '...срубаются и любящие влажность ольхи'.

mrzký: mrzkost' – mrzkota в значении 'мерзость; уродливость': O špata! ó hrozná *mrzkost'*! (Hollý. Sláv. 12) 'О уродство! О ужасная мерзость!'; Hrozní prívozníkimi timi vodmi a rékami vládá strašný *mrzkost'ú* Cháron (Hollý. En. 145) '...над этими водами господствует страшный своей уродливостью Харон'; ...tak hañebnú spáchat' ohavnost'; Vlast' zapredat' sladkú... A k zrad'e i k rovněj nahovárat' *mrzkost'e* otcov... (Hollý. Sv. 139) '...и к измене и к подобной мерзости подбивать отцов'.

predný: prednosť – prednota ‘превосходство, преимущество, первенство’: ...Možní a chudobní všecí si rovní, ...žádná ňenal'ěžně sa *prednosť* (Hollý. C.-M. 31) ‘...не найдется никакого преимущества’; ...že našej zná *prednosti* vládu, svornosť a slušnú zachováva jednotu (Hollý. C.-M. 96) ‘знает наше превосходство силы, сплоченности...’

prudký: prudkosť – prudkota в значении ‘пылкость, горячность, вспыльчивость’: ...a besnú rozvolňá *prudkosť* (Hollý. Sv. 169) ‘...и ослабляет яростную горячность’; A v srdcách zmužilosť i tuhú rozpal'il'i *prudkosť* (Hollý. Sláv. 50) ‘...и разожгли в сердцах отвагу и пылкость’; Aj čo to už cítím? jaková mňa *prudkota* schítá? (Hollý. Sláv. 10) ‘...что за горячность охватывает меня?’

rovný: rovnosť – rovnota ‘равенство, одинаковость, сходство’: Ripeus tiež padne ze všetkých Teukrov najväčší *rovnosť* i a pravdi milovník (Hollý. Ep. 46) ‘...самый большой любитель правды и равенства’; Snad že u nich veľká sa nachádza z Indami *rovnosť* aj v reči aj ve mravoch (Hollý. Sv.88) ‘...у них обнаруживается большое сходство с индийцами в языке и в нравах’; Ze vlastnej ľudskú meňajší *rovnosť* rovnosť mysleli, jak dobre mňa, tak mnívať iných (Hollý. Na sl. nár. 144) ‘думали о равенстве других, исходя из собственного равенства’.

šedý: šedrosť – šedrota ‘щедрость’: I pre mnohú *šedrosť* po celej bol krajne povestní (Hollý. Sláv. 47) ‘и был по всей стране известен большой щедростью’; To mnohé sirotné domy, kláštory aj kostely mlúva, že z jasnej *šedrosť* veľmi krásne povstali (Fándly. Roz. 320) ‘...благодаря ее щедрости возникли многие дома сирот, монастыри и костелы’; ...však predca bych ešte nevládal tvé ke mne dobrodení a prevel'kú *šedrotu* hlásiť (Hollý. Na sl. nár. 117) ‘...все же язык не смог бы воспеть твою превеликую щедрость’.

volný: volnosť – volnota ‘вольность, свобода’: Tím v moci silnejší starodávnú bi st'e dosáhl'i skôr *volnosť*... (Hollý. C.-M. 64) ‘...благодаря этому вы скорее бы получили давнюю вольность’; ...ve bojoch za vlasť, za právo a *volnosť* (Hollý. Na sl. nár. 186) ‘в боях... за свободу’; To preto všetko, že sem krajanov svých *volnotu* hájil (Hollý. Na sl. nár. 169) ‘...что я защищал свободу своих земляков’; Prát'el'i uprímni, mlnú sme dopádal'i nád'ej, ...že všem nám... stálá vždicki pokoj, stálá bud'e *volnota* kvitnut' (Hollý. Sv. 70) ‘...что

будет расцветать наша воляность'; Všetcko ňe tak za zlé tu Svatopluku má sa pokládat', keď premilý sam aj ze svím odrekna sa l'udstvom volnoti... (Hollý. Sv. 140) '...когда он сам... отрывается от столь дорогой свободы'.

Вариативные однокоренные образования аналогичного характера составляют также следующие пары, представленные в бернолаковском литературном языке: černost' – černota 'чернота', divost' – divota 'дикость', hluchost' – hluchota 'глухость; неотзывчивость', hustost' – hustota 'густота, плотность', ľahkost' – ľahkota 'легкость, подвижность', náhlost' – náhlota 'быстрота, поспешность', peknost' – peknota 'красота', prísnost' – prísnota 'строгость, суровость', slepost' – slepota 'слепота; опрометчивость', temnost' – temnota 'темнота, мрак', tmavost' – tmavota 'темнота, тьма, мрак', trúchlost' – trúchlota 'печаль, грусть, меланхолия', tučnosť – tučnota 'полнота, тучность', vzt'eklost' – vzt'eklota 'злость, ярость, неистовство' и другие.

В некоторых случаях в семантической структуре соотносящихся однокоренных существительных с суффиксами *-ost'* и *-ot(a)* могут сочетаться и отвлеченное, и конкретное значение. Так, например, по данным Sl.В. в словах *pevnost'* и *pevnota*, образованных от прилагательного *pevný*, выделяются пять лексических значений: 'прочность, твердость, крепость'; 'стойкость, твердость, выдержка'; 'неизменность, стабильность'; 'спокойствие, безмятежность'; 'крепость, укрепленный замок, твердыня'. Первые четыре частично пересекающиеся значения являются отвлеченными, последнее значение – конкретным. Правда, следует отметить, что в нашем материале не оказалось текстовых примеров, подтверждающих наличие у слова *pevnota* конкретного значения 'крепость, замок'. Вероятно, в бернолаковском литературном языке оно употреблялось преимущественно со значением отвлеченного признака, ср.: *Svornost'ú i malé chovajú sa v pevnote vlády, nesvornost' veľké do hrobu t'áhne moci* (Hollý. Na sl. nár. 152) 'сплоченность помогает удерживать прочность даже малых государств...'. Четкая дифференциация отвлеченного и конкретного значений в слове *pevnost'* создает предпосылку развития омонимии. В современном словацком литературном языке уже выделяются два самостоятельных слова: *pevnost'*¹ 'крепость' и *pevnost'*² 'прочность, твердость; стойкость'.

В соотносящихся однокоренных словах *vľhkosť* и *vľhkota*, производных от основы прилагательного *vľhký*, также сочетаются

отвлеченное и конкретное лексическое значения: 'влажность, сырость' и 'влага, вода'. В этом случае и по своему конкретному значению однокоренные слова являются синонимичными, ср.: *Od slnka nechutná v níh sa varí vlhkosť...* (Hollý. Na sl. nár. 133) '...в них кипит влага'; *...dĺmná rēki vnútri kipí vlhkosť...* a na vŕšku sa penmi vináša (Hollý. En. 180) '...в реке бурлит вода и наверх поднимается пеной'; *Tak na vŕsecko zloboh Rastislavu králu podobní: aj na hlas aj na tvár i bl'edé od vlhkoti ústa* (Hollý. Sv. 59) '...и бледными от влаги губами'.

Продуктивность суффикса *-ot(a)* в бернолаковщине проявлялась также в том, что с его помощью образовывались имена существительные, имеющие не отвлеченное, а конкретное значение, которые также могли выступать как синонимы однокоренных существительных на *-ost'*. Например: *hojnosť* – *hojnota* (от прилагательного *hojný*) в значении 'множество, большое количество, изобилие', ср. *Štedrú vín hojnosť i okruhlích ňesli koláčov* (Hollý. С.-М. 45) 'несли большое количество вин...'; *Vel'kú a stodolám ňezmestnú úrodi hojnosť* predpovedal (Hollý. С.-М. 48) '...предвещал изобилие урожая'; *Bár všel'iké ťšťast'í, všel'iké sipe v hojnot'e dobré* (Hollý. С.-М. 66) '...сыплет множество всякого добра'; *...ty krásnej všelikú maš hojnotu lichvy* (Hollý. Na sl. nár. 201) '...у тебя изобилие всякого скота'.

prítomnosť – *prítomnota* (от прилагательного *prítomný*) в значении 'присутствие', ср.: *Kd'ež našu prítomnosť mnoho vatša potreba ždá* (Hollý. С.-М. 40) '...наше присутствие намного больше требуется'; *A smrtním jako nákaznám prítomnotu boztva ňezňect'il duchem ust* (Hollý. С.-М. 47) '...не опозорил духом уст присутствие божества'.

suchosť – *suchota* (от прилагательного *suchý*) в значении 'засуха, сушь', ср.: *Hrozná prišla suchosť* (Hollý. Sv. 90) 'Наступила ужасная засуха'; *Príležitosť k vist'ehováňu s tak bohatěj krajni zavdala náramná povodeň morská, ...najvác al'e hrozná suchota* (Hollý. Sv. 85); "Ach", vzdychol si, "tohto roku je vel'ká suchota" (Fándly. Roz. 50). Отметим попутно, что слово *suchosť* имело в бернолаковщине и другое конкретное значение – 'сухое место, суша', ср.: *vŕsecko tiché a ve svéj každé bolo drímate zvrá, ...ked' na suchosť* a na breh Vodný muž z Váhu vylézol (Hollý. Na sl. nár. 48) '...когда на сушу вылез водяной'. Слово *suchota* с таким значением нам не встретилось.

večnosť – večnota (от прилагательного večný) ‘вечность’, ср.: On jed'inf šťastných učinit' vás môže na večnosť (Hollý. С.-М. 50) ‘Он единственный может сделать вас счастливыми на долгие годы’; ...až duch vil'et'í a do večnoti zajde (Hollý. Sláv. 14) ‘...аж дух вылетит и отойдет в вечность’.

Иногда обнаруживается расхождение в семантике однокоренных производных с суффиксами *-ost'* и *-ot(a)*, при этом обычно существительное на *-ot(a)* характеризуются конкретным значением, а существительное на *-ost'* выступает с отвлеченным значением, например: *drahost'* ‘дороговизна’, но *drahota* ‘дорогая вещь’, *mladost'* ‘молодость’, но *mladota* ‘молодой человек, юноша; молодая женщина, девушка’, *učenost'* ‘ученость’, но *učenota* ‘высокообразованный человек, учитель’. В отдельных случаях обнаруживается семантическое различие между однокоренными словами на *-ost'* и *-ot(a)*, когда оба они имеют конкретное значение, например: *hodnost'* ‘чин, сан, звание, должность’ – *hodnota* ‘стоимость, цена’, ср. *Tehdi po troch vám d'ňoch ...posvat'eňí ud'elím a na vlastnú biskupov hodnost' podvihňem* (Hollý. С.-М. 98) ‘и возведу вас в сан епископа’; ...*za trinást' rokov hodnota pozemku vzrástla na štrnást'sto zlatých* (Fándly. Roz. 114) ‘...цена земельного участка возросла на четыреста золотых’.

Приведенный нами материал показывает, что в литературном словацком языке бернолаковского периода от одной и той же основы прилагательного нередко могли образовываться параллельные имена отвлеченного качества, оформленные синонимическими суффиксами *-ost'* и *-ot(a)*. Конкурентоспособность образований на *-ota* в данном лексическом разряде была в тот период довольно значительной, но тем не менее ограниченной: подавляющее большинство отадективных имен отвлеченного качества, образованных при помощи суффикса *-ost'*, не имело синонимических однокоренных параллелей с суффикса *-ot(a)*. Об этом свидетельствуют и данные Sl.B., и собранный нами текстовый материал.

Вместе с тем следует все же отметить особую словообразовательную активность суф. *-ot(a)* в бернолаковщине. Примечательно, что далеко не все обнаруженные нами в текстах слова на *-ota* зафиксированы в Sl.B. Так, в нем не отмечены слова *besnota*, *bujnota*, *bystrota*, *čerstvota*, *divota*, *hustota*, *mokrota*, *prednota*, *prísnota*, *prudkota*, *rovnota*, *sladkota* и некоторые другие. Иначе говоря, в литературных произведениях бернолаковского периода

встречается больше производных слов на *-ot(a)*, чем это отражено в Sl.B. В известной мере это объяснимо, так как литературная практика на языке, кодифицированном А. Бернолаком, получила наибольшее развитие уже после того, как был составлен его словарь.

Широкую употребительность в бернолаковском литературном языке названий отвлеченного качества, образованных при помощи суффикса *-ot(a)*, видимо можно рассматривать как одно из проявлений поиска разнообразных языковых средств удовлетворения новых номинативных потребностей, развития и обогащения словарного состава молодого литературного языка. Можно также предположить, что активное использование слов данного словообразовательного разряда, его пополнение индивидуальными новообразованиями отражало становление специфического художественного стиля литературного языка⁹. В этой связи примечателен тот факт, что большинство лексем на *-ot(a)*, незафиксированных в Sl.B., почерпнуто нами из поэтических произведений Я. Голлого. Не исключено, что некоторые из них являются результатом его индивидуального словотворчества (этот вопрос не может быть рассмотрен в данной главе, для его решения необходимо привлечение более полного и разнообразного материала). Конкуренция однокоренных синонимических образований на *-ost'* и *-ot(a)* несомненно отражала также неустойчивость, неопределенность лексических и словообразовательных норм литературного словацкого языка на начальном этапе его формирования. В последующем развитии литературного словацкого языка проявлялось действие тенденции к унификации и в рассматриваемом разряде лексики. Многие однокоренные синонимические образования с суффиксами *-ost'* и *-ot(a)* дифференцировались по лексико-семантическому или стилистическому признаку или же одно из них выходило из употребления. Благодаря этому преодолевалась избыточная вариативность. Из двух конкурирующих синонимических образований «победителем» выходило, как правило, слово с суффиксом *-ost'*. Так, если судить по данным толкового «Словаря словацкого языка» (Slovník slovenského jazyka. Ved. redaktor Št. Pečiari, d. I–VI, Bratislava, 1959–1968), в современном литературном словацком языке вышли из употребления многие лексемы с суффиксом *-ot(a)*, представленные в бернолаковщине, в то время как соотносительные с ними однокоренные образования на *-ost'* сохранились. В частности, в «Словаре словацкого языка» не отме-

чены такие слова, как *bujnota*, *dávnota*, *hojnota*, *l'ahkota*, *mrzkota*, *náhlota*, *prednota*, *prítomnota*, *prudkota*, *rovnota*, *sladkota*, *tmavota*, *večnota*, *volnota*, *znamota*. Лишь в одиночных случаях можно констатировать обратный результат: утрату слова на *-ost'* и сохранение соотносительного однокоренного образования на *-ot(a)*, ср.: *drahota* 'дороговизна', *hustota* 'густота', терминологические значения 'частота, плотность'. Некоторые пары однокоренных слов сохранились в прежнем виде, ср.: *besnota* – *besnost'*, *mokrota* – *mokrost'*, *temnota* – *temnost'* и др. При этом, однако, слова с суффиксом *-ot(a)* в «Словаре словацкого языка» оцениваются иногда как архаизмы, редкоупотребительные или поэтизмы (например, *bystrota*, *čerstvota*, *čiernota*, *divota*, *prísnota*, *štedrota*).

Однокоренные образования с суффиксами *-ost'* и *-stv(o)*

В бернолаковском литературном языке с отвлеченными существительными на *-ost'* соотносились также однокоренные образования с суффиксом *-stv(o)*. Так, например, от основы прилагательного *hlúpy* 'глупый, тупой' существовали параллельные синонимические производные образования *hlúpost'* и *hlupstvo*, ср.: '...ked' sa svet osvíť a nemravná prestane *hlúpost'*... (Hollý. Na sl. nár. 145) '...и пройдет безнравственная глупость'; ... a l'udia sa hrnuli za kláštornými robožnosťami zotrúvajúc stále v *hlúposti* (Fándly. Roz. 89) 'продолжая пребывать в глупости'; Tak, hle, človek blúďf, tol'kého sa hríchu dopúšća, jestli rozum zatupf a v kalu *hlúpstva* tone (Hollý. Na sl. nár. 144) 'и в грязи глупости тонет'.

От основы адъективированного причастия *poddaný* 'покорный; подчиненный, зависимый', были образованы однокоренные имена существительные *poddanost'* и *poddanstvo* 'покорность, смирение; подчиненность, зависимость, рабство', ср.: ...že vojsko Svatoplukovi, ktorí jím *poddanost'* prisľúbil, pod správu dávajú... (Hollý. Sv. 69) 'который им обещал подчиненность...'; Čož t'i naplat, že si oslobod'il cudzého ňevolních od *poddanstva* l'ud'f (Hollý. Sv. 60) 'что ты освободил людей от рабства'. Имена существительные *poddanost'* и *poddanstvo* наряду со значением отвлеченного качества выражали значение состояния ('рабство'), которое в дальнейшей истории

литературного словацкого языка все в большей мере закреплялось за словом с суффиксом *-stu(o)* и способствовало его терминологизации (ср. *poddanstvo* 'барщина; крепостная зависимость').

От основы прилагательного *podobný* 'сходный, подобный' также образовывались разносуффиксальные однокоренные параллели *podobnosť* и *podobenstvo* 'сходство, подобие', ср.: *Ked' si ňebol Svatovít pomocú sám dospel ochotnú: ...Dva na cest'e ohromné poskoki dal,... i hñed'... na podobnosť* orlice létá (Hollý. Sláv. 75) 'и летит, похожий на орлицу'; *...že bis misl'el, že sú dvonohí zvráta alebo podmostné stlpi ku podobenstvu* l'udskému na hrubo okresané (Hollý. С.-М. 134) 'можно было подумать, что это двуногие звери..., грубо отесанные для сходства с человеком'.

Соотносящиеся однокоренные образования *opilost'* и *opilstvo* (от основы прилагательного *opilý*) имели два лексических значения 'пьянство, пристрастность к вину' и 'опьянение', ср.: *V opilosti blúznil a rozprával nesvedčné,... hriešne reči* (Fándly. Roz. 107) 'В состоянии опьянения он бредил и говорил непристойные, грешные вещи'; *Opilstvo jest všetkému zlému počátek* (Sl. B.) 'Пьянство – начало всего плохого'.

Аналогичный тип параллельных синонимических образований представляют также следующие соотносительные имена существительные, зафиксированные в Sl.B. или в текстах бернолаковского периода: *bohatost'* – *bohatstvo* 'состоятельность, богатство', *blahoslavenost'* (*blahoslavnost'*) – *blahoslavenstvo* 'блаженство', *dostojnosť* – *dostojenstvo* '1. великолепие, величие; 2. достоинство', *kl'ebetnosť* – *kl'ebetn'ctvo* '1. болтливость, говорливость; 2. пересуды, сплетни (здесь наряду с абстрактным значением выступает и конкретное значение)', *lakomnosť* – *lakomstvo* 'алчность, жадность, корыстолюбие', *ñebezpečnosť* – *ñebezpečenstvo* 'опасность', *obežralost'* – *obežralstvo* 'обжорливость, обжорство, ненасытность', *obžernost'* – *obžerstvo* 'обжорливость, обжорство, ненасытность', *poslušnosť* – *poslušenstvo* 'покорность, послушание', *príbuznosť* – *príbuzenstvo* 'родство, родственная близость', *smilnosť* – *smilstvo* 'распутство, разврат', *slobodovernost'* – *slobodoverectvo* 'свободомыслие', *zúfalost'* – *zúfalstvo* 'отчаянность, отчаяние' и др.

Параллельные ряды однокоренных образований на *-ost'* и *-stu(o)* не были в бернолаковщине все же такими частыми, как аналогичные

соотношения отвлеченных имен существительных на *-ost'* и *-ot(a)*. Видимо, это было связано с меньшей словообразовательной активностью суффикса *-stv(o)* в кругу имен отвлеченного признака. Вместе с тем, этот суффикс был значительно продуктивнее при образовании имен существительных с абстрактными значениями. Так, в частности, в бернолаковщине очень продуктивным был словообразовательный прием соединения основы имени существительного с суффиксом *-stv(o)*, по которому создавались названия профессии, ремесла или рода занятий, ср.: *almužínár* 'нищий' – *almužínárstvo*, *apatekár* 'аптекарь' – *apatekárstvo*, *hodinár* 'часовщик' – *hodinárstvo*, *kramár* 'торговец' – *kramárstvo*, *rybár* 'рыболов' – *rybárstvo*, *tokár* 'токарь' – *tokárstvo*, *zvonár* 'мастер по литью колоколов' – *zvonárstvo* и многие другие; названия философских, религиозных течений, ср.: *ariánstvo*, *kalvínstvo*, *luteránstvo*, *pohánstvo* 'язычество', *sektárstvo* и т. п.; названия сана, должности, звания, ср.: *admirálstvo*, *barónstvo*, *grófstvo*, *kapitánstvo*, *kardinálstvo*, *richtárstvo* 'должность сельского старосты' и др.; а также слова со значением манеры поведения, поступков человека (очень часто с пейоративным оттенком), ср. *sigánstvo* 'вранье, обман, ложь', *frajerkárstvo* 'волокичество, донжуанство', *kmínstvo* (от существительного *kmín* 'вор') 'воровство', *pluhárstvo* 'негодяйство, мерзкое поведение', *zlodejstvo* 'воровство, кража; грабеж' и т. п. Последняя группа в лексико-семантическом плане была наиболее близка отадъективным образованиям на *-stv(o)* со значением отвлеченного качества, признака, свойства.

Однокоренные образования с суффиксами *-ost'* и *-ob(a)*

Данные Sl.B., а также собранный нами материал по литературным текстам бернолаковского периода показывают, что лишь редкие отадъективные образования с суффиксом *-ob(a)* соотносятся с однокоренными отвлеченными существительными на *-ost'*.

Рассмотрим параллельные разносуффиксальные образования *starost'* и *staroba*. Оба они являются производными от основы прилагательного *starý* и оба имеют значение 'старость', ср.: *Ked' sa človek za mladu neusiluje, na starost' je t'ažko* (Fándly. Roz. 233) 'Если человек в молодости не старается, то в старости ему тяжело';

...ti l'i, táto *starost'i* út'echa méj pozdná (Holly. En. 231) '...ты ли это, позднее утешение моей старости'; ...a tkáňím *starobi* svéj l'ahčila t'erchu (Holly. En. 232) '...и тканьем облегчала тяжесть своей старости'; ...lebo vieme, že *staroba* nemá silu mladosti (Fándly. Roz. 102) '...ибо знаем, что у старости нет такой силы, как у молодости'.

Наряду со словами *starost'* и *staroba* в бернолаковском литературном языке была представлена и такая однокоренная параллель, как *staršoba*. Это слово образовано при помощи суффикса *-ob(a)* от основы прилагательного в сравнительной степени (*starší*) и имеет то же самое значение, что и соотносящиеся с ним слова, т. е. 'старость'. В Sl.B. оно не зафиксировано. Возможно, что это было индивидуальное новообразование Я. Голлого, поскольку оно встретилось только в его поэтических произведениях, ср.: *Čerstvejšá* keď krv silu prala, a *staršoba* ešte závistná po sl'ichoch bléj mi ňetrúsila barvi (Holly. En. 120) '...когда... еще завистливая старость не осыпала мои виски белым цветом'; ...aňi *staršoba* vládi srdcu ňeodňíma, a jaru ňeumenšuje čerstvosť (Holly. En. 235) '...даже старость не отнимает власти сердца и не ослабляет свежесть весны'; ...ti včil si jed'inká *staršoby* nádej (Holly. En. 305) 'теперь ты единственная надежда старости'.

Парные однокоренные образования рассматриваемого типа представлены в бернолаковщине также словами *zlost'* и *zloba* (от основы прилагательного *zlý* 'злой'), *chudost'* и *chudoba* (от основы прилагательного *chudý* 'худой, тощий'). В первом случае имеется совпадение лексических значений, ср.: *Pukýe sa peklo naráz, ...i všetch černošerfch očad'encov z nútra virihýe. Prehrozním škrekotem, prestrašním od zlobi láním ukrutní povalá sa bratri a pospolu zejdu* (Holly. С.-М. 31) 'слыша ужасный крик и страшный от злобы лай, ...братья вместе сойдутся'; ...nezmernú proti nim v srdci pukajte *zlobú* (Holly. Na sl. nár. 146) 'пусть огромная злоба на них разрывает ваши сердца'; ...a prisvedčá, že za svú *zlost'* v'splatu Laokón hodnú bol dostal (Holly. En. 40) '...за свою злобу Лаокоон здорово расплатился'; ...keď zomhli sa *zlost'i* (Holly. Sv. 16) '...когда они справились со злостью'.

Однако наряду с этим слово *zlost'* в контексте получало иногда и конкретное значение – 'злодеяние, плохой поступок'. Об этом свидетельствует его употребление в форме множественного числа, что несвойственно именам отвлеченного качества, ср.: *Jak dobrí je*

Perún, že takí mor a záhubu l'udstva až do včilka trpí, a hromem za *zlost'i* ohavné dávno nepřetráskal do horúčej pekla prepast'i (Holly. Sv. 58) '... и громом не побил и не отправил в горячее пекло за мерзкие злодеяния'; A vše na jev podarené krité svetu odkryje *zlost'i* (Holly. С.-М. 32) '... и открывает миру все жестокие злодеяния'.

Что касается соотношения однокоренных образований *chudost'* и *chudoba*, то между ними обнаруживается расхождение в синонимических значениях. Первое имеет значение 'худоба, худощавость' (в Sl.B. в качестве синонима указано слово *chudorl'avost'* 'худощавость'), ср.: *Chudost' twár zošklivuje, špat'í* (Sl.B.) 'худоба портит лицо'. Второе выступает со значением 'бедность, нищета' (в Sl.B. в качестве синонимов приводятся соответственно слова *bída, chudobnost', nedostatek, núdza, psota*), ср.: *Mali ste aj to spomenúť, že mníšsky sl'ub chudoby bol príčinou ešte väčšich gal'ib* (Fándly. Roz. 47) 'вы должны были бы и то напомнить, что монашеский обет бедности был причиной еще больших несчастий'.

Примечательно, что в дальнейшей истории литературного словацкого языка за словом *chudoba* наряду со значением 'бедность, нужда' закрепилось собирательное значение 'беднота, неимущие люди, бедняки', например: *mestská, dedinská chudoba* (SSJ) 'городская, деревенская беднота' и переносное значение 'пустота, убогость', например: *mravná, duševná chudoba* 'нравственное ничтожество, душевная пустота'. В свою очередь у слова *chudost'* сохранилось только значение 'худоба, худощавость'.

Однокоренные образования с суффиксами -ost' и -in(a)

Речь идет о параллельных синонимических отадективных производных типа *hustost'* – *hustina* 'густота, плотность', *chriplot'* – *chriplina* 'хриплость, хрипота', *chripl'avost'* – *chripl'avina* 'хрипливость, охриплость; хрипота', *práznost'* – *práznina* 'пустота', *sivost'* – *sivina* 'сивость, серо-сизый цвет', *svetlost'* – *svetl'ina* 'голубизна, синева', *šedivost'* – *šedivina* 'седые волосы, седина; сивость', *širost'* – *širina* 'широта, ширь'.

В литературном словацком языке бернолаковского периода суффикс *-in(a)* употреблялся все же чаще в конкретном значении, выражая «вид или сущность предмета»¹⁰. В рассматриваемом типе

соотношения однокоренных образований слово с суффиксом *-in(a)* также нередко выступало в конкретном значении, благодаря чему эти однокоренные параллели семантически частично или полностью расходились, ср.: *bystrost'* 'быстрота' и *bystrina* '(стремительный) поток', *slabost'* 'слабость; бессилие, дряхлость' и *slabina* 'слабое место; терм. слабина'. Правда, в Sl.B. не всегда проводится четкое разграничение возможных абстрактных и конкретных значений подобных однокоренных слов, они обычно подаются как синонимические, а иллюстративный материал не приводится. Так, в частности, значение однокоренных имен существительных *pehavost'* и *pehavina* (образованных от основы прилагательного *pehavý* 'веснушчатый') раскрывается путем отсылки на статью *peha* 'веснушка'. Таким образом, если исходить из данных Sl.B., то слова *peha*, *pehavina*, *pehavost'* выступают в конкретном значении и оказываются в общем синонимическом ряду. Можно все же предположить, что слово *pehavost'* могло иметь в бернолаковском языке и абстрактное значение – 'свойство, признак веснушчатого'.

В процессе дальнейшего развития литературного словацкого языка соотносительные с отвлеченными именами на *-ost'* образования с суффиксом *-in(a)* или утрачивались, или становились носителями только конкретного значения и тогда сохранялись (ср. словц. *prázdnina* 'пустое место, пустота', *bystrina* 'поток'). Из рассмотренных выше слов на *-in(a)* в современном словацком языке сохранилось с абстрактным значением только слово *šřina*.

Многочленные ряды однокоренных разноссуффиксальных образований

Наряду с рассмотренными выше парными однокоренными отадективными образованиями с суффиксами *-ost'/-ot(a)*, *-ost'/-stv(o)*, *-ost'/-ob(a)*, *-ost'/-in(a)* в бернолаковском литературном языке были представлены ряды подобных производных слов, состоящие из трех и более членов, например: *hlúpost'*, *hlúpota*, *hlúpstvo*. Между этими однокоренными образованиями сохраняется лексико-семантическое тождество, ср. *Svet sa už osvřtil, nerozumná prestala hlúpost'* (Holly. Na sl. nár. 145); *Než vaše... blúdi pohanské od márnost'i l'ud'ý a saméj l'en hlúpoti pošlé* (Holly. C.-M. 65). *Tak, hle, řlovek blúdf,... jestli rozum zatupí a v kalu hlúpstva tone* (Holly. Na sl. nár. 144).

Ряд однокоренных отадъективных образований с суф. *-ost'*, *-ot(a)*, *-in(a)* составляют слова *práznost'*, *práznota*, *práznina*, выступающие в значении 'пустота', ср. ...a bral sa na cestu, čo ňekdi... dávnú pres noc a ňezmernú *práznost'* vidlážili zhubné obludi hrích a smrt' (Holly. Sv. 48); *Náramní, veľ'kí ...stál most, od bráni čo pekla sám pres všeckú prepest'* a bezedních *práznotu st'ínov najvatšú až k techto sahal sveta končiňe dlžkú* (Holly. Sv. 48); ...sama též do vysosti vybehlych *práznina skal truchlý volajícím púšcala ohlas* (Holly. Na sl. nár. 102).

Ряд однокоренных отадъективных образований с суффиксами *-ost'*, *-ot(a)*, *-ob(a)* представляют слова *nahost'*, *nahota*, *nahoba* (Sl.B.); *starost'*, *staroba*, *starota* (Sl.B.).

В некоторых случаях многочисленный ряд близких или тождественных по лексическому значению однокоренных образований возникал благодаря тому, что к исходной основе с суффиксом отвлеченности *-ot(a)* присоединялся словообразовательный суффикс прилагательного (чаще всего *-n-*), и уже эта производная основа оформлялась вторичным суффиксом отвлеченности *-ost'*, ср.: *čistý – čistost'/čistota – čistotný – čistotnost'*. По данным Sl.B. между словами *čistost'*, *čistota*, *čistotnost'* нет полной синонимии. При этом со значением 'чистота, опрятность; нравственная чистота' выступают все три слова. Кроме того, у слова *čistost'* отмечено значение 'ясность, понятность', которое отсутствует у слов *čistota* и *čistotnost'*. Ряды, аналогичные по словообразовательному механизму, составляют слова *nečistost'*, *nečistota*, *nečistotnost'*, а также *neistost'*, *neistota*, *neistotnost'* в значении 'сомнение, неуверенность' и др.

Иной тип словообразовательной связи представляет ряд *suchost'*, *suchota*, *suchotina*. Последнее слово образовано путем присоединения суффикса *-in(a)* к производящей основе с суффиксом *-ot(a)*. В этом случае третий член цепочки имеет свое специфическое значение 'туберкулез легких' (в современном словацком языке это слово употребляется только в форме множественного числа – *suchotiny*). Ср. также ряд, где один из членов выступает с суффиксом *-in(a)*, присоединенным к исходной производящей основе: *povota*, *povotnost'*, *povina* (Sl.B.). Все эти лексемы имеют значение 'новость, весть'.

Для бернолаковского литературного языка характерно наличие разнообразных рядов синонимических или близких по значению слов

с общим корнем, но с отличающимися производящими основами, например: *lacnost'*, *lacnota*, *lacoba*, *laca*. В этом ряду выступают как производные имена существительные, образованные при помощи суффиксов *-ost'*, *-ot(a)*, *-in(a)*, так и бессуффиксальное существительное *laca* 'дешевая цена, дешевая вещь'. Производные *lacnost'*, *lacnota*, *lacoba* совмещают абстрактные и конкретные значения 'дешевизна, дешевая цена', ср.: *Lacnotu skupuj (zadrž, schowaj) na drahotu* (Sl.B.). Ср. также ряды: *pišnost'*, *pišnota*, *pišča* (Sl.B.), в котором все слова имеют значение 'высокомерие, спесь, надменность'; *t'eplost'*, *t'epnota*, *t'eplo* 'теплота'. Следует подчеркнуть, что в бернлаковщине подобные синонимические ряды, в которых отадъективные суффиксальные образования соотносились с тождественным или близким по значению бессуффиксальным существительным, были распространены значительно шире, чем в современном словацком литературном языке (многие бессуффиксальные имена существительные вышли из употребления или стали архаизмами). При этом бессуффиксальные имена существительные нередко тяготели к передаче не абстрактного, а конкретного значения. Приведем некоторые примеры: *dba*, *dbalost'*, *dbáňi* 'внимание, забота, старание'; *faleš* 'ложь, обман', *falešnost'* 'обман, плутни, притворство'; *chut'* 'вкус, аппетит', *chutnost'* 'аппетитность'; *obluda*, *obludnost'* 'страшилище, чудовище; привидение'; *ohava* 'мерзость, гадость', *ohavnost'* '1. нечто ужасное, страшное 2. мерзость'; *osoh* '1. плод, результат, 2. польза, выгода', *osožnost'* 'польза, благо; полезность'; *ostuda* 'стыд, позор', *ostudnost'* 'стыдливость'; *podoba* 'сходство, подобие', *podobnost*, *podobenstvo* 'сходство, схожесть'; *podstata*, *podstatnost'* 'сущность, существо'; *pokora* 'смирение, уничижение', *pokornost'* 'смирение, послушность, покорность'; *rozmisel* '1. размышление; 2. понятие', *rozmiselnost'* 'размышление; 2. рассудительность'; *rozdel* 'различие'; *rozdelnost'* '1. делимость; 2. различие', *smad*, *smadnost'* 'жажда'; *sméč* 'смех', *sméčnost'* 'свойство смешного, смехотворность'; *lest*, *lestivost'* 'хитрость, лукавство; козни, обман'; *peč*, *peča* 'забота', *pečlivost'* 'волнение, беспокойство; заботливость' и т. д.

Семантическая структура производного имени существительного *dalekost'* (от основы прилагательного *daleký*) складывалась, по данным Sl.B., из трех значений: '1. даль, дальность; 2. расстояние; 3. долгота, протяженность'. В первом значении слово *dalekost'* выступало как синоним бессуффиксального слова *dál'* и слова *dálka*

(Sl. B.), а в третьем значении как синоним слова *dlúhost'*. В этом же значении в бернолаковском литературном языке употреблялось и другое слово с суффиксом *-k-*: *dľka*, которое представлено в произведениях Я. Голлого. Таким образом, в бернолаковщине функционировал ряд слов, близких по смыслу и даже совпадающих по некоторым лексическим значениям, которые в той или иной мере характеризовались и словообразовательными связями. В этом случае словообразовательная вариативность тесно переплеталась с явлениями лексической синонимии и лексической дифференциации. В связи с этим отметим, что в отдельных случаях в бернолаковском литературном языке отвлеченное имя существительное на *-ost'* или *-in(a)* могло соотноситься и с однокоренными образованиями на *-k(a)*, ср.: *štr, štrina, širokost', štrka* 'ширина, обширность, широта'.

В тех случаях, когда отвлеченное существительное на *-ost'* или *-ot(a)* было образовано от основы адъективированного причастия или от основы глагола, оно могло входить в ряд близких по семантике и словообразовательной структуре имен существительных на *-í, -eňí, -aňí*. Рассмотрим, например, ряд однокоренных слов *žebrota, žebráctvo, žebraňí*. По Sl. B. все эти слова характеризуются тремя лексическими значениями: '1. беднота, нищета; 2. попрошайничество; 3. гольтыба, беднота'. Первое значение – отвлеченное (состояние, признак), второе – конкретное (значение действия), третье – собирательное. Вместе с тем Бернолак указывает, что слово *žebraňí* в большинстве случаев употребляется в значении действия.

Следует отметить, что в Sl. B. довольно часто к образованиям на *-ost', -ot(a), -ob(a)* приводятся параллели на *-í, -eňí, -aňí*, которые обычно трактуются как синонимические, что, по нашему мнению, не всегда оправдано. Думается, что в образованиях на *-í, -eňí, -aňí* сильнее проявляются глагольные свойства, они все же, как правило, выражают процесс действия (во всяком случае это значение присутствует в их семантической структуре и нередко является доминирующим) или конкретное значение – название действия, например: *svičenost'* '1. обученность, образованность, просвещенность; 2. упражнение' – *svičeňí* '1. упражнение, тренировка; 2. обучение'; *chírnost'* 'слухи, сплетни' – *chíreňí* 'распространение слухов, сплетен'; *lúbnost'* '1. льстивость, ласковость; 2. привлекательность, прелесть; 3. любезность' – *lúbosteňí* '1. лесть, вкрадчивость; 2. прельщение; 3. ласка, поцелуй'; *ohromitost'* 'ошеломленность,

потрясенность' – ohromeňí 'ошеломление, потрясение'; podivnost' 'чуждость, необыкновенность' – podiveňí 'удивление' и т. п. В отглагольных параллельных образованиях действительно могла наблюдаться синонимия, ср.: trápota и trápeňí 'мучение'.

Проведенный анализ показал, что на начальном этапе истории литературного словацкого языка (в бернолаковский период) для системы отвлеченных имен существительных была характерна достаточно широко представленная словообразовательная вариативность, которая проявлялась как в парных соотношениях однокоренных отадъективных образований с синонимическими суффиксами *-ost'/-ot(a)*, *-ost'/-stv(o)*, *-ost'/-ob(a)*, *-ost'/-in(a)*, так и в многочисленных рядах параллельных образований с этими суффиксами. Самым распространенным и продуктивным в бернолаковщине суффиксом со значением отвлеченного качества был суффикс *-ost'*. Словообразовательной активностью характеризовался в тот период также суффикс *-ot(a)*. Остальные названные выше суффиксы являлись непродуктивными, но и они служили для образования ряда примечательных отвлеченных имен существительных, которые в последующий период истории литературного словацкого языка были утрачены или перешли в разряд архаизмов. Суффиксы *-ost'* и *-ot(a)*, присоединяясь к одним и тем же основам прилагательного, наиболее часто оформляли параллельные однокоренные слова с общим деривационным значением отвлеченного качества и полностью или частично совпадающие по своим лексическим значениям. Благодаря этому сосуществование отвлеченных существительных на *-ost'* и *-ot(a)* и конкуренция между ними является характерной чертой словарного состава бернолаковского литературного языка. Семантическая и стилистическая недифференцированность этих производных имен существительных, а также подобных образований с другими суффиксами создавала избыточную вариативность, которая постепенно преодолевалась на следующих этапах развития литературного словацкого языка.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Смирнов Л. Н. Формирование словацкого литературного языка в эпоху национального возрождения // Национальное возрождение и формирование славянских литературных языков. М., 1978, с. 86–113.

² *Dissertatio philologico-critica de litteris Slavorum. Posonii, 1787.*

³ *Bernolák A. Grammatica slavica. Posonii, 1790.*

⁴ *Bernolák A. Etymologia vocum slavicarum. Tyrnaviae, 1791.*

⁵ *Bernolák A. Slowár Slowenský, Česko-Lat'insko-Ñemecko-Uherský, I–VI. Budaë, 1825–1827.*

⁶ См.: *Смирнов Л.Н. Указ. соч.*, с. 103–105.

⁷ См. список сокращений в конце книги. В связи с тем, что мы пользовались современными изданиями произведений Ю. Фандли и Я. Голлого, нам пришлось отказаться от оригинальной бернолаковской орфографии и приводить примеры в соответствии с теми правилами написания, которых придерживались издатели.

⁸ В Sl.V. различались суффиксы *-stwo* со значением собирательности, например: *braterstwo* 'братья', *kacírstwo* 'еретики', *rabstwo* 'рабы' и *-stwi*, выражающий как абстрактные, так и конкретные значения, например: *bratstwi* 'братство', *kacírstwi* 'ересь', *rabstwi* 'рабство'. Однако в «Этимологии словацких слов» Бернолак оценивал суффикс *-stwi* как богемизм и отмечал, что в словацком языке суффикс *-stwo* может передавать и то, и другое значение, см.: *Gramatické dielo Antona Bernoláka. Na vydanie pripravil a preložil J. Pavelek. Bratislava, 1964, s. 455, 459.*

⁹ Ср.: *Laciok M. K distribúcii morfév -ost a -ota v básnickom jazyku B. Tablica // Slavica Slovaca, 1971, 3, s. 267–269.*

¹⁰ *Gramatické dielo Antona Bernoláka, s. 457.*

Глава 5

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ТИПЫ NOMINA ABSTRACTA ATTRIBUTIVITATIS В ЛИТЕРАТУРНОМ СЛОВАЦКОМ ЯЗЫКЕ ЭПОХИ НАЦИОНАЛЬНОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ

Одним из необходимых аспектов исследования истории литературного языка является изучение эволюции его словарного состава и словообразовательной системы. Известно, что лексический уровень языка «быстрее и шире, чем другие стороны языковой структуры, реагирует на изменения во всех сферах общественной жизни...»¹. Поэтому изучение словарного состава литературного языка на разных этапах его истории имеет важное значение как в лингвистическом плане, так и в плане выявления взаимосвязи литературного языка с развитием общества, с историей народа – носителя этого языка.

В истории литературного словацкого языка определяющим был период с конца XVIII в. до середины XIX в., органически связанный с социально-политическими и культурными процессами национального возрождения, формирования современной словацкой нации. Именно к этому периоду относится возникновение и функционирование двух вариантов литературного словацкого языка: западно-словацкого типа («бернолаковщина») и среднесловацкого типа («штуровщина»). Западнословацкий вариант возник в результате осуществленной в конце XVIII в. языковой реформы А. Бернолака, который осуществил первую научно обоснованную программу кодификации литературных норм словацкого языка. Среднесловацкий вариант был узаконен в середине XIX в. благодаря усилиям Л. Штура и его последователей. Этот вариант послужил основой единого национального литературного языка словаков, который с незначительными изменениями функционирует и в настоящее время².

В данной главе делается попытка выявить и описать словообразовательные типы производных имен существительных со значением качества, признака, свойства (Nomina abstracta attributi-

vitatis). Таким образом, предметом нашего исследования является не весь лексико-грамматический разряд имен существительных, имеющих значение отвлеченного признака, а его основное ядро, которое составляют структурно маркированные слова, обладающие формальными показателями данного значения – деривационными морфемами (суффиксами), ср., например, русск. *мудрость, твердость, полнота, коварство, белизна* и т. п., слвц. *krátkosť, srdečnosť, hluchota, hrdinstvo* и т. п.

В литературном словацком языке эпохи национального возрождения слова рассматриваемого типа представляли собой довольно многочисленный и быстро пополняющийся пласт лексики, характеризующийся сложными и разнообразными семантическими и деривационными связями, а также определенной динамикой, проявляющейся даже в рамках изучаемого синхронного среза. Между тем они не были еще предметом достаточно полного специального исследования. Правда, отдельные интересные и важные наблюдения о семантике и словообразовательной структуре производных отвлеченных имен существительных можно найти в статье Я. Горецкого³, в книгах К. Габовшпяковой⁴ и Н. А. Кондрашова⁵, а также в некоторых других работах. Мы также затрагивали данную проблематику, анализируя абстрактную лексику бернолаковского литературного языка в аспекте словообразовательной вариативности⁶.

Отвлеченные имена существительные с суффиксом -ost'

В разряде отвлеченных имен существительных в литературном словацком языке эпохи национального возрождения наиболее продуктивным является словообразовательный тип «основа качественного прилагательного + суффикс -ost'».

Как в бернолаковский, так и в штуровский период отвлеченные существительные данного типа были весьма многочисленными, они составляли открытый ряд (нами зафиксировано более тысячи лексем). Словообразовательная активность суффикса -ost' проявлялась в том, что он мог сочетаться с основами прилагательных разнообразной морфологической структуры (простыми и производными, односложными и многосложными, суффиксальными и бессуффиксальными, сложными и др.).

В качестве мотивирующей выступал довольно широкий круг простых адъективных основ. При этом в исходе мотивирующей

основы могла быть практически любая согласная. Мотивация производного существительного была, как правило, достаточно ясной, ср. *biely* 'белый' > *bielosť* (*belosť*) 'белизна', *čerstvý* 'свежий' > *čerstvosť* 'свежесть', *krutý* 'жестокий' > *krutosť* 'жестокость' и т. п. Простыми основами прилагательного мотивированы также следующие отвлеченные существительные: *celosť* 'целость, полнота; целостность', *červenosť* 'краснота', *divosť* 'дикость; неистовость', *dobrosť* 'доброта', *drahosť* 'дороговизна', *drzosť* 'дерзость, нахальство', *hluchosť* 'глухота', *hustosť* 'густота', *chromosť* 'хромота', *chytrosť* '1. быстрота; 2. обманчивость, притворство', *istosť* 'уверенность; бесспорность', *krivosť* '1. кривизна; 2. хромота', *lakomosť* 'жадность; алчность', *mdlosť* '1. слабость, вялость; 2. обморок', *mokrosť* 'сырость', *nemosť* 'немота', *peknosť* 'красота, красивость', *plachosť* 'робость, боязливость', *plnosť* 'полнота', *rychlosť* 'скорость, быстрота', *sleposť* 'слепота', *šerosť* 'серость, темнота', *teplosť* 'теплота', *tichosť* 'тишина', *veselosť* '1. веселость; 2. веселье' и многие другие.

В нашем материале более ста подобных образований. Значение отвлеченного качества проявляется у них обычно вполне отчетливо. Покажем это на нескольких текстовых примерах: *Lútá krotňe divosť* (Holly. Sláv. 38); Eurial *chitrosťú* Níza v behu predčí (Holly. En. 106); Umka pokoj *lúbi* a *tichosť* má ráda samotnú (Holly. Na sl. nár. 116); Seknúť pravda musela tá predošlá *bystrosť* a *živost'* (Sl. Pohl. IV. I); ... ktorí za tak krátke čas vlast' svoju z pút *hlúpost'i* oslobod'ili (SNN. III); ...*lúbiu* s dajakou *ňežnosťou* mocnieho toho pána (OT. 377). ...že tento nemá síce takí talent, ako ten, aňi takú *plnosť* srdca (Hodža. D. sl. 57).

К ряду простых адъективных основ примыкает и группа основ, имеющих в исходе элемент *-k-* (*-ok-*, *-ek-*, *-ik-*), который, несмотря на то, что он может быть вычленен, вряд ли следует интерпретировать как словообразовательный суффикс прилагательных, актуальный для начального периода истории словацкого литературного языка. Речь идет об основах типа: *blízky*, *krotký*, *vysoký* и т. п. Эти основы мотивируют следующие отвлеченные существительные: *blízkosť* 'близость', *dal'ekosť* '1. дальность, отдаленность; 2. даль', *hlbokosť* 'глубина', *krehkosť* 'хрупкость', *plytkosť* 'мелкость', *prudkosť* '1. резкость, стремительность; 2. быстрота;

3. пылкость, горячность; 4. крутизна, *riedkost'* 'редкость', *rezkost'* '1. бодрость, свежесть; 2. подвижность', *sladkost'* 'сладость', *širokost'* 'широта', *vysokost'* 'высота', *vlhkost'* 'влажность' и некоторые другие.

Подавляющее большинство производных адъективных основ, мотивирующих отвлеченные существительные на *-ost'*, составляют основы суффиксальные. При этом наиболее активным в словообразовательном плане является адъективный суффикс *-n-* (в нашем материале более 500 соответствующих образований). Данный суффикс оформляет как отсубстантивные, так и отглагольные основы прилагательных.

Более многочисленным, по нашим наблюдениям, является ряд отсубстантивных основ. Например, от существительного *chut'* 'вкус, аппетит' образовано прилагательное *chutný* 'вкусный, аппетитный', основа которого мотивирует производное *chutnosť* 'аппетитность, вкуснота'; от существительного *škoda* 'вред, ущерб' образовано прилагательное *škodnosť* 'вредность'. Сходная «деривационная история» обнаруживается также в следующих отвлеченных существительных; *mužnosť* 'мужественность', *omilnosť* 'ошибочность', *osožnosť* 'полезность', *pokornosť* 'смиренность, послушность, покорность', *ružnosť* 'гордыня, высокомерие' и во многих других.

В ряде случаев отсубстантивная основа прилагательного с суффиксом *-n-* имеет более сложную морфемную структуру. Обычно это обусловлено наличием в ее составе приставки, например: *bezlestnosť* 'искренность, бесхитрость', *bezpotrebnosť* 'ненужность', *nečlovečnosť* 'бесчеловечность, негуманность', *nemravnosť* 'безнравственность', *neškodnosť* 'безвредность', *potajnosť* 'тайнственность' и т. п.

Значение отвлеченного признака у рассмотренных выше и подобных образований на *-ost'* иллюстрируют следующие текстовые примеры: ...z náležníkem *hrišnosťi* Ulissem... (Hollý. En. 38); ...na hrdínskú vodca patrící *Mužnosť* (Hollý. Sv. 153); ...farári tak stratili na *vážnosti* (Fándly. Roz. 62); Prál okusit' *volnosť*... (Hollý. Sv. 60); rozduchoval *nespokojnosť* a rozbroj v kláštore (Fándly. Roz. 47). ...a túto *vernosť* skúša... aj budúce veky (SNN. 2). ...čo tjeťo štipendia od svojích spolukamarátou s tak láskipilnou *šetnosťou* dostávajú (SNN. 24).

Значительное число отадъективных существительных на *-ost'* мотивировано девербативными и деноминативными основами прилагательных, имеющими в исходе суффикс *-iv-* и его модификации

(варианты) *-liv-*, *-čiv-* (в нашем материале насчитывается около 300 таких образований). При этом суффиксы *-iv-*, *-liv-* обладают примерно одинаковой словообразовательной активностью, а суффикс *-čiv-* оформляет лишь единичные основы (по преимуществу отглагольные).

Девербативные основы прилагательных с суффиксом *-iv-* характеризуются, как правило, достаточно прозрачной мотивированностью, например: *bažit* 'страстно желать, жаждать' > *baživý* 'алчный, жаждущий, корыстный' > *baživost* 'алчность, корыстолюбие'; *bedlit* 'заботиться, печься' > *bedlivý* 'заботливый, внимательный' > *bedlivost* 'заботливость'; *lichotit* 'льстить' > *lichotivý* 'льстивый' > *lichotivost* 'льстивость'; *náhlit sa* 'торопиться, спешить' > *náhlivý* 'торопливый, поспешный' > *náhlivost* 'торопливость, поспешность'. В некоторых случаях отглагольный характер основы прилагательного, служащей словообразовательной базой отвлеченного существительного, отражается в том, что у производного существительного на *-ost'* доминирующим оказывается специфический оттенок абстрактного значения признака, а именно «способность, возможность, склонность проявлять свойство, названное мотивирующей основой», например: *liečit* 'лечить' > *liečivý* 'лечащий, обладающий лечебным свойством' > *liečivost* 'лечебное свойство, способность лечить'.

Образование десубстантивных основ прилагательных с суффиксом *-iv-*, мотивирующих отвлеченные существительные на *-ost'*, иллюстрируют следующие примеры: *dobrota* 'доброта' > *dobrotivý* 'добрый, сердечный' > *dobrotivost* 'сердечность, доброта'; *lest* 'хитрость, уловка, обман' > *lestivý* 'хитрый, лукавый, коварный' > *lestivost* 'хитрость, лукавство, коварность'; *prívet* 'приветствие' > *prívetivý* 'приветливый, дружелюбный' > *prívetivost* 'приветливость, дружелюбие'; *zloba* 'злость, злоба' > *zlobivý* 'злостный, злобный' > *zlobivost* 'злостность, злобность'.

Перед суффиксом *-iv-* в исходной мотивирующей основе прилагательного могут происходить соответствующие изменения, например, чередования согласных, ср. *neduh* 'болезнь, недуг' > *neduživý* 'болезненный' > *neduživost* 'болезненность'; *zisk* '1. доход, прибыль; 2. выгода, польза' > *ziskný* 'корыстный, выгодный' > *ziskivost* 'корыстолюбие'; чередование твердого и мягкого конечного, ср.: *úcta*

'уважение, почтение' > *úctivý* 'почтительный' > *úctivost* 'почти-тельность', см. также приведенные выше примеры: *dobrota* > *dobrotivost*, *prívet* > *prívetivost* и т. п.; выпадение корневого *-e-*, ср.: *bázeň* 'страх, боязнь' > *báznivý* 'боязливый' > *báznivost* 'боязливость', *oheň* 'огонь' > *ohnivý* 'огненный; пламенный' > *ohnivost* 'пламенность, пылкость' и др.

В кругу производных прилагательных с суффиксом *-liv-* также выделяются deverбативные и десубстантивные основы. При этом суффикс *-liv-* значительно активнее оформляет глагольную мотивирующую основу (соотношение deverбативных и десубстантивных образований с этим суффиксом примерно 2:1). В большинстве случаев исходной мотивирующей основой прилагательного является корень (или основа) глагола на *-it'*, например: *citit* 'чувствовать' > *citlivý* 'чувствительный' > *citlivost* 'чувствительность'; *hánit* 'позорить, срамить, стыдить' > *hánlivý* 'позорный, постыдный' > *hánlivost* 'постыдность, срамота'; *opovážít* sa 'осмелиться, отважиться' > *opovážlivý* 'смелый, дерзкий' > *opovážlivost* 'дерзость, смелость'; *plašit* 'пугать' > *plašivý* 'робкий; пугливый' > *plašivost* 'робость, пугливость', *žičit* 'желать добра; благоприятствовать' > *žičlivý* 'доброжелательный, благожелательный' > *žičlivost* 'доброжелательность, благожелательность'. Аналогичный словообразовательный механизм можно выявить в отвлеченных существительных: *búrlivost*, *člnivost*, *durlivost*, *očistlivost*, *rozvážlivost*, *strašlivost* и т. п. От глаголов других классов прилагательные с суффиксом *-liv-* образуются реже, ср.: *šanovat* 'беречь, щадить' > *šanovlivý* 'бережливый' > *šanovavlivost* 'бережливость'; *sklamat* 'обмануть' > *sklamlivý* 'обманчивый, лживый' > *sklamlivost* 'лживость, обманчивость'; *zdat* sa 'казаться' > *zdanlivý* 'кажущийся, мнимый, воображаемый' > *zdanlivost* 'мнимость'; *hospodárit* 'хозяйствовать, хозяйничать; экономить' > *hospodárlivý* 'хозяйственный, рачительный' > *hospodárlivost* 'хозяйственность, бережливость, рачительность'; *trpieť* 'терпеть; страдать' > *trpelivý* 'терпеливый' > *trpelivost* 'терпеливость; терпение'; *zabudnúť* 'забыть' > *zabudlivý* 'забывчивый' > *zabudlivost* 'забывчивость'.

В тех случаях, когда суффикс *-liv-* присоединяется к основе страдательного причастия, возникает осложненный суффикс *-anliv-* или (реже) *-enliv-*, так, например, в Sl.B. зафиксированы, в

частности, следующие образования: *čítanliwost'*, *držanliwost'*, *milowanliwost'*, *ožiwanliwost'*, *sčítanliwost'*, *wiznamenanliwost'*, *zdržanliwost'*, *zetrwanliwost'*. По материалам штуровского периода этот ряд продолжают отвлеченные существительные *ňedbanliwost'*, *vytrvanliwost'*, *znášanliwost'*, *zúfanliwost'* и некоторые другие. С суффиксом *-enliv-* в Sl.B. отмечено существительное *očistenliwost'*.

Десубстантивные основы с суффиксом *-liv-*: *hanba* 'стыд' > *hanblivý* 'стыдливый' > *hanblivost'* 'стыдливость'; *nákaza* 'зараза, инфекция' > *nákazlivý* 'заразительный, заразный' > *nákazlivost'* 'заразительность'; *peč* 'забота, беспокойство' > *pečlivý* 'заботливый' > *pečlivost'* 'заботливость, внимательность'; *podvod* 'обман' > *podvodlivý* 'обманчивый' > *podvodlivost'* 'обманчивость'; *starost* 'забота' > *starostlivý* 'заботливый' > *starostlivost'* 'заботливость'. Аналогичного типа десубстантивные основы прилагательного представлены также в следующих отвлеченных существительных: *cnostlivost'*, *čistotlivost'*, *haneblivost'*, *hnevlivost'*, *názorlivost'*, *nenáwistlivost'*, *obratlivost'*, *odporlivost'*, *pohyblivost'*, *pozorlivost'*, *radostlivost'*, *úzkostlivost'*.

Как мы уже отмечали, образования с производными основами прилагательных на *-čiv-* представлены значительно реже, при этом исходная мотивирующая основа является по преимуществу глагольной, например: *pálit* 'палить, жечь, припекать' > *pálčivý* 'палящий, жгучий, знойный' > *pálčivost'* 'жгучесть, знойность'; *zadumat'* sa 'задуматься, погрузиться в размышления' > *zádumčivý* 'задумчивый' > *zádumčivost'* 'задумчивость'; *zahál'at* 'бездельничать, лодырничать' > *záhal'čivý* 'праздный, бездельный, ленивый' > *záhalčivost'* 'праздность, ленивость'. Десубстантивная основа на *-čiv-* представлена лишь единичными примерами, ср.: *rovera* 'суеверие, предрассудок' > *roverčivý* 'суеверный' > *roverčivost'* 'суеверность'.

Значение абстрактного признака имен существительных на *-ost'*, мотивированных основами прилагательных с суффиксом *-iv-* и его модификациями *-liv-* и *-čiv-*, проиллюстрируем несколькими текстовыми примерами:

Ale sa ím *baživost'* po nákaznom tomto nápoji zle odslúžila (SNN. 37); Učitel' má s *ňeprestajnou bedlivost'ou* na všetki stršni ústavu školského pozorovat'... (OT. 118); ...povstaňme zo spánku *lenivosti* (Fándly. Roz. 102); Nie som milovník svetskej *márnivosti* (Fándly.

Roz. 186); Pre *náhlivosť* sádzača vkľzli sa do čísla 132. Novín tje to chibi (SNN. 534). ...v tejto chorobe *podozrivosť* (Sl. Pohl. II. 8); A všecku *prívetivosť* a *úctivosť* mu preukazuje (Hollý. En. 58); Ale ten svet zapadl kol'ko eš'e i teraz má *vábivosť* (OT. 59); ...žjadnou *zištivosťou* ľudskou sa nepoškvrní (Hodža. D. sl. 64).

Ňje je pravda..., že osveta a vzd'elanosť národu k *búrlivosťi...* nauča (SNN. 294);

Aby sa zamedzilo aj takejto nerozumnej *opovážlivosťi* (Fándly. Roz. 71); ...lebo *strjezlivosť* a *zdržanlivosť* je sčh základ, na ktorom potom *gazdovlivosť* mocnje koreňe púš'ta (SNN. 350); Vet' mi prečkáme i p. Lichardovu *prchlivosť* (Sl.Pohl. III. 55); Pekná je *starostlivosť* rod'ičou o d'et'i (SNN. 93); ...a toto dodáva spisovat'elovi smelosťi a *vytrvanlivosťi* (Sl.Pohl. III. 25); On chceu nado všetko abi sa vždi skutočnosť predložila *zdánlivosťi...* (OT. 378); Ujiš't'uje nás t'jež o sčh špartánskej *znášanlivosťi* (Sl.Pohl. I. 35).

Mysel jeho bola náklonna k dumaniu. *Zádumčivosť* povaha jeho (Sl.Pohl. III. 198); Aby sám mohol zanedbávat' svoje regule, iných zabával a podporoval v *záhalčivosťi*. (Fándly. Roz. 47); ...a lahko-mislnú *poverčivosť* ľudu nášho nadužívat'... (SNN. 421).

Многочисленная группа отадеъективных существительных на *-ost'* мотивировалась основами прилагательных, имеющих в исходе суффиксы *-av-* или *-lav-* (в нашем материале более 250 образований). При этом продуктивным был лишь суффикс *-av-* (с ним зафиксировано подавляющее большинство основ, в то время как с суффиксом *-lav-* только около 30).

Основную массу производных прилагательных с суффиксом *-av-* составляют девербативные образования (их соотношение с десубстантивными основами на *-av-* примерно 5 : 1).

Как правило, девербативные прилагательные с суффиксом *-av-* образуются от простых и производных глаголов на *-at'*, например: *dudlat'* 'ворчать' > *dudlavý* 'ворчливый' > *dudlavost'* 'ворчливость'; *habkat'* в значении 'неясно, бессвязно бормотать' > *habkavý* 'бессвязный, запинаящийся' > *habkavost'* 'бессвязность, неясность'; *hltat'* 'жадно поглощать, заглатывать' > *hltavý* 'прожорливый, ненасытный' > *hltavost'* 'прожорливость, ненасытность'; *kul'hat'* 'хромать' > *kul'havý* 'хромой, хромающий' > *kul'havost'* 'хромота'; *okúňat'* sa

'стесняться' > okúňavý 'стеснительный' > okúňavost' 'стеснительность'; podujímat' sa 'приниматься, браться за что-то' > podujímaVý 'предприимчивый' > podujímaVost' 'предприимчивость'. К этому же ряду относятся следующие отадективные существительные на -ost': blkavost', brblavost', dojímaVost', drémaVost' (Sl.B.), driemaVost', chlastavost', chrchlavost', klamaVost', klesavost', lamaVost', laskaVost', mrhavaVost', obžeravaVost', ostýchavaVost', otriasavaVost', pichavaVost', podnikaVost', priliepaVost', spevaVost', t'ahavaVost', váhavaVost', vupínavaVost', zaujímaVost' и др. От других глагольных классов можно назвать лишь одиночные адективные основы с суффиксом -av-, которые мотивируют отвлеченные существительные на -ost'-, например: boliet' > bol'avý 'болезненный' > bol'avost' 'болезненность', ср. также: hryzt' > hryzavý > hryzavost'; oprchnúť > oprchavý > oprchavost'; tiect' > tekavý > tekavost'.

Примером десубстантивных основ прилагательных с суффиксом -av- могут служить следующие образования: hmla 'туман, мгла' > hmlavý 'туманный' > hmlavost' 'туманность'; dierka 'дырка' > dierkavý 'дырявый, дырчатый' > dierkavost' 'дырявость'; kučera 'локон, кудри' > kučeraVý 'кудрявый, курчавый' > kučeraVost' 'курчавость'.

К этому же ряду относятся červenavost', karpavost', obetavost', plechavost', poplavost', špinavost' и некоторые другие.

Немногочисленные основы прилагательных с суффиксом -l'av- (орфографически и -lav-) являются главным образом девербативными, например: chrápat' 'храпеть' > chráplavý 'хриплый, сиплый' > chrápl'avost' 'хриплость, сиплость', pichať 'колоть, тыкать; подкалывать' > pichlavý 'колючий, колкий; язвительный' > pichl'avost' 'колючесть, колкость; язвительность'; ср. также: cucat' > cucl'avý > cucl'avost', choriet' > chorl'avý > chorl'avost', sipiet' > sipl'avý > sipl'avost', škrabat' > škrabl'avý > škrabl'avost'. Десубстантивные основы данного типа непродуктивны: krik > kriklavý 'крикливый' > kriklavost, smrad 'вонь, смрад' > smradlavý 'вонючий, смрадный' > smradlavost' 'зловоние, смрадность'.

Несколько текстовых примеров с производящими основами рассматриваемого типа: ...sme sa ňechčeli spokojuvat'... aŕi s tou chabost'ou a driemaVost'ou kmeňa slovensk jeho (Sl.Pohl. I. 43); Ňech mlčím o chibnost'i a habkavost'i samjeho pochopu (Sl. Pohl. I. 60);

...keršich vel'ká brucha vihнала besných ze skršš a z jaskiň *hltavost'* (Hollý. En. 43); ... a to je tá *ihravost'* a farbitost' obrazou (OT. 149); ...a bez vsetkej *okúňavost'*i rozprávali pred d'jetkami (SNN. 511); *Podujínavost'ou* zase viznačujú sa tunajší hrnčiari (SNN. 335); ...aká vo všetkom *t'ekavost'*, neráznosť' myslí i skutkov (Sl. Pohl. III. 30); Hlavní išpan oznámiu, že je prinútení pre svoju *chorl'avost'* obnovu úradu stoličného... na budúce leto odložiť' (SNN. 114); *Ňemá tú sipl'avost'* polskej reči (OT. 606).

В качестве производящей основы деадъективных существительных на *-ost'* выступали также производные прилагательные с суффиксами *-at-*, *-nat-*, *-ovat-*. Образования этого типа довольно немногочислены (в нашем материале представлено немногим более 50 слов). Основы с указанными суффиксами, как правило, были десубстантивными, например: *barina* '1. лужа, 2. топкое место, болото' > *barinatý* 'болотистый' > *barinatost'* 'болотистость'; *chlřp* 'волос, клочок волос' > *chlřpatý* 'волосатый, косматый' > *chlřpatost'* 'волосатость'; *straka* 'сорока' > *strakatý* 'пестрый, пегий' > *strakatost'* 'пестрота'. В последнем случае адъективная основа с суффиксом *-at-* передает не просто наличие признака по тому предмету, который назван мотивирующим именем существительным (как в первых двух примерах), а выражает значение сходства с тем, что названо мотивирующим существительным («пестрый как сорока»). Непродуктивным является образование производных адъективных основ на *-at-* от глаголов, ср. *stát* 'стоять' > *stojatý* 'стоячий; застывший' > *stojatost'* 'неподвижность'.

В отдельных случаях можно предположить, что мотивирующим является имя прилагательное, при этом суффикс *-at-* не привносит нового словообразовательного значения, а лишь подчеркивает, редуцирует формальный признак адъективности, ср. *bujný* '1. пышный, обильный; 2. буйный' > *bujnatý* > *bujnatost'* '1. пышность; 2. буйность'; *drsný* 'шершавый, шерховатый' > *drsnatý* > *drsnatost'* 'шершавость, шерховатость'; *nahý* 'голый, нагой' > *nahatý* > *nahatost'* 'нагота'.

Аналогичный словообразовательный механизм представлен и в десубстантивных основах прилагательного с суффиксом *-nat-*, ср.: *haluz* 'сук, ветка' > *haluznatý* 'суковатый, ветвистый' > *haluznatost'*

'суковатость, ветвистость'; krv 'кровь' > krvnatý 'кровянистый, наполненный кровью' > krvnatost' 'кровянистость, полнокровие'; smola 'смола' > smolnatý 'смолистый' > smolnatost' 'смолистость'; šťava 'сок' > šťavnatý 'сочный' > šťavnatost' 'сочность'.

Следует отметить, что при помощи суффикса *-nat-* образуются также относительные прилагательные, основа которых в свою очередь мотивирует существительное на *-ost'*. Последнее в таком случае выражает не отвлеченный признак, а значение множества, обилия того, что названо исходной мотивирующей основой, ср.: hviezda 'звезда' > hviezdnatý 'звездный, усеянный звездами' > hviezdnatost' 'множество, обилие звезд'; piesok 'песок' > piesočnatý 'песчаный; засыпанный, покрытый песком' > piesočnatost' 'наполненность, насыщенность песком'; lišaj 'лишай' > lišajnatý 'лишайный, покрытый лишаями' > lišajnatost' 'обильная лишайная сыпь'.

В отличие от суффиксов *-at-* и *-nat-* суффикс *-ovat-* является менее активным, он оформляет лишь одиночные образования, например: gul'a 'шар' > gul'ovaty' 'шарообразный, шаровидный' > gul'ovatost' 'шарообразность, шаровидность'; jed 'яд' > jedovaty' 'ядовитый' > jedovatost' 'ядовитость'; mozol' 'мозоль' > mozol'ovaty' 'мозолистый' > mozol'ovatost' 'мозолистость'; vina 'вина' > vinovaty' 'виновный, виноватый' > vinovatost' 'виновность, виноватость'.

Текстовые примеры отвлеченных существительных рассмотренного типа: Podstata lyrickjeho spevca práve v tom záleží, že nám ňepredstavuje *vecnatost'* a *hmotnost'* samu... (ОТ. 148); Ale ja sa pítam: či *liškovost'*, *hlavatosť'* atd'. sú chibi práve len tomu pospolitjemu ludu... vlastnje? (ОТ. 614); Hlavňje dva rozďjeli ukazujú sa na ňej: *hornatosť'* alebo *vrchovitosť'* a *rovina* (ОТ. 36); Ale je to veľká tích panou *vinovatost'* (SNN. 350); Nje je tuto ako pri predošlom t'elesnom život'e *stojatosť'*, ale ustavičná premena a pokrok (ОТ. 330).

Следующая группа отвлеченных существительных на *-ost'* мотивируется десубстантивными и deverбативными основами прилагательного с суффиксами *-it-*, *-ovit-*. В нашем материале более 50 подобных образований. В количественном отношении среди основ с суффиксом *-it-* преобладают deverбативные, а суффикс *-ovit-* оформляет практически лишь десубстантивные основы.

Механизм образования deverбативных основ прилагательных раскрывают такие примеры: spojít' 'соединить; сомкнуть: объеди-

нить' > spojítý > spojitosť 'соединенность, связанность'; určiť 'определить' > určitý 'определенный' > určitost' 'определенность'; zamožiť sa 'разбогатеть' > zamožitý 'богатый, зажиточный' > zamožitost' 'зажиточность, богатство'. В этом же ряду можно отметить следующие образования: ohromitosť, roztržitosť, srditosť, závažitosť, zmekčitosť и др.

Десубстантивные основы прилагательных с суффиксом *-it-*: odvaha 'смелость, отвага' > odvažítý 'смелый, отважный' > odvažitosť 'смелость, отважность'; svedomie 'совесть' > svedomitý 'совестливый, добросовестный' > svedomitost' 'совестливость, добросовестность; совесть'. Можно отметить также и другие отвлеченные существительные, мотивирующей основой которых являются десубстантивное прилагательное с суффиксом *-it-*, ср.: barvitosť, farbitost', hlasitosť, plamenitosť, zákonitosť'.

Некоторые десубстантивные основы прилагательных с суффиксом *-ovit-* достаточно отчетливо передают значение подобия тому, что названо мотивирующим именем существительным, например: gul'a 'шар' > gul'ovitý 'шарообразный, шаровидный' > gul'ovitost' 'шаровидность, округленность'; hak 'крюк, крючок' > hakovitý 'крючковатый' > hakovitost' 'крючковатость'. Другие основы с *-ovit-* выражают наличие признака того предмета, который назван мотивирующим именем существительным, например: peha 'веснушка' > pehovitý 'покрытый веснушками, веснушчатый' > pehovitost' 'веснушчатость'; kora 'кора, корка' > korovitý 'покрытый корой, затвердевший' > korovitost' 'свойство затвердевшего, покрытого корой'; vrch 'холм, гора' > vrchovitý 'холмистый, гористый' > vrchovitost' 'холмистость, гористость'.

Текстовые примеры: ...v ktorjeho hospodávrstve ňjeto tejto vzájemnej spojitosťi (SNN. 448); Viznačenost' a určitost' zeme, t.j. určitost' hraľíc krajiňe je ňevihnutňe potrebná (SNN. 467); ...za svoju zanovitost' ňeušieu náležitej odplat'e (OT. 331).

Инше je už dat' barvitosť' a ten výraz v tvári (SNN. 589); Naša zodpovednosť nás nabáda k ostrážitosťi proti zlým obyčajam (Fándly. Roz. 70); V popisovaňi sa zachováva tá najväťšia pozornosť' a svedomitost' (OT. 558).

Kmenovitost' naša sa zakladá... na našom vlastnom, osobitnom nárečí (OT. 42); ... tá hrubá t'elesná *kuorovitost'* života nášho mocne ich ešte k sebe prit'ahuje (SNN. 226).

Производные основы прилагательных, мотивирующие отвлеченные существительные на *-ost'*, могли иметь в исходе непродуктивные суффиксы *-ast-*, *-ist-*, *-istv-*, а также *-ut-*. С этими суффиксами нами зафиксированы лишь единичные образования: *černastost'* (Sl.B.), *plameňistost'* (Sl.B.), *plodistwost'* (Sl.B.), *mrzutost'* (Sl.B.), *t'ekutost'* (Sl.Pohl.).

Значительный интерес представляют десубстантивные основы прилагательных с суффиксом *-sk-* (*-ck-*), так как от них в словацком литературном языке именно в начальный период его становления активно образовывались отвлеченные существительные на *-ost'*. Речь идет об образованиях типа: *brat* > *bratský* > *bratskost'* 'братский характер, братское отношение'; *hrdina* 'герой' > *hrdinský* 'геройский, героический' > *hrdinskost'* 'геройство'; *chlap* 'мужчина' > *chlapský* 'мужской, мужественный' > *chlapskost'* 'мужской характер; мужественность'; *gab* > *gabský* > *gabskost'* 'рабский характер, рабская покорность' и т. п.

При образовании адекативной основы на *-sk-* финаль мотивирующей основы имени существительного могла претерпевать соответствующие изменения (например, перед суффиксом *-sk-* происходило чередование согласных *h/ž*: *boh* > *božský* 'божеский, божественный' > *božkost'* 'божественность'; в случае сложного сочетания согласных появлялось вставное *e*: *nábožný* 'религиозный' > *náboženský* > *náboženskost'* 'религиозность'; если мотивирующая основа оканчивалась на *-k-* или *-c-*, то при их взаимодействии с суффиксом *-sk-* последний приобретал форму *-ck-*, ср.: *človek* > *človecký* 'человечий, человеческий' > *človeckost'* 'человечность'; *junák* 'юноша; молодец, удалец' > *junácký* 'молодецкий' > *junáckost'* 'удаль, молодечество'; *otrok* 'раб, невольник' > *otrocký* 'рабский, невольнический' > *otrockost'* 'рабский характер, рабство'; *sebec* 'себялюбец, эгоист' > *sebecký* 'эгоистичный, эгоистический, себялюбивый' > *sebeckost'* 'эгоизм, себялюбие'; *vedec* 'ученый' > *vedecký* 'научный' > *vedeckost'* 'научность'.

Образования существительных на *-ost'* от основ подобного типа примечательны тем, что обычно суффикс *-sk-* оформляет десубстан-

тивные основы относительных прилагательных, ср.: *ludský, susedský, občianský, dedinský, vdovský* и др. Однако в тех случаях, когда в прилагательном на *-ský* имеется или возникает семантический оттенок качественности, оно может выступать как мотивирующее слово существительного на *-ost'*, например: *ludský* '1. относящийся к человеку, человеческий; 2. человечный, гуманный' > *ludskost'* 'человечность', ср.: *Ľudskost' ňech je našim heslom!* (SNN. 176). Аналогично: *muž* 'мужчина' > *mužský* '1. относящийся к мужчине, мужской'; 2. мужественный' > *mužskost'* '1. характер, свойство мужчины; мужественность'; *žena* 'женщина' > *ženský* '1. женский, 2. женственный' > *ženskost'* 'характер, свойство женщины, женственность', ср.: *Ale t'ešne sa nad silou a plnosťou, nad mužskost'ou a čerťnosťou reči našej.* (OT. 43); *Vizerala... z jeho tváre mekkost', vjasej ženskost' ako mužskost'* (OT. 268).

Продуктивность суффикса *-ost'* в шутовский период проявлялась, в частности, в том, что он втягивал в сферу абстрактных существительных довольно широкий круг образований от относительных прилагательных на *-sk(ý)*. Так, кроме рассмотренных выше можно назвать ряд образований, в которых производящая (мотивирующая) основа восходит к имени-этнонуиму, например: *Ľemec* > *ľemecký* > *ľemeckost'* 'характер, типичная черта, особенность, свойство немецкого'; *Slovan* > *slovanský* > *slovanskost'* 'характер, типичная черта, особенность, свойство славянского'; *Sloven* > *slovenský* > *slovenskost'* 'характер, типичная черта, особенность, свойство словацкого' и т. п., ср.: *On biu na ľemeckost', národovost', púvodnosť spúsobu písania* (Sl.Pohl. III. 32); *Tjeto perli genia ohlasujeme s úplnim uznáňim ích znameňitost'i, vel'kost'i a slovenskost'i* (Sl.Pohl. I. 47).

По такому же принципу образовано отвлеченное существительное *európskost'* 'характер, особенность, свойство европейского'.

Рассмотренная особенность образования отвлеченных существительных на *-ost'* характерна не только для словацкого, но и для других западнославянских языков. Как известно, в русском языке подобные образования непродуктивны (можно назвать, например, существительные *детскость, светскость, женскость*).

В словацком литературном языке образования типа *bratskost', mužskost', rabskost', ľudskost', junáckost', slovanskost'* получили

распространение в штуровский период. Для бернолаковского литературного языка они были нехарактерны. Ни в Sl.B., ни в литературных текстах бернолаковского периода подобные образования нам не встретились.

В литературном словацком языке штуровского периода значительное распространение получили отвлеченные существительные на *-ost'*, мотивированные заимствованной адъективной основой (главным образом греко-латинского происхождения). Речь идет об образованиях типа *ideálnost'*, *logičnosť'*, *pikantnosť'* и т. п. Эта черта характеризует развитие абстрактной лексики именно в штуровский период, так как для бернолаковского литературного языка подобные производные были нетипичны, они фактически вообще не употреблялись (если судить по Sl.B. и расписанным нами текстам).

Имена существительные со значением отвлеченного признака данного типа мотивировались производными основами различной формальной структуры, однако наиболее распространенными были адъективные основы, имеющие в исходе суффикс *-n-*. При его помощи от иностранного корня возникла «славянизированная» производная основа. При этом можно выделить некоторые разновидности таких основ:

а) суффикс *-n-* присоединяется непосредственно к корню без каких-либо фонемных изменений в его составе, ср.: *abstraktnost'*, *elegantnosť'*, *komplexnosť'*, *konkrétnosť'*, *naivnosť'*, *negatívnosť'*, *objektívnosť'*, *pikantnosť'*, *positívnosť'*, *primitívnosť'*, *reálnosť'*, *subjektívnosť'*, *spekulatívnosť'* и др. Например: ...*až sa strat'í zas oko tvoje na plodoch elegantnosť'i, vkusu, rozkoše* (Sl.Pohl. II. 129); *Krman nemá tej panskej komplexnosťi slohu ako Bel* (Hurban. Sl. 100); *O tom teda nič mi netreba hovorit', lež takej naivnosť'i zo zlomiselnosť'i st'e sa dopust'ili* (Sl.Pohl. I. 68); *On to za pikantnosť' pokladá* (OT. 398). ...*bo pozitívnosť' je materia, množstvo...* (OT. 483); ...*že vid'íte pravdu v obraze a podobenstve, ...ňje v skutočnosť'i a reálnosť'i* (OT. 524); *Ľemci vihlasujú empirickú vedu Francúzov a Angličanov za materialism, a t'íto Ľemeckú spekulatívnosť' za snárstvo* (OT. 619).

б) Между корнем и суффиксом прилагательного *-n-* имеется «прокладка» в виде различных формальных элементов, в сочетании с которыми возникает осложненный суффикс. Наиболее часто это бывает суффикс *-áln-*, ср.: *experimentálnosť'*, *formálnosť'*, *geniálnosť'*,

kolossálnosť, constitučialnosť, individuálnosť, neutrálnosť, substančialnosť, žoviálnosť' i др. Например: Najme sa ale starať bud'eme, abi mládež naša z toho púheho, mrtvého realismu a jednolačnej *experimentálnosťi* sa vislobod'ila (Sl.Pohl. I, 13); ...jeho pomer ku snemu samou črou *formálnosťou* s stau (SNN. 493); Vid'eňj je znak *geniálnosťi* (OT. 468); Obraz je kolossálni; a ja mislím, že len v *kolossálnosťi* možno vilčít' Krista (SNN. 589); Ňekoňečná je *indivíduálnosť* ducha (OT. 561).

Значительно малочисленнее образования с другими прокладками, в частности, *-ár-*, *-ant-*, ср. literárnosť, parlamentárnosť, populárnosť, interesantnosť. Например: Oproti tomu ale stojí... sama pravd'ivá ňje zdánlivá *parlamentárnosť* (SNN 372); Eš'e boli rečníci, ktorí... aj tu dajakú *populárnosť* si nadobívat' chcejú tím že vždi obviňujú vládu (SNN. 422).

в) Довольно продуктивны были в шутовский период отвлеченные существительные, мотивированные заимствованной основой прилагательного с исходом *-ičn-*: *diplomatičnosť*, *empiričnosť*, *fanatičnosť*, *filosofičnosť*, *charakterističnosť*, *klasičnosť* (klassičnosť), *cosmopolitičnosť*, *logičnosť*, *misanropičnosť*, *prosaičnosť*, *romantičnosť*, *sistematičnosť*, *typičnosť* и т. п. Например: Či ale práve táto *empiričnosť* ňeujíma cenu poesii pravej, to ňeid'eme tuná zodpovedať (Sl.Pohl. I, 54); A nám sa veru ích *charakterističnosť* velmi páčila (Sl.Pohl. I, 52); Čokolvek mau národ veľk jeho, to složu v reči svojej. A z tad'jal taká hlboká v ňej múdrosť, *logičnosť*, *filosofičnosť* (OT. 562); Odkjal potom pochádza tá jednotvárna a omrzlá *prosaičnosť*, keď len každý do svojich putjen nakúka (SNN. 335); Tam v tých zrutných t'emňicach *romantičnosť* (OT. 103); Ňed'elnje školi sú doplňki škol národných, v ktorých síce istá pravid'elná *sistematičnosť* panovať nemuože (Sl.Pohl. II, 131); Tam ten vo vid'eňj pravd'i bud'e mať svoju *typičnosť* virazenú (Sl.Pohl. I, 9).

Следует подчеркнуть, что мотивирующей основой рассматриваемого типа отвлеченных существительных на *-ost'* вполне однозначно можно считать основы прилагательных на *-ičn(ý)*, которые как раз в шутовский период получили известное распространение. В последующий период истории литературного словацкого языка образование прилагательных от заимствованного корня при помощи

форманта *-ičný* стало менее продуктивным. С прилагательными на *-ičný* все в большей степени конкурировали параллельные синонимические образования на *-ický* (ср.: *empirický, fanatický, romantický, systematický* и т. п.). В современном литературном словацком языке прилагательные с формантом *-ický* оттеснили образования на *-ičný* на периферию лексической и словообразовательной системы. В настоящее время слова типа *baladičnosť, kritičnosť, tematičnosť* являются редкоупотребляемыми и стилистически маркированными⁷. Малопродуктивным было образование отвлеченных существительных на *-ost'* от заимствованных основ без суффикса *-n-*.

В шутовском литературном языке прилагательные на *-ický* (от заимствованных корней) встречались очень редко. Нами зафиксированы лишь единичные примеры, ср.: *charakteristický, pedantický, schematický, typický*. Основы прилагательных данного типа мотивировали соответствующие отвлеченные существительные на *-ost'*: *charakteristickosť, pedantickosť, schematickosť, typickosť*.

В отдельных случаях уже в шутовский период наблюдается параллелизм в образовании отвлеченных существительных на *-ost'* от заимствованных основ, например, *charakterističnosť* и *charakteristickosť, typičnosť* и *typickosť*.

О постепенном освоении словацким языком заимствованных основ в сфере отвлеченной лексики свидетельствуют также образования существительных на *-ost'* от приставочных основ гибридного характера, ср.: *bezcharakternosť, bezlogičnosť, nepraktičnosť, netypičnosť* и т. п., например: *...odrod'ilosťi bezcharakternosť i špatu* (ОТ. 574); *...a bezlogičnosť mi na oči hádže* (SNN. 511); *Z tejto netypičnosťi nás iba svjež duch slovenský vislobodí* (SNN. 377).

Необходимо отметить, что образования на *-ost'* от заимствованных основ могли выступить также с конкретным значением, выражая определенные понятия или предметы, например, прилагательное *električný* 'электрический' мотивировало имя существительное *električnosť*, которое выступало в значении 'электричество', ср.: *Tohoto vďaka bi sa dotkali literi, ktorje bi pripust'eňm hned' pozitivnej, hned' negatívnej električnosťi, vedla potrebi... do tlačě skácali* (ОТ. 502).

Отвлеченные имена существительные с суффиксом *-ot(a)*

По сравнению с типом отвлеченных существительных на *-ost'* словообразовательный тип «основа качественного прилагательного + суффикс *-ot(a)*» менее продуктивен (в нашем материале его представляют немногим более 100 лексем). Все же следует отметить, что на начальном этапе развития литературного словацкого языка суффикс *-ot(a)* в сочетании с основами прилагательных проявлял заметную словообразовательную активность (особенно в бернолаковский период, хотя и в текстах на штуровском литературном языке нам удалось зафиксировать ряд новообразований данного типа).

В качестве мотивирующей основы производных имен существительных на *-ot(a)* могли выступать адекативные основы различной морфологической структуры, однако их круг был более ограниченным, чем у существительных на *-ost'*.

Отвлеченные существительные на -ot(a) от простых адекативных основ. Речь идет о производных, образованных по схеме: *čerstvý* 'свежий, бодрый' > *čerstvota* 'свежесть, бодрость, живость', *dávny* 'давний, старый; древний' > *dávnota* 'давность, древность', *divý* 'дикий' > *divota* 'дикость', *drahý* 'дорогой' > *drahota* 'дороговизна', *hlúpy* 'глупый' > *hlúpy* 'глупость', *lichý* 'обманчивый, неверный, неискренний' > *lichota* 'обманчивость, неверность, неискренность' и т. п.

Аналогичным способом образованы также следующие отвлеченные существительные: *bystrotá* 'острый, живой ум, сообразительность, находчивость', *clivota* 'тоскливость, меланхолия', *čistota*, *dobrotá*, *hluchota*, *hustota*, *jasnota* 'ясность, светлость', *mokrotá* 'влажность, сырость', *nahota* 'нагота, обнаженность', *nemota*, *ostrotá*, *pevnota* 'прочность, твердость', *pustota*, *rovnotá* 'одинаковость, равенство', *slepota*, *suchota* 'сухость, сушь', *štedrotá* 'щедрость', *teplota*, *volnota* 'вольность, свобода' и некоторые другие. К этому ряду примыкают также основы с элементом *-k-* в исходе, ср.: *hladký* 'гладкий' > *hladkota* 'гладкость', *mrzký* 'некрасивый, уродливый; мерзкий' > *mrzkota* 'мерзость; уродливость', *nízky* 'низкий, низменный' > *nízkota* 'низость', *prudký* 'стремительный; резкий; пылкий, горячий' > *prudkota* 'стремительность, резкость, вспыльчивость, горячность' и др.

Отвлеченные существительные на -ot(a) от производных основ. Ограниченное число выявленных нами лексем с суффиксом

-ot(a) не дает возможности детально проанализировать и описать различные производные основы прилагательных, которые выступали в качестве мотивирующих в данном типе отвлеченных существительных.

Среди производных адъективных основ можно отметить прежде всего деноминативные и девербативные основы с суффиксом *-n-*, например: *besný* 'бешеный; неистовый, яростный' > *besnota* 'бешенство; неистовость, ярость', *bujný* 'пышный, обильный; буйный, необузданный' > *bujnota* 'пышность; буйность, необузданность', *dušný* 'душный' > *dušnota* (в Sl.B. и *dušnota*) 'духота', а также *mastnota* 'жирность', *pišnota* (Sl.B.) 'надменность, спесь' (здесь основа исходного прилагательного *pišný* мотивирована существительным *piča* 'надменность, спесь') и др.; адъективированные основы на *-l-*, например: *hnilota* 'гнилость, гниль', *skvelota* 'великолепие, блеск', а также некоторые другие формальные разновидности адъективных основ, представленные единичными образованиями или крайне малочисленными группами слов. Из них отметим лишь основы с отрицательной приставкой *ne-*, например: *nečistota* 'нечистота, грязь, мерзость', *neistota* 'неуверенность, неискренность', *neštedrota* (Sl.B.) 'скупость, жадность'.

В отличие от отвлеченных существительных на *-ost'* у отадъективных существительных на *-ot(a)* круг производных основ был заметно уже, в частности, как показывает наш материал, эти существительные практически не мотивировались сложными основами прилагательных, заимствованными основами (особенно греко-латинского происхождения). Были также и некоторые иные ограничения. Так, нам не встретилось ни одного случая образования существительных на *-ot(a)* от производных адъективных основ с суффиксами *-iv-*, *-liv-*, *-lav-*, *-at-*, *-ovat-*.

В образовании и употреблении отвлеченных существительных на *-ot(a)* наблюдается как сходство, так и определенные различия в бернолаковский и шутовский период.

Естественно, является одинаковым сам общий принцип и способ образования отвлеченных существительных на *-ot(a)*. Кроме того, данный разряд лексем в бернолаковском и шутовском языке включает значительное число общих (совпадающих по форме и значению образований), например: *bystrota*, *clivota*, *černota* (*čiernota*), *čistota*, *divota*, *dobrota*, *hlúpota*, *istota*, *lacnota*, *mokrota*, *nahota*,

nemota, ostrota, pevnota, suchota, temnota и др. По нашим наблюдениям, в бернолаковском литературном языке суффикс *-ot(a)* обладал большей словообразовательной активностью, чем в штуровском. Так, в Sl.B. и в текстах бернолаковского периода представлены следующие образования, которые не встретились нам в материалах, отражающих штуровский период истории словацкого литературного языка: *bujnota* 'буйность, необузданность', *davnota*, *dusnota*, *hladkota*, *chramota* 'хромота', *l'ahkota* 'легкость', *lichota*, *makota* 'мягкость', *mlsota* 'пристрастность к лакомству, гурманство', *mrzkota*, *pahlota* 'внезапность, стремительность, быстрота', *nízkota*, *písnota*, *prednota* 'преимущество, превосходство; первенство', *prudkota*, *rovnota*, *skvelota*, *sladkota*, *snadnota* 'легкость', *starota* 'старость', *tichota* 'тишина', *tmavota* 'темнота', *truchlota* 'печаль, грусть', *tuhota* 'твердость, крепость', *vlhkota* 'влажность', *volnota*, *vst'eklota* 'ярость, неистовство'.

Примечательно, что далеко не все встретившиеся нам в литературных текстах бернолаковского периода отвлеченные существительные на *-ot(a)* зафиксированы в Sl.B. Так, в нем не отмечены следующие слова: *besnota*, *bujnota*, *bistrota*, *čerstvota*, *divota*, *hladkota*, *hustota*, *l'ahkota*, *mokrota*, *možnota*, *ostrota*, *prázdnota*, *prednota*, *prísnota*, *prudkota*, *pustota*, *rovnota*, *sladkota* и некоторые другие. Таким образом, реально употреблявшихся в текстах образований на *-ot(a)* было заметно больше, чем кодифицированных словарем Бернолака. В известной мере такое расхождение может быть объяснено тем, что литературная практика (особенно поэтические произведения Я. Голлого) получила наибольшее развитие уже после того, как был составлен словарь Бернолака. Естественно, что автор не мог включить в него многие неологизмы рассматриваемого типа.

Широкую употребительность в бернолаковском литературном языке названий отвлеченного качества, образованных при помощи суффикса *-ot(a)*, видимо, можно рассматривать как одно из проявлений поиска разнообразных языковых средств удовлетворения новых номинативных потребностей, развития и обогащения словарного состава молодого литературного языка. Можно также предположить, что активное использование слов данного словообразовательного разряда, его пополнение индивидуальными новообразованиями отражало становление специфического художественного стиля литературного языка. В этой связи примечателен тот факт, что

большинство лексем на *-ot(a)*, незафиксированных в Sl. B., почерпнуто нами из поэтических произведений Я. Голлого. Приведем лишь несколько примеров: *Však ňe puhá vzt'eklost', ňe puhá l'en besnota zúri* (Hollý. Sláv. II); *...tvěj bistrotá misl'i* (Hollý. C.-M. 7); *Hned' silu dostává, dostává čerstvotu údov* (Hollý. Na sl. nár. 128); *... bud' krási a hladkoti chiba* (Hollý. C.-M. 7); *...z trísk a zemskéj nízkoty šmúrny oznamuješ čas* (Hollý. Na sl. nár. 2107).

Вполне возможно, что некоторые из подобных образований являются результатом индивидуального словотворчества Я. Голлого.

Ряд неологизмов в кругу отвлеченных существительных с суффиксом *-ot(a)* выявлен нами и в произведениях шутовского периода, т. е. в литературных текстах середины XIX века. Хотя в это время словообразовательная активность суффикса *-ot(a)* не была столь значительна, как в бернолаковский период, все же у ряда писателей и поэтов этот способ создания новых слов получил признание. Таким образом, и в отношении шутовского периода можно говорить об определенной степени продуктивности данного словообразовательного типа. Приведем ряд подобных слов, представленных в литературных источниках шутовского периода, которые были нами эксцерпированы: *cudzota* 'признак, качество иностранного, иностранщина', *hnilota* 'гнизность', *jasnota* 'ясность', *milota* 'качество милого', *mrtvota* 'мертвенность, мертвая тишина', *pičota* 'пустота, незначительность', *plnota* 'полнота', *prostota*, *sprostota* 'глупость', *sviežota* 'свежесть', *tesknota* 'тоскливость'. Ср. соответствующие примеры: *Zabudňime na chlebárstvo, na bažeňja po cudzot'e, na slepotu života* (SNN. 193); *...cít'iš ten zakljati pokoj d'et'í Tvojich, on je hmlota vlastnjeho ducha Tvojho...* (SNN. 185); *Čo je hmusota, je hmusota i potom, keď bi ste z nej cjel dobročinní urobiť chceli* (Sl. Pohl. II, 206); *...a Tatri sa zligocú v mori blesku a d'ivokrásnej jasnoti* (OT. 403); *Po burnom živote strán nastala mrtvota hrobová celku* (Hurban. Sl. 61); *Mislím si, márnemu sa o márnost'i, o ňčot'e sňíva* (Hodža. D. sl. 23); *...v takej milot'e a svježot'e* (SNN. 413).

Суффикс *-ot(a)*, присоединяясь к основе качественного прилагательного, имел, как правило, значение отвлеченного признака, качества, свойства. Это значение выступало как типично транспозиционное. Например: *čistý* 'чистый' — *čistota* 'чистота', *istý* 'истин-

ный, безошибочный, безопасный, надежный' – *istota* 'истинность, безошибочность, уверенность, надежность', *lahký* 'легкий, подвижный' – *lahkota* 'легкость, подвижность', *ňemý* 'немой' – *ňemota* 'немота, молчание', *pekny* 'красивый' – *peknota* 'красота', *prísny* 'строгий' – *prísnota* 'строгость', *svieži* 'свежий' – *sviežota* 'свежесть', *štedrý* 'щедрый' – *štedrota* 'щедрость' и др. Словообразовательное значение отвлеченного признака отчетливо выражается также в следующих существительных с суффиксом *-ot(a)*: *clivota*, *černota*, *čerstvota*, *dobrota*, *hladkota*, *lacnota*, *mrzkota*, *neistota*, *nízkota*, *starota*, *temnota*, *tmavota*, *volnota* и т. п.

Отвлеченную семантику рассматриваемых производных на *-ot(a)* убедительно иллюстрируют следующие текстовые примеры: *Nádherná čistota* rucha skví sa na nich (Hollý. Sv. 35); ...predca dnuká v nich panuje čistota a poriadok (OT. 85); Ejhle, o mej dávný a nový čas *dobrote* svedčí (Hollý. Na sl. nár. 159); No žobraví mnísi bez ohľadu na *drahotu* či lacné živobytie... vynášali z krajiny (Fándly. Roz. 49); A st'ážejím hibkej pododáva *lahkot'i* udom (Hollý. Sláv. 100); Tej smurnej vodi d'ivá *ňemota* (OT. 377); *Peknot'i* sa človek ňenagí (Sl.B.); Reč spevca *peknotou* nadšeného je milá a sladkot'ekúca (OT. 452); ...tol'kú nešlechetských *pišnotu* smelcov Otče, ponšž... (Hollý. Sv. 171); ...dani bol v *prísnote* rozkaz: ... (Hollý.Sláv. 18); ...pre *sladkotu* hroznov (Hollý. Na sl. nár. 67); ...v takej *milot'e* a *svježot'e* (SNN. 413); ...a potom ňebolo medzi nami sbjerki peňažitej, kd'e bi sa ňebou *štedrotou* viznaču (SNN. 548).

У некоторых производных существительных на *-ot(a)* наряду с абстрактным значением в лексической структуре слова могло быть представлено и конкретное значение, например: *mokrota* '1. влажность, сырость; 2. влага', *povota* 'качество, признак нового, новизны; 2. новая вещь, новинка', *pevnota* '1. прочность, твердость; 2. стойкость; 3. стабильность и 4. крепость, укрепленный замок, твердыня' (последнее значение конкретно-предметное), *suchota* '1. сухота, сухость; 2. засуха, сушь', *vlhota* '1. влажность, сырость; 2. влага, вода' и др. Ср. например, употребление лексемы *suchota* в абстрактном значении: *Potom pre veľ'kú horučasť a suchotu* d'alej rást' ňemohli (SNN. 537); ...náhli skok zo *suchoti* do mokra (OT. 543); ...pre svojho... ducha, ktorého nijako *suchota* kalvinizmu k sebe pritjahnúť

ñemožе (Sl.Pohl. I. 67); в конкретном значении: Prfležitost' k vist'ehovañu s tak bohatej krajñi zavdala náramná povodeñ morská najvác ale hrozná suchota (Hollý. Sv. 85); Pri tejto prfležitosti ñemožem zamlčat' aj tú dlhotrvanlivú suchotu, ktorá sa ces celú minulú jar t'jahala (OT. 358).

Отдельные отадективные производные с суффиксом *-ot(a)* имеют значение не отвлеченного признака, а конкретного предмета, состояния или количества, оказываясь, таким образом, за рамками данного словообразовательного типа, например: *hodný* 'ценный; достойный' – *hodnota* 'цена, стоимость', *hojný* 'обильный, многочисленный' – *hojnota* 'множество, обилие', *lacný* 'голодный; жадный, жаждущий' – *lacnota* 'голод' – ср.: ...za trinást' rokov *hodnota* pozmeku vzrástla na štrnást'sto zltých vd'aka jeho uprave (Fándly. Roz. 114); Ty krásnej... máš *hojnotu* lichvy (Hollý. Na sl. nár. 201); Včil jak len skrovnú poodejmet'e *lacnotu* chovu, zložit'e sa na spañí (Hollý. Sláv. 59).

Отвлеченные имена существительные с суффиксом *-stvo(o)*

В начальный период формирования литературного словацкого языка в кругу отвлеченных существительных со значением свойства, качества, признака важное место занимали образования с суффиксом *-stvo(o)* типа *hrdinstvo* 'геройство', *lakomstvo* 'жадность, алчность', *šelmovstvo* 'плутовство' и др. В количественном отношении подобные производные (в нашем материале около 200 лексем) все же значительно уступали отвлеченным существительным на *-ost'*. В современном словацком литературном языке суффикс *-stvo(o)* имеет вариантную форму *-ctv(o)*⁹. Аналогичная ситуация наблюдалась и в шутовский период. При этом суффикс *-stvo(o)/-ctv(o)* служил не только для выражения значения отвлеченного свойства, но и ряда других (отвлеченных и конкретных) значений. Несколько иным было положение в бернолаковском литературном языке: в Sl.B. различались суффиксы *-stvo* со значением собирательности (*braterstvo* 'братья', *kacírstvo* 'еретики') и *-stvi*, который мог передавать как абстрактные (*bratstvi* 'братство', *rabstvi* 'рабство'), так и конкретные (*kacírstvi* 'ересь') значения. Правда, в «Этимологии словацких слов» Бернолак трактовал суффикс *-stvi* как богемизм и указывал, что в

словацком языке суффикс *-stvo* может выражать как абстрактное значение свойства, так и собирательное значение¹⁰. Кроме того, в бернолаковской литературной норме наряду с вариантом *-ctví* функционировал вариант *-čtví*, ср.: *nenávisťníctví* 'ненависть, ненавистничество', *otročtví* 'рабство' и *buchačtví* 'болтливость', *pečlovečtví* 'бесчеловечность', *powalačtví* 'бездельничество'.

В отличие от *-ost'* суффикс *-stvo* (*-ctvo*) характеризуется широкой полифункциональностью. При помощи суффиксов *-stvo*, *-ctvo* (штуровский период) и *-stvo/-ství*, *-ctví*, *-čtví* (бернолаковский период) образовывались имена существительные различных словообразовательных типов и лексико-семантических разрядов.

Как и в других славянских языках, одним из основных значений имен существительных на *-stvo* (*-ctvo*) было значение отвлеченного свойства, качества, признака. (На анализе семантики и словообразовательного механизма этих отвлеченных существительных мы остановимся ниже)

Наряду с этим весьма продуктивным в рассматриваемый период истории словацкого литературного языка был способ образования при помощи суффикса *-stvo* (*-ctvo*) имен существительных со значением названий профессии, ремесла или рода занятий. Производные этого типа мотивировались именем существительным со значением лица, например: *bednár* 'бондарь' > *bednárstvo* 'бондарное ремесло', *bradár* 'брадобрей, парикмахер' > *bradárství* (Sl.B.) 'ремесло брадобрея, парикмахера', *brawčár* (Sl.B.) 'торговец свиной, свиновод' > *brawčárství* 'свиноводство; торговля свиной', *čiznár* 'сапожник' > *čiznárstvo* (*čiznárství* – Sl.B.) 'ремесло сапожника', *drotár* 'жестянщик, дротарь' > *drotárstvo* 'ремесло дротаря', *hodinár* 'часовщик' > *hodinárstvo* 'профессия часовщика', *korektor* 'корректор' > *korektorstvo* 'профессия корректора', *novinár* 'журналист' > *novinárstvo* 'профессия журналиста', *baník* 'шофер, горняк' > *baníctvo* 'горное дело', *kupec* 'торговец' > *kupectvo* 'занятие торговлей', *spisovatel* 'писатель' > *spisovatel'stvo* 'профессия, занятие писателя', *súkenník* 'суконщик' > *súkenníctvo* 'ремесло суконщика', *úžerník* 'ростовщик' > *úžerníctvo* 'ростовщичество' и многие другие.

Довольно многочисленную группу производных на *-stvo* (*-ctvo*) составляли также названия сана, звания, титула, должности,

которые образовывались от имен существительных со значением лица, например: *admirál* > *admiráľstvo* 'звание адмирала', *barón* < *barónstvo* 'баронский титул', *cenzor* > *cenzorstvo* 'должность цензора', *diktátor* > *diktátorstvo* 'пост диктатора', ср. *Meciszewski vraj ňemau účasť vo zbúrení, za diktatora ho ňiviolili, a tak aŇi z diktátorstva zhod'ení bit' ňemohou* (SNN. 280); '...не был избран диктатором и, значит, не мог быть смещен с поста диктатора'; *dôstojník* 'офицер' > *dôstojníctvo* 'офицерский чин', *generál* > *generáľstvo* 'генеральский чин', *kapitán* > *kapitánstvo* 'чин капитана', *kardinál* > *kardináľstvo* 'сан кардинала', *ričhtár* 'сельский староста' > *ričhtárstvo* 'должность сельского старосты', *profesor* 'учитель' > *profesor* 'учитель' > *profesor* 'место, должность учителя', ср.: *Guizot... pľsau že má úfnosť professorstvo d'ejepisu v Englickej obdržat* (SNN. 1084) '...что он надеется получить место учителя истории...'; *redaktor* > *redaktorstvo* 'должность, функция редактора', *sľobodník* 'ефрейтор' > *sľobodníctvo* 'чин, звание ефрейтора' и т. п.

Производные существительные с суффиксом *-stvo (-ctvo)*, как и аналогичные образования в русском языке, выступали также с широким «общим значением отвлеченного понятия»¹¹, которое в зависимости от семантики мотивирующего имени существительного конкретизировалось в названиях общественно-политических, идеологических течений, социальных и национальных движений, философских, религиозных учений, направлений и школ и т. п., например: *arianstvo* 'арианство', *hegelianstvo* 'гегельянство', *kalvľnstvo* 'кальвинизм', *katolíctvo* 'католицизм', *krest'anstvo* 'христианство', *modľárstvo* 'идолопоклонничество', *mohamedánstvo* 'магометанство, мусульманство', *sektárstvo* 'сектантство' и др.

Ряд существительных на *-stvo (-ctvo)* имел четко выраженное значение состояния, например: *detinstvo* 'детство, детский возраст', *dievoctvo* 'девичество', *pánesačníctvo* 'лунатизм', *mučéníctvo* 'мученичество', *vazalstvo* 'вассальство' и др.

Многие производные с суффиксом *-stvo (-ctvo)* выступали со значением деятельности, поведения, поступков человека (нередко с пейоративным оттенком), например: *frajerkárstvo* 'волокичество, донжуанство', *ľúpežníctvo* 'разбой, бандитизм', *rozkolníctvo* 'раскольничество; раскол', *rozkošníctvo* 'сибаритство', *rozumkárstvo* 'умничанье', *zbojníctvo* 'разбойничество, разбой' и т. п. В произведении

М. М. Годжи нам встретилось производное рассматриваемого типа – *milost'inárstvo* в значении 'подавание милостыни', которое, по-видимому, является результатом его индивидуального словотворчества, ср.: *Alebo k pr. milost'ínu dávat', je každjeho človeka povinnosť. Ale kde je mnoho chud'ini a žobračé, teda tam sa stáva často, že takuo milost'i-nárstvo chudobných l'ud'í eš'ťe len väčšmi pokazí* (Hodža. D.Sl. 48).

Последняя группа в лексико-семантическом плане наиболее близка отадективным и отсубстантивным производным на *-stvo (-ctvo)* со значением отвлеченного свойства, качества, признака, так как относящиеся к ней производные выражают такие действия, поступки, которые характеризуют человека, указывают его черты, свойства.

Как уже отмечалось, существительные с суффиксом *-stvo (-ctvo)* выражали и собирательное значение, например: *dvoranstvo* 'придворные', *obyvatel'stvo* 'население', *poslucháčstvo* 'слушатели', *rodáctvo* 'земляки', *sedliactvo* 'крестьяне', *služobníctvo* 'слуги', *študentstvo* 'студенты, студенчество', *zemianstvo* 'дворяне, дворянство'.

Наконец, следует подчеркнуть, что производные существительные на *-stvo (-ctvo)* широко употреблялись с разнообразными конкретными значениями предмета, явления, акта, (особенно в случаях с глагольной производящей основой), например: *hospodárstvo* 'хозяйство', *monárstvo* 'монархия', *svedectvo* 'свидетельство', *pomazanstvo* 'помазание', *domiselstvo* (Hodža) 'замысел', *lekárstvo* '1. медицина; 2. профессия врача; 3. лечебное средство', *krivoprišažníctvo* 'лжесвидетельство', *vyhnanstvo* 'изгнание', *sebäklamstvo* 'самообман' и др. При этом многие существительные с суффиксом *-stvo/-ctvo* входили в разряд терминологической лексики, ср.: *básnírstvo* (Hodža; не исключено, что это был богемизм) 'поэзия', *hospodárstvo* (SNN) 'экономика', *nádenníctvo* (SNN) 'поденщина', *ranárstvo* (SNN) 'хирургия', *rečníctvo* (Hurban) 'ораторское искусство, риторика', *zákonodárstvo* (SNN) 'законодательство' и др.

Примечательно, что многие производные на *-stvo (-ctvo)*, функционировавшие в литературном словацком языке на начальном этапе его развития, постепенно выходили из употребления. В определенной степени это связано с тем, что в них суффикс *-stvo (-ctvo)* не имел четко выраженного словообразовательного значения. Подобные производные конкурировали с однокоренными существительными без

суффикса *-stvo* (*-ctvo*), ср.: *bludstvo* (Sl.B.) 'заблуждение' – совр. *blud*; *roztrženstvo* (Holly) 'раздор, разрыв' – совр. *roztržka*; *dozorstvo* (SNN) 'надзор' – совр. *dozor*; *účastenstvo* (Kalinčiak) 'участие' – совр. *účast'*; *vedectvo* (SNN) 'наука' – совр. *veda*; *záručníctvo* (SNN) 'ручательство, гарантия' – совр. *záruka*.

В ряду охарактеризованных выше производных занимали свое место и существительные с суффиксом *-stvo* (*-ctvo*), имевшие значение отвлеченного свойства, качества, признака. По своей словообразовательной структуре и семантике они выделялись достаточно четко, однако были тесно связаны и с другими разрядами производных существительных на *-stvo* (*-ctvo*). Иногда в рамках смысловой структуры одной лексемы совмещались различные словообразовательные и лексические значения, в частности, отвлеченное значение признака могло сочетаться со значением состояния, собирательным значением, с различными конкретными значениями (см. ниже).

При образовании отвлеченных существительных со значением свойства, качества, признака суффикс *-stvo* (*-ctvo*) сочетался с производящими (мотивирующими) основами различной частеречной принадлежности и разнообразной морфологической структуры. Основную словообразовательную базу рассматриваемых производных на *-stvo* (*-ctvo*) составляли имена прилагательные и существительные. Значительно реже в качестве производящих основ выступали основы глагола, местоимения и числительного.

Суффикс *-stvo* присоединялся к основам, имеющим в финали согласные *b, č, d, j, l, m, n, ň, p, r, s, š, t, v, z, ž*, например: *babstvo* 'трусость', *zahál'ačstvo* 'леность, праздность; бездельничанье', *vurp'ačstvo* 'азнайкаство', *potmehúdstvo* 'коварство, лукавство, плутовство', *nedbajstvo* 'нерадивость; неряшливость', *zurvalstvo* 'драчливость, буянство', *lakomstvo* 'жадность, алчность', *rohostinstvo* 'гостеприимство', *hlupstvo* 'глупость', *polovičiarstvo* 'половинчатость, непоследовательность', *žgrišstvo* 'скаредность; скряжничество', *aziátstvo* 'дикость, варварство', *lotrovstvo* 'подлость; проказа, шалость', *virtuóbstvo* 'виртуозность', *mužstvo* в значении 'свойства, качества, черты мужчины; мужественность'.

Суффикс *-ctvo* выступает в строго ограниченных позициях, а именно: а) если мотивирующее слово оканчивается на согласный *-c*: *rovušepec* 'надменный, чванливый, заносчивый человек' – *rovušepectvo* 'надменность, чванливость, заносчивость', *sebec* 'себялюбец,

эгоист' – sebestvo 'себялюбие, эгоизм', votrelec 'проныра' – votrelectvo 'пронырливость' и т. п.; б) если мотивирующее слово оканчивается на *-k*: darebák 'лентяй; негодай' – darebáctvo 'леность; негодайство', koristník 'корыстолюбивый человек' – koristníctvo 'корыстолюбие', lišiak (перен. знач.) 'хитрец, плут' – lišiactvo 'хитрость, лукавство, плутовство', podvodník 'жулик, мошенник' – podvodníctvo 'жульничество, мошенничество', в) если мотивирующая основа имела в финали суффикс *-ck(ý)*: opatrńský 'чрезчур осторожный' – opatrńctvo 'чрезмерная осторожность' и т. п.

Если мотивирующее слово оканчивается на согласные *-h* или *-ch*, то перед суффиксом *-stvo* происходит чередование согласных *h/ž*, *ch/š*, например: peznaboh 'безбожник' – peznabožstvo 'безбожие', divoch 'дикарь' – divoštvo 'дикость, дикарство', leňoch 'лентяй, лодырь' – leňoštvo 'леность, лодырничество'.

Наконец, следует отметить еще одно явление на морфемном шве, происходящее при образовании отвлеченных существительных с суффиксом *-stvo (-ctvo)* – чередование мягкого и твердого *-n-* (*ň/n*) в финали мотивирующей основы, ср., например: chvastún 'хвастун' – chvastúnstvo 'хвастовство, хвастливость', skupáň 'скряга, скупец' – skupánstvo 'скарედность, скупость'.

Отвлеченные существительные на -stvo (-ctvo), мотивированные адъективами. Словообразовательный тип «основа прилагательного + суффикс *-stvo (-ctvo)* со значением отвлеченного свойства, качества, признака» на начальном этапе развития литературного словацкого языка был продуктивным, тем не менее число лексем, представляющих его, было относительно невелико (в несколько раз меньше числа отвлеченных деадъективных существительных с суффиксом *-ost'*). В качестве мотивирующей основы могли выступать как качественные прилагательные (непроизводные и производные), так и некоторые типы относительных прилагательных.

Собранный нами материал свидетельствует, что непроизводные (бессуффиксальные) адъективные основы в роли мотивирующих выступали редко, например: bohatý > bohatstvo, hlúpy > hlupstvo 'глупость', lakomý 'жадный, алчный' > lakomstvo 'жадность, алчность', peznauý 'невежественный' > peznanstvo 'невежество', planý 'скверный, никчемный; пустой, бесплодный' > planstvo 'никчемность; бесплодность', surový 'жестокий; суровый; грубый' >

surovstvo 'жестокость; суровость; грубость' и др. Семантическая и формальная (структурная) мотивированность производного в подобных случаях не вызывает сомнений. Существительные с суффиксом *-stvo (-ctvo)* обозначили отвлеченный признак, названный мотивирующим прилагательным (т. е. *lakomstvo = vlastnost' lakomého*, *surovstvo = vlastnost' surového* и т. п.). Указанное значение производных на *-stvo (-ctvo)* иллюстрируют следующие текстовые примеры: ...*ňeslušnuo surovstvo, ktorím celá tá brošúrka páchne* (ОТ. 533) 'неприличная грубость, которой пахнет вся эта брошюрка'; ...*a dva razi pre surovstvo Tureckých Beyov do veľkeho ňebezpečenstva upadnuv* (SNN. 565); ...*nad bohatstvom života človekovho* (Hodža. D. sl. 19); ...*tisícročnú tmu ňeznanstva* (ОТ. 357).

Если мотивирующее слово обладает сложной смысловой структурой и наряду со значением признака выражает другие лексические значения, то и мотивированное слово на *-stvo (-ctvo)* также может передавать эти значения, ср.: *a to všetko ... strjed' bohatstvom a vzd'elanost'i* (ОТ. 538) 'и это все среди богатств и образованности'; ...*ktorí jak zdurnost'ou a ukrutnost'ou tak i bohatstvom všetkých svojich spoluúradníkov previšuje* (SNN. 36) 'который как злостью и суровостью, так и богатством превышает всех своих сослуживцев'; ...*za polné žatvi bohatstvo* (Holly. С.-М. 48) 'за изобилие (богатство) жатвы'.

К числу бессуффиксальных основ можно отнести и целый ряд основ отглагольных прилагательных типа *nedbalý* 'небрежный, невнимательный; неряшливый', *odrodilý* 'ренегатский, отступнический', *opilý* 'пьяный', *ospalý* 'сонный, заспанный', *ožralý* 'упившийся, очень пьяный', *trúfalý* 'смелый, отважный', *zbesilý* 'неистовый, бешеный', *zúfalý* 'отчаянный'. Ими мотивированы соответствующие отвлеченные существительные с суффиксом *-stvo*: *nedbalstvo* 'невнимательность, небрежность', *odrodilstvo* 'ренегатство, отступничество', *opilstvo* 'состояние пьяного человека; пьянство', *ospalstvo* 'заспанность; сонное состояние', *ožralstvo* 'состояние упившегося, очень пьяного человека; пьянство', *trúfalstvo* 'смелость, отвага', *zbesilstvo* 'неистовство, бешенство', *zúfalstvo* 'отчаянность; отчаяние'.

В подобных образованиях на *-stvo* значение отвлеченного свойства, качества, признака выражается достаточно отчетливо. При этом оно нередко тесно переплетается с другими лексическими

значениями, в частности, со значением состояния, которое воспринимается как характерный признак, со значением проявления названного свойства, ср.: *zúfalstvo* – это и '*vlastnosť zúfaleho, beznádejného človeka*', и '*stav beznádejnosti*', и '*zúfalý čin*'. Покажем это на текстовых примерах: *On prvý ostro harušíu Slovákov za jejích nedbalstvo o reč i národnosť svoju* (Hodža. D. sl. 73) 'Он первый резко укорял словаков за их небрежение к своему языку и своей национальности'; *Tuto krásne príklady mjernosti, tam najhnušnejšieho opilstva* (OT. 110) 'Здесь прекрасные примеры умеренности, там - гнуснейшего пьянства'; *Ach, to už ňemože ďalej tak bit' – už ožralstvo je teraz na najvyššom stupni* (SNN. 231) 'Так дольше уж не может продолжаться – уж теперь пьянство достигло высшей степени'; *Ňieto tu... ustavičného zúfalstva* (OT. 453) 'Тут нет... постоянного отчаяния'; *...ktorí ...z častki zo zúfalstva ostatní groš na pálenku prepijú* (SNN. 59) '...которые отчасти из-за отчаяния последний грош отдадут на водку'.

Наличие у производных на *-stvo (-ctvo)*, мотивированных бессуффиксальными прилагательными, общего деривационного значения отвлеченного свойства, качества, признака подтверждается также тем, что многие из них являются синонимами соответствующих однокоренных образований с суффиксом *-ost'*, ср.: *bohatosť, hlúposť, lakomosť, nedbalosť, odrodilosť, ospalosť, surovosť, zbesilosť, zúfalosť*.

Значительно шире был круг суффиксальных прилагательных, мотивирующих отвлеченные существительные на *-stvo (-ctvo)*.

Чаще всего в роли мотивирующих выступали десубстантивные прилагательные (качественные и относительные) с суффиксами *-sk- (-ck-), -ovsk-*. При образовании производных на *-stvo (-ctvo)* происходило усечение суффикса *-sk- (-ck-)*, ср., например, производные от качественных прилагательных: *babovský* в переносном значении 'трусливый' > *babovstvo* 'трусливость', *hostinský* (в текстах бернолаковского периода) в значении 'гостеприимный' > *hostinstvo* 'гостеприимство', *chlapský* в значении 'мужественный' > *chlapstvo* 'мужественность', *nepriateľský* 'враждебный; вражеский' > *nepriateľstvo* 'враждебность, вражда', *rohostinský* в значении 'гостеприимный, щедрый' > *rohostinstvo* 'гостеприимство', *šelmovský* 'шельмовский, плутовской' > *šelmovstvo* 'шельмовство, плутовство', *zverský* 'зверский' > *zverstvo* 'зверство', *ženský* 'женский, женственный' > *ženstvo* 'женственность'.

Словообразовательная структура подобных производных с суффиксом *-stvo*, как правило, достаточно определена, их мотивированность прилагательным в большинстве случаев бесспорна, ср.: *babovstvo* 'vlastnosť babovského', *chlapstvo* 'vlastnosť chlapského', *zverstvo* 'vlastnosť zverského' и т. п. У таких производных значение отвлеченного свойства отчетливо проявляется и в контексте, например: 'to je, keď sa najslabšie vislovíme *babovstvo*...' (Sl. Pohl. I. 64); 'Neb v *host'instve* prví nad iné sú národi Slavi (Hollý. C.-M. 18); '...dá sa na krád'ež najat', na *ňepriat'elstvo* prot'i dobrím ľud'om podkúpiť' (SNN. 26); *Pohost'instvo* je u ňých svatuo tak, že... (OT. 134).

Однако у некоторых производных рассматриваемого типа допустима двойственность мотивации, особенно если прилагательное образовано от существительного со значением лица, деятеля или носителя свойства. Поэтому, например, производное *nepriatel'stvo* может быть соотнесено не только с прилагательным *nepriatel'ský*, но и с существительным *nepriatel* 'враг', т. е. может трактоваться как 'vlastnosť nepriatel'a'; производное *ženstvo* может быть соотнесено не только с прилагательным *ženský*, но и с существительным *žena* ('vlastnosť ženy), производное *šelmovstvo* – не только с прилагательным *šelmovský*, но и с существительным *šelma* '1. хищник, хищный зверь; 2. (перен.) шельма, бестия, плут' (vlastnosť šelmy). В последнем случае несомненно предпочтительнее адъективная мотивация. На это указывает структура основы производного: *šelmov-*, составляющая часть основы мотивирующего прилагательного. Кроме того, производное *šelmovstvo* лексически соотносимо с существительным только во втором, переносном значении и полностью идентично лексическому значению прилагательного – перед нами явный синтаксический (транспозиционный) дериват, который четко выражает отвлеченный признак, названный мотивирующей адъективной основой, ср.: 'Noc sa predtým dievčat'u *šelmovstvo* na čele vyrážalo (Kalinčiak. Reš. 48).

Сложнее словообразовательная структура и мотивационные отношения у производных на *-stvo*, образованных от относительных прилагательных, ср.: *braterský* 'братский' > *braterstvo* 'братство', *človečenský* 'человеческий, человеческий; чело́вечный' > *človečenstvo* 'человечество; человечность', *chlapčenský* 'мальчишеский, мальчишечий' > *chlapčenstvo* 'мальчишеский возраст; мальчишество',

otcovský 'отцовский, отеческий' > otcovstvo 'отцовство', synovský 'сыновий' > synovstvo 'сыновнее отношение к родителям' и т. п. Формальная (структурная) мотивация здесь очевидна (основа производного равняется основе прилагательного без суффикса *-sk-*, который регулярно усекается). Что же касается мотивации семантической, то лексическое значение соответствующих прилагательных (передающее разные виды отношения, а не качественный признак) не позволяет связывать ее с прилагательным. Семантически мотивирующим в подобных случаях оказывается имя существительное, от которого образовано прилагательное, например: *človečenstvo* 'vlastnost' *človeka*'; '*súhrn ľudských vlastností*' (SSJ), *otcovstvo* 'stav toho, kto je otcom' (SSJ), *synovstvo* 'pomer syna k rodičom' (SSJ). Таким образом, у анализируемых производных иногда обнаруживается расхождение («расщепление»¹²) формальной (структурной) и семантической мотиваций. Как правильно отмечает К. Бузашиова, производное *otcovstvo* в значении 'состояние того, кто является отцом' структурно мотивировано относительным прилагательным *otcovský*, семантически – существительным *otec*¹³. В этом значении *otcovstvo*, по ее мнению, является мутационным производным. Вместе с тем автор делает интересное наблюдение, важное в плане нашего исследования. Дело в том, что в производном *otcovstvo* К. Бузашиова усматривает не только значение состояния, но и значение свойства¹⁴. Каковы же тогда мотивационные отношения слова *otcovstvo*? По мнению автора, значение свойства мотивируется в данном случае «качественным прилагательным свойства (отцовский = имеющий качества отца, заботливый, ласковый)»¹⁵. Таким образом, в смысловой структуре относительного прилагательного *otcovský* усматривается и качественный семантический оттенок. Но при такой мотивационной связи меняется и характер производного, которое в указанном значении может рассматриваться как синтаксический (транспозиционный) дериват¹⁶.

В ряду отвлеченных существительных на *-stvo* (*-ctvo*), мотивированных относительными прилагательными с суффиксом *-sk-* (*-ck*), следует выделить немногочисленную группу производных слов с довольно широким абстрактным значением признака, которое можно определить как совокупность типичных этнических (национальных) черт, отражающих специфику культуры и характера данного народа, например: *češstvo* (< *český* 'чешский') '*súhrn*

charakteristických znakov českého národa, českej kultúry (SSJ); иначе говоря, данным словом выражается совокупность существенных свойств, признаков всего чешского. В конкретном словоупотреблении это может быть чешский характер, чешское национальное сознание, чешская культура и т. п. Аналогично производное slovenstvo (< slovenský 'словацкий') означает совокупность существенных, характерных свойств словацкого (словацкой культуры, словацкого характера, языка и т. п.). В указанном значении подобные образования активно употреблялись именно в рассматриваемый период развития словацкого литературного языка (в современном литературном языке они практически вышли из употребления). Помимо уже отмеченных слов češstvo, slovenstvo нами зафиксированы также следующие производные: germanstvo (< germanský в значении не только 'германский', но и более узком значении 'немецкий'), maďarstvo (< maďarský 'мадьярский, венгерский'), nemecko (< nemecký 'немецкий'), rumuňstvo (< rumunský 'румынский', иногда и в значении 'романский'), slovanstvo (< slovanský 'славянский'). Отметим также, что в текстах периода словацкого национального возрождения прилагательное slovenský имело значение не только 'словацкий', но и 'славянский'. Это находило отражение и в смысловой структуре производного слова slovenstvo, ср.: ...tam dlávi človeka duch zamračeného Germanstva, tu ho objíma aňjel veselého jasného Slovenstva! (ОТ. 103).

В произведении М. М. Годжи нам встретился интересный пример употребления слова rumuňstvo: ...národ Vlaskí..., ktorí na svoje Rumuňstvo, t.j. púvod od staroslávnych Rimanov si premnoho zakladá (Hodža. D. sl. 30). В этом случае слово rumuňstvo использовано в значении 'романское происхождение'.

Следует отметить, что отвлеченное значение рассмотренной группы производных подтверждается тем, что некоторые образования на -stvo/-ctvo соотносятся с однокоренными синонимическими образованиями, имеющими суффикс отвлеченности -ost', ср.: maďarskost', nemeckost', slovenskost'.

Наряду со значением отвлеченного признака анализируемые производные на -stvo/-ctvo могли употребляться в собирательном значении: maďarstvo 'мадьяры, венгры', nemecko 'немцы', germánstvo 'германцы', slovenstvo 'словаки', slovanstvo (slavjanstvo -

Hodža) 'славяне', например: *Ľemŕt'e sa tedi odpadŕl od Slovenstva, Ľeprajnŕci jeho cudzonárodnŕ... (Hodža. D. sl. 16) 'Не заблуждайтесь, отступники от словаков...'*

Следующую группу прилагательных, основы которых мотивировали отвлеченные имена существительные на *-stvo*, составляют прилагательные с суффиксом *-n-*. В этом случае достаточно регулярно происходит расширение мотивирующей основы за счет вставного *e* (*-n-* чередуется с *-en-*), ср.: *ukrut-n-ŕy* 'жестокий' > *ukrut-enstvo* 'жестокость', например: *...bo sa kaŕdŕ, koho prah prekroŕiu, trjasou, bojas sa ukruštenstva Tureckjeho (OT, 460)*. Аналогичным образом раскрывается словообразовательная структура следующих производных на *-stvo*: *dostojenstvo* 'достоинство' (< *dostojnŕy* 'достойный'), *nebezpeŕenstvo* 'опасность' > *nebezpeŕnŕy* 'опасный', *podobenstvo* 'сходство, подобие' (< *podobnŕy* 'сходный, похожий, подобный'), *pokrevenstvo* 'кровная близость, родство; родственники' (< *pokrevnŕy* 'близко родственный, родственный по крови'), *posluŕenstvo* 'послушность, послушание, покорность' (< *posluŕnŕy* 'послушный, покорный'), например: – *A potom, nebezpeŕenstva niet sa ŕo báŕ' (Kalinŕiak. Reŕt. 47); ...bol'i malŕ, ohavnŕ a slabŕ, Ľemajŕce jinŕho podobenstva z l'ud'mi, krem ŕe hovorili (Hollŕy. C.-M. 134); A hlavnŕ ŕupan prŕsahu zloŕjac váŕnu reŕ drŕau o posluŕenstve a vernost'i ku královi (SNN. 34); Jeho Milost'i královi prŕsahu posluŕenstva... zloŕiu (OT. 651)*.

Мы охарактеризовали две основные группы суффиксальных прилагательных, которые выступали в качестве мотивирующих имена существительные на *-stvo (-ctvo)* со значением отвлеченного признака. Прилагательные с другими суффиксами в этой функции представлены крайне редко. В нашем материале имеются лишь единичные производные рассматриваемого типа, образованные от адъективных основ с суффиксами *-av-*, *-in-*, ср.: *pl'uhavŕy* 'никчемный, негодный, мерзкий' > *pl'uhavstvo* 'никчемность, негодность, мерзость', *leŕnivŕy* 'ленивый' > *leŕnivstvo* 'леность, лень', например: *Haj – to je pluhavstvo, to je Ľedostatok ráznej statoŕnost'i (SNN. 540); U nás dost' hlŕpŕch márnost'ŕ, leŕnivstva... (Hodža. D. Sl. 18)*.

Как было отмечено выше, адъективные основы на *-av-* (*-lav*), *-iv-* (*-liv-*, *-ŕiv-*) очень активно сочетались с суффиксом отвлеченности *-ost'* (около 300 производных).

Отвлеченные существительные на *-stvo (-ctvo)* практически совсем не образовывались от адъективных основ с суффиксами *-teln-*,

-at-, -nat-, а также -it-, -ovit-, которые также давали значительное число производных на -ost'.

Все это показывает, что в сфере суффиксальных прилагательных исходная база образования существительных на -stvo (-ctvo) со значением отвлеченного признака была намного уже (как по количеству вовлеченных в словообразовательный процесс лексем, так и по структурным признакам производящих основ), чем при образовании отвлеченных существительных на -ost'.

Отвлеченные существительные на -stvo (-ctvo), мотивированные субстантивами. В нашем материале имена существительные составляют наиболее многочисленную группу слов, от которых образовывались производные на -stvo (-ctvo) со значением отвлеченного признака. При этом в качестве мотивирующей базы выступали как непродуцированные (бессуффиксальные), так и продуцированные субстантивы.

Бессуффиксальные существительные мотивировали производные на -stvo (-ctvo) относительно редко. При этом в качестве мотивирующего обычно выступало целое слово, имеющее в финале согласную, например: huncút 'озорник, проказник' > huncústvo 'озорство', bohatier 'богатырь, герой' > bohatierstvo 'геройство, богатырство', potmehúd 'лицемер, коварный человек, проказник' > potmehúdstvo 'лицемерие, коварство; озорство', korhel 'пьяница' > korhelstvo 'склонность к пьянству, состояние пьянства; пьянство', otrok 'раб, невольник' > otroctvo 'рабство, невольничество, подневольность', nedouk 'недоучка' > nedoukstvo 'невежество', trúp 'глупец, дурак' > trúpstvo 'глупость', šibal 'шельма, плут' > šibalstvo 'шельмовство, плутовство' и некоторые др. Здесь же можно назвать и ряд производных на -stvo, образованных от заимствованных слов со значением 'лица, носителя свойства', например: farizej-stvo, diletant-stvo, pedant-stvo, kretén-stvo, virtuóz-stvo. Отвлеченные существительные такого типа стали активно употребляться лишь в штуровский период.

Во всех рассмотренных (и подобных) случаях на морфемном шве, как правило, не происходило никаких изменений (лишь в соответствующих позициях, которые охарактеризованы выше, появлялся вариантный суффикс -ctvo).

Значительно реже суффикс -stvo присоединялся непосредственно к корневой морфеме, ср.: hrdin-a 'герой' > hrdinstvo 'геройство',

bab-a (одно из значений – переносное, пейоративное ‘трус, баба’) babstvo ‘трусость, трусливость’.

Мотивационная связь исходного непроеизводного существительного и производного с суффиксом *-stvo (-ctvo)*, как правило, достаточно очевидна. Последнее обычно регулярно обозначает отвлеченное свойство, носителем которого является лицо, названное мотивирующим существительным. Приведем несколько текстовых примеров, в которых проявляется указанное значение: *Zo zradi a babstva starešinstvo t'a ňobvniuje* (OT. 594); *Tu sa Augustovi zachcelo pochlapit' pred cárom bohatjerstvom svojim.* (OT. 639); *...bo národ v ňomže takuoto rozorvanost' a ňespokojnost' plod'jace ňedoukstvo sa rozpraší, je k skutkom ňeschopní.* (Sl.Pohl. II. 61); *No odlož šibalstvo nabok* (Fándly. Roz. 41); *No či si ňepoznačiu sám svoje čelo bilagom ňevídanjeho trupstva* (OT. 525).

Все же основную массу субстантивных мотивирующих составляли производные имена существительные (главным образом суффиксальные и реже со сложной основой).

Наиболее активными в качестве мотивирующих отвлеченные существительные на *-stvo (-ctvo)* были производные существительные со значением носителя свойства. Это значение выражалось прежде всего суффиксами *-ák (-iak)*, *-ík (-ník)*, *-ec*, например: с суффиксом *-ák (-iak)*: *dobrák* ‘добряк’ > *dobráctvo* ‘доброта’, *hlupák* ‘глупец’ > *hlupáctvo* ‘глупость’, *junák* ‘1. молодой человек, юноша; 2. (перен. знач.) молодец, удалец’ > *junáctvo* ‘молодечество, смелость, удаль’, *lajdák* ‘неряха; лентяй’ > *lajdáctvo* ‘неряшливость; ленивость’, *mrzák* ‘калека, урод’ > *mrzáctvo* ‘уродство, уродливость’, *mudrák* ‘мудрец, умник’ > *mudráctvo* ‘мудрость; умничанье’, *šverák* ‘плут, озорник’ > *šveráctvo* ‘плутовство, озорство’, *tulák* ‘бродяга’ > *tuláctvo* ‘бродяжничество’, а также *darebák* > *darebáctvo*, *lišiak* > *lišiáctvo* и т. п.; с суффиксом *-ík (-ník)*: *hazardník* ‘азартный человек’ > *hazardníctvo* ‘азартность’, *hnusník* ‘подлец’ > *hnusníctvo* ‘подлость’, *malicherník* ‘мелочный человек, крохобор’ > *malicherníctvo* ‘мелочность, крохоборство’, *pičomník* ‘мерзавец, негодяй’ > *pičomníctvo* ‘негодяйство’, *netrebník* ‘ненужный, никчемный человек’ > *netrebníctvo* ‘никчемность’, *labužník* ‘гурман’ > *labužníctvo* ‘гурманство’, *ohavník* ‘мерзавец’ > *ohavníctvo* ‘мерзкое поведение’, *pochlebník* ‘льстец, подхалим’ > *pochlebníctvo* ‘льстивость, угодливость,

подхалимство', ukruťník 'жестокий человек' > ukruťníctvo 'жестокость', zárečník 'домосед' > zárečníctvo 'свойство, поведение домоседа; образ жизни домоседа' и др.; с суффиксом *-ec*: mládenec 'юноша' > mládenectvo 'юность, юношество', národovec 'патриот' > národovectvo 'патриотизм', neverec 'неверующий, безбожник' > neverectvo 'безверие, атеизм', odrodilec 'рenegат, отступник' > odrodilectvo 'рenegатство, отступничество', povýšenec 'надменный, чванливый, заносчивый человек' > povýšenectvo 'надменность, чванливость, заносчивость', sebec 'себялюбец, эгоист' > sebecktvo 'себялюбие, эгоизм', starec 'старик, старец' > starectvo 'старчество', vlastenec 'патриот' > vlastenectvo 'патриотизм'.

В нашем материале имеется около десяти образований на *-stvo* со значением отвлеченного признака, которые мотивированы именами существительными с суффиксом *-ár (-iar)*, а также одиночные производные, у которых мотивирующей базой являются существительные с малопродуктивными суффиксами *-án (-ian)*, *-uň*, *-úch*, имеющими экспрессивную (пейоративную) окраску, ср.: domár 'домосед' > domárstvo 'свойство, поведение домоседа', chlebár 'корыстолюбец' > chlebárstvo 'корыстолюбие', l'ahtikár 'ветренный, легкомысленный человек' > l'ahtikárstvo 'ветренность, легкомыслие', polovičiar 'непоследовательный человек' > polovičiarstvo 'половинчатость, непоследовательность', posmeškár 'насмешник' > posmeškárstvo 'насмешничество', troškár 'мелочный человек, крохобор' > troškárstvo 'мелочность, крохоборство' и др.; grobian 'грубиян' > grobianstvo 'грубость; грубый поступок', skupáň 'скупец, скряга' > skupánstvo 'скупость, скряжничество', chvastúň 'хвастун' > chvastúnstvo 'хвастовство', slepúň 'слепец' > slepúnstvo 'слепота', potmelúch 'лицемер' > potmelúšstvo 'лицемерность; плутовство'.

Во всех рассмотренных случаях суффиксальное существительное, выступающее в качестве производящей базы производного на *-stvo (-ctvo)*, называет лицо по типичным, характерным для него свойствам. Это обуславливает достаточно четкую мотивацию производного, которое, как правило, выражает значение отвлеченного свойства, качества, признака. Наряду с этим категориальным (словообразовательным) значением, с которым совпадает и основное лексическое значение проанализированных существительных на *-stvo (-ctvo)*, данные отвлеченные существительные могут иметь и другие

лексические значения (обычно значение действия, поступка лица, названного производящим существительным; реже собирательное значение и др.).

В некоторых случаях у производных на *-stvo* (*-ctvo*) рассмотренного типа можно предположить наличие неединственной мотивации (когда имеется соответствующее прилагательное, которое и формально, и семантически может выступать в качестве мотивирующего слова). На этом явлении мы остановимся ниже. Здесь же необходимо подчеркнуть, что в подавляющем большинстве рассмотренных выше производных на *-stvo* (*-ctvo*) субстантивная мотивация является вполне отчетливой и, как правило, единственной (в случаях допустимости адъективной мотивации все же предпочтительнее – в силу регулярности рассмотренного словообразовательного механизма – мотивация субстантивная). Значение отвлеченного свойства, качества, признака, обусловленного мотивирующим существительным, подтверждают следующие текстовые примеры:

Suleiman a Timur Mirza bili sa s najvětším *junáctvom* (SNN. 36) 'Сулейман и Тимур Мирза бились с необычайной смелостью'; *Dúveru skladáme i v junáctvo a vernú oddanosť Našich vojsk* (SNN. 1022) 'Мы выражаем веру в мужество и преданность наших войск'; *Mizerňactvo našich bludov!* (OT. 417) 'Ничтожность наших заблуждений!'; *Takjehoto učiteľ a mudractus zálež v tom: ...* (OT. 582) 'Мудрость такого учителя заключается в том...'; *Ale preč tú nízkosť a podliactus...* (OT. 403) 'Долой эту низость и подлость'; *Kolko duš je z bjedneho hnušactva vitrhnutuo!* (Hodža. D. Sl. 49) 'Сколько душ вырвано из этой жалкой гнусности'; *Aká zbytočná márnivosť, mnšské labuňactus!* (Fándly. Roz. 63) 'Какое ненужное тщеславие, монашеское гурманство!'; ...*a pišni na svoje ťčomňactus* (SNN. 320) '...и горды своей никчемностью'; *T'arbactus našich predkou...* (SNN. 553) 'Неповоротливость наших предков...'; *Sistematickým podkupovaňim sebeckto napomáhalo a tak verejnú mjenku ňivočilo* (SNN. 1064) 'Систематический подкуп способствовал развитию эгоизма и тем самым портил общественное мнение'; ...*vd'aka sa vislovila za ťch stálosť a vlasteňactus* (SNN. 87) '...была высказана благодарность за их постоянство и патриотизм'; ...*zarastajú burinou leňivosťi, chlebárstva, lahostajnosťi* (SNN. 185) '...они зарастают сорной травой ленивости, корыстолюбия, равнодушия...'; *Smutnje následki takjehoto*

lahť'ikárstva mi potomci spatrujeme,... (OT. 575) 'Печальные последствия такой легкомысленности увидим мы, потомки'; Naše obecenstvo je ňevelkuo, ale čím d'jal t'ím v'jac sa š'fri. Š'fri sa ono... čím v'jac starje hrjechi sebestvo, *troškárstvo*, *skupánstvo*,... atd'. ...so seba skladá a svlieka (SNN. 341) 'Наше общество еще невелико, но чем дальше, тем больше оно увеличивается. Оно увеличивается по мере того, как старые грехи: эгоизм, мелочность; скупость... и т. п. с себя снимает'; ...ked' sú stá a t'isíce len v *slepúnstve*... (SNN. 217) '...когда сотни и тысячи все-таки находятся в слепоте'; Či muože bit' otroctvo bez *tiranstva*, *potmelúšstvo* bez krivd'eňja (OT. 614) 'Разве может быть рабство без тиранства, коварство без несправедливости'.

В ряду имен существительных, мотивирующих производные на -stvo, отметим также слово *kritikaster* 'злонамеренный критик, критикан', которое в современном словацком языке практически не употребляется, однако в рассматриваемый период истории литературного языка не только функционировало, но и могло служить мотивирующей базой для образования отвлеченного существительного *kritikasterstvo* 'критиканство, свойство и поведение критикана', ср.: Tak písat' kritiki zamená ozaj už len po -skí a -skí atd'., atd'. dúvodňit', ako takjehoto bjedneho *kritikasterstva* tam každá strana v'jacej pečať'í na sebe nosí (SNN. 449) '...там каждая страница несет на себе печать такого жалкого критиканства'; Ňezahamovalo dosial vaše účinkovaňja aňi *kritikasterstvo* pedantou (SNN. 581) 'Вашу деятельность до сих пор не затормозило даже критиканство педантов'.

В очень редких случаях в роли мотивирующего слова выступало имя существительное со сложной основой, например: *l'udožráč* 'людоед' > *l'udožráčstvo* 'людоедство', *páničodník* 'мерзавец, негодяй' > *páničodníctvo* 'негодяйство', *rod'inolub* 'человек, любящий свою семью, семейственный человек' > *rod'inolubstvo* 'поглощенность семейными интересами, семейственность', *samorašník* 'озорной человек, проказник' > *samorašníctvo* 'озорство, шаловливость, проказливость', *strachopud* 'трус' > *strachopudstvo* 'трусость' и т. п. Ср. текстовые примеры: *L'udožráčstvo* teda krest'anským missionárom napriek eš'e ňevihinulo z pomedzi týchto Kaniballou Novozeelandskíchl (SNN. 236) 'Вопреки деятельности христианских миссионеров людоедство еще не исчезло среди этих новозеландских каннибалов'; Rozličnje sú takjeto ňecnost'i, kd'e sa prepjatuo *rod'inolubstvo*

vikonáva... (SNN. 93) 'Различные подобные грехи проявляются там, где имеет место чрезмерная поглощенность семейными интересами'.

Наконец, следует отметить и возможность образования отвлеченных существительных на *-stvo* (*-ctvo*) от собственных имен, ставших нарицательными, например: *donchuan* 'донжуан' > *donchuanstvo* 'донжуанство, непостоянство', *donkichot* 'донкихот' > *donkichotstvo* 'донкихотство', *prometej* 'прометей' > *prometejstvo* 'прометеевский характер'.

Непродуктивные словообразовательные типы имен существительных со значением отвлеченного признака

На начальном этапе истории литературного словацкого языка при образовании отвлеченных имен существительных использовались также суффиксы *-ob(a)*, *-in(a)*, *-av(a)*, однако подобные производные были редки и непродуктивны.

Словообразовательный тип «основа качественного прилагательного + суффикс -ob(a)». Число основ, мотивирующих производные данного типа, ограничено. Как в материалах бернолаковского периода, так и в материалах штуровского периода нами зафиксировано всего лишь более десяти лексем. Словообразовательный механизм достаточно четкий, ср.: *hnily* 'гнилой' > *hniloba* 'гниль; качество гнилого, гнилость', *hrdy* 'гордый' > *hrdoba* 'гордость', *chudy* 'бедный' > *chudoba* 'бедность', *nahy* 'нагой' > *nahoba* 'нагота', *starý* 'старый' > *staroba* 'старость', *zly* 'плохой, злой' > *zloba* 'злоба, злость'. Во всех подобных случаях суффикс *-ob(a)* присоединяется к основе прилагательного, в составе которой при этом не происходят никакие изменения.

Отклонение от этих правил можно усмотреть в слове *hnusoba* 'гнусность, омерзительность', которое мотивируется основой прилагательного *hnusly* 'противный, гнусный'. При присоединении суффикса *-ob(a)* происходит усечение конечного согласного основы *-n-*, ср.: *A čo za hnusoba vidjet' stado pl'uhavno darobnej obce* (Sl.Pohl. II. 194).

Необычным словообразовательным механизмом отличается производное *staršoba* 'старость', которое встретилось нам в произведении Я. Голлого. В словаре Бернолака и в текстах Ю. Фандли мы его не обнаружили. Ср.: *Čerstvejšá ked' krv silu prala, a staršoba ešte závistná po sl'ichoch bí'ej mi ňetrúsila barvi* (Holly. En. 120); ...aňi

staršoba vládi srdcu ňeodňnĭma, a jaru ňeumenšuje čerstvost' (Hollý. En. 235); ...ti včil si jed'inká *staršobi* nádej (Hollý. En. 305).

Деривационное значение в производных рассматриваемого типа, как правило, выступает четко. Они обозначают качество, признак, свойство, названное основой прилагательного, например: ...svetská *hrdoba* je hlúpost' a hrjech (Hodža. D. Sl. 70); Mali ste ak to spomenúť, že mnššsky sl'ub *chudoby* bol príčinou ešte väčšich gal'fb (Fándly. Roz. 47); ...a tkánim *starobi* svéj l'ahčila t'erchu (Hollý. En. 232); ...lebo vieme, že *staroba* nemá silu mladosti (Fándly. Roz. 102); Ňevládau fst' i od *starobi* i od zljeho zachádžanja (OT. 244); Nezmernú proti nĭm v srdci pukajte *zlobú* (Hollý. Na sl. nár. 146).

У отдельных лексем на передний план выступает конкретное значение или же оно сочетается со значением отвлеченного признака. Например, производное *hniloba* имело не только отвлеченное значение 'качество гнилого, гнилость', но и конкретное предметно-вещественное значение 'гниль', ср.: Tí hospodári ...ratuvali svoje zemjaki od *hňilobi* (SNN. 541); ...kd'e sa zemjaki z obávaňja všeobecnej *hňilobi* veľmi včas zo zeme vibrali (OT. 463).

Показательна также смысловая структура лексемы *chudoba* (мотивированной основой прилагательного *chudý* 'худой, худошавый; бедный'). В ней четко выявляется значение отвлеченного признака 'бедность', например: Príčina tohoto všetk'jeho je *chudoba* naša (SNN. 3); Až teraz sa im počĭnala pred oči stavať ich duchovná *chudoba* (Hurban. Sl. 46); Tjeto naše d'ed'inskje cirkve sú veľmi usužovanje a utrápenje. Pre veľkú *chudobu* ňemožu sa dať proti ohňa ubezpečiť (SNN. 559); Наряду с этим данное слово передает собирательное значение 'беднота, бедняки', например: Lebo to bou, prosím, bál meštjanski a okrem veselost'i mau i cjel dobročinnĭ a síce pre *chudobu* (SNN. 235); A kebi... ňjekoľko merfc obilja *chudobe* rozdat' mohou (OT. 446).

Словообразовательный тип «основа качественного прилагательного + суффикс *-in(a)*». На начальном этапе развития словарного состава литературного словацкого языка в разряде имен со значением отвлеченного признака определенную роль играли также отадъективные производные с суффиксом *-in(a)*, ср.: *belasina* 'голубизна, синева' (мотивирующая основа – прилагательное *belasý* 'голубой, голубоватый, синеватый'), *sivina* 'сизость' (мотивирующая основа – прилагательное *sivý* 'сизый') и т. п. Этот тип производных

имен существительных как в бернолаковский, так и в шуторовский период практически был непродуктивным (в нашем материале около 20 образований). Круг производящих основ был достаточно ограниченным, все они имели в исходе согласную. Основы могли быть простые и продуктивные.

Анализируя семантику отадъективных существительных на *-in(a)*, следует учитывать, что по сравнению с рассмотренными выше суффиксами *-ost'*, *-ot(a)*, *-ob(a)* суффикс *-in(a)* характеризовался более яркой полифункциональностью и в известном смысле семантической нестабильностью. В связи с этим значение отвлеченного качества, признака, свойства у имен на *-in(a)*, мотивированных прилагательным, вряд ли можно считать доминирующим, с ним в кругу отадъективных образований на *-in(a)* конкурировало значение «носителя признака». Не случайно А. Бернолак отмечал, что суффикс *-in(a)* обозначает «вид или сущность предмета»¹⁷, то есть передает не отвлеченное, а конкретное значение.

В ряду отадъективных имен существительных на *-in(a)*, имеющих достаточно четкое значение отвлеченного признака (иногда с оттенком состояния) назовем следующие: *belasina* 'голубизна', *cudzina* 'качество, свойство чужого, иностранного, иностранщина', *chriplina* 'хрипкость, хрипота', *chriplavina* 'хриповатость, охрипность', *modrina* 'синева, голубизна', *starina* 'древность, давность', *strakatina* 'пестрота, пестрость', *svetlina* 'голубизна, синева', *tíšina* 'тишина', *širina* 'широта, ширь'. Например: *Aj náš kmeň bol dlho, dlho posadnutý cudzinou* (Hurban. Sl. 95); *Ale pozrime na samých, na tú strakat'ínu našich vlastných chrb* (Sl. Pohl. 7); *Pobožná tíšina* *panovala všad'e* (SNN. 15).

В этом же ряду можно отметить встретившееся нам у Годжи слово *starotina* 'древность, застарелость'.

В семантической структуре некоторых отадъективных производных на *-in(a)* сочетаются отвлеченное и конкретное значения, ср.: *hlubina* (*hlbina*) 'глубина, свойство глубокого' и 'глубина (как физическое измерение)', 'глубокое место; пропасть'; *opuchlina* 'опухоль, нарыв, припухлость' и 'надутость'; *potuchlina* 'гниль' и 'запах, свойство тухлого, протухлость'; *prázdňina* 'пустота; незаполненность, вакантность' и 'пустое место'; *šedivina* 'седина, серые волосы' и 'сизость, сероватость', *šmatlavina* 'кривизна (ноги)' и 'кривоногий (человек)' и др. Например: *Prezret' muožeme ces že*

jako ces sklo do *hľbini* duše našich predkou (OT. 58); ...*hľbina* v prostriedku 1 n. 4 p., ... (OT. 7).

Наконец, ряд образований на *-in(a)*, мотивированных прилагательными, выступает только с конкретным значением, ср.: *bystrina* 'стремительный) поток', *dařomnina* 'пустяк, мелочь', *hnilina* 'гниль', *lisina* 'плешь, лысина', *povina* 'новая вещь, новинка', *plesnivina* 'плесень', *prařivina* 'проказа, парша', *pehavina* 'веснушка (здесь, правда, можно предположить и отвлеченное значение – 'свойство, признак веснушчатого', но оно не фиксируется Sl.B.), *smudlina* 'ощущение, вкус дыма, чада', *zapuchlina* 'опухоль, припухлость', *zdechlina* 'труп животного, дохлятина' и т. п. Например: *Kd'ež bistrina Tibra pres pol'a... hurtuje rékú* (Hollý. En. 57); *Na jednom mjest'e nachod'í sa len suchá hľilina, ...na druhom mjest'e je ale hľilina tá vodnatá* (OT. 112).

Словообразовательный тип «основа качественного прилагательного + суффикс -av(a)». Тип непродуктивный, его представляют лишь единичные образования, например: *černa* (форма, встречающаяся в бернолаковских текстах) или *čierňava* (в текстах шутовского периода). Данная лексема может выступать как с отвлеченным значением 'чернота, мрачность', так и с конкретным значением 'мрак, черная туча', ср.: *Už studenost' a šerá od rólnoci černa stává* (Hollý. Na sl. nár. 110); *I smolná z hroznú vistúpí černa tvárú* (Hollý. Sv. 119); *Nad horou hromová zavisla čerňava* (OT. 25).

В заключение еще раз отметим, что описанные выше словообразовательные типы отвлеченных имен существительных характеризовались сложными и разнообразными лексико-семантическими и словообразовательными отношениями. Так, между ними нередко устанавливались синонимические связи, которые проявлялись, в частности, в словообразовательной вариативности. Речь идет о соотношении семантически тождественных или близких по лексическому и словообразовательному значению однокоренных производных слов, оформленных разными суффиксами. Словообразовательная вариативность была представлена по преимуществу парными параллельными производными типа *bujnost' – bujnota*, *bystrost' – bystrota*, *čerstvost' – čerstvota*, *náhlost' – náhlotá*, *prudkost' – prudkota*, *tučnosť – tučnota*; *hnilost' – hniloba*, *starost' – staroba*; *chriplost' – chriplina*, *strakatost' – strakatina*; *lakomost' – lakomstvo*,

surovost' – surovstvo, zúfalost' – zúfalstvo. Значительно реже встречались многочисленные цепочки однокоренных разносуффиксальных отвлеченных существительных типа cudzost', cudzota, cudzina; hlúpost', hlúpota, hlúpstvo; nahost', nahota, nahoba.

Анализ текстов на литературном словацком языке рассматриваемого периода показывает, что наряду со сходством семантики, употребления и стилистической окраски подобных параллельных образований последние характеризовались также определенными различиями (более подробно см. об этом четвертую главу). Между некоторыми из них возникали отношения конкуренции, что способствовало вытеснению функционально слабых элементов на периферию лексико-словообразовательной системы. В целом можно сказать, что даже в синхронном плане разряд отвлеченной лексики представлял собой достаточно динамичное звено словарного состава литературного словацкого языка эпохи национального возрождения.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Виноградов В. В.* О некоторых вопросах русской исторической лексикологии // *В. В. Виноградов. Избранные труды. Лексикология и лексикография.* М., 1977, с. 70.

2. Более подробно об этом см.: *Смирнов Л. Н.* Формирование словацкого литературного языка в эпоху национального возрождения // *Национальное возрождение и формирование славянских литературных языков.* М., 1978, с. 86–157.

3. *Horecký J.* K charakteristike štúrovského lexika // *Linguistica Slovaca.* 4–6. Bratislava, 1946–1948, s. 279–298.

4. *Habovštiaková K.* Bernolákovo jazykovedné dielo. Bratislava, 1968.

5. *Kondrašov N. A.* Vznik a začiatky spisovnej slovenčiny. Bratislava, 1974.

6. См.: *Смирнов Л. Н.* О словообразовательной вариативности отвлеченных существительных в литературном словацком языке на начальном этапе его развития // *Славянское и балканское языкознание. Проблемы лексикологии.* М., 1983, с. 38–54.

7. Ср.: *Buffa F.* O slovotvornej štruktúre slov typu kritičnosť // *Jazykovedné štúdie.* II. Jónov zborník. Bratislava, 1971, s. 93–95.

8. Ср.: *Laciok M.* K distribúcii morféme -ost' a -ota v básnickom jazyku B. Tablica // *Slavica Slovaca.* Bratislava, 1971, č. 3, s. 267–269.

9. См.: *Pauliny E., Ružička J., Štolc J.* Slovenská gramatika. Bratislava, 1963, s. 148. *Pauliny E.* Slovenská gramatika. Bratislava, 1981, s. 75. Я. Горещкий, выделяя зависимый вариант *-(c)tvo*, замечает, что мы имеем дело

собственно с суффиксом *-tvo* (Horecký J. Slovo tvorná sústava slovenčiny. Bratislava, 1959, s. 135, 137). За вычленение вариантного форманта *-tvo* высказывается Ф. Данеш (Tvoření slov v češtině. 2. Odvozování podstatných jmen. Praha, 1967, s. 481). Мы в своей работе придерживаемся традиционной точки зрения по данному вопросу и вычленяем вариантный суффикс *-ctv(o)*, хотя и признаем принципиальную допустимость и другого членения рассматриваемых производных.

10. См.: Gramatické dielo Antona Bernoláka. Na vydanie pripravil a preložil J. Pavelek. Bratislava, 1964, s. 455, 459.

11. Виноградов В. В. Русский язык. М., 1947, с. 121–122.

12. Теоретическое освещение этого вопроса см.: Ермакова О. П. О некоторых закономерностях в расщеплении структурной и семантической мотивации производного слова // Актуальные проблемы русского словообразования. I. Самарканд, 1972, с. 68–72.

13. См.: Бузашниова К. Взаимоотношение между словообразовательным и лексическим значениями транспозиционных производных // Recuell linguistique de Bratislava, Vol. VI. Bratislava, 1982, s. 43.

14. Там же.

15. Там же.

16. К. Бузашниова замечает: «При наличии значения свойства у производного существительного *otcovstvo* мы имеем дело с транспозиционным производным, так как лексическое значение производящей основы при деривации *otcovský* – *otcovstvo* не меняется...» (Там же.).

17. Gramatické dielo Antona Bernoláka..., s. 457.

Глава 6

РАЗВИТИЕ ЛЕКСИКИ ЛИТЕРАТУРНОГО СЛОВАЦКОГО ЯЗЫКА ШТУРОВСКОГО ПЕРИОДА

1. В истории литературного словацкого языка шутовский период, охватывающий тридцатые – сороковые годы XIX в.¹, занимает определяющее место. Именно в середине XIX в. в общественно-культурную жизнь Словакии вошел новый вариант литературного словацкого языка, базирующийся на среднесловацком культурном интердиалекте. Концепция нового литературного словацкого языка, обоснованная в научных трудах (*Štúr L. Nárečia slovenskuo alebo potreba písanja v tomto nárečí. V Prešporoku, 1846; Nauka reči slovenskej. V Prešporoku, 1846*) и публицистических статьях Штура и нашедшая отражение в его кодификаторской и нормализаторской деятельности, явилась неотъемлемой составной частью общей программы борьбы прогрессивной словацкой интеллигенции за национально-культурное пробуждение родного народа².

Новому литературному языку шутовцы придавали большое значение как орудию просвещения народных масс, как эффективному средству преодоления неграмотности и культурной отсталости. Кодифицированный Штуром литературный язык («штуровщина») был тесно связан с местными словацкими говорами, с живой разговорной речью и с языком народной словесности. Для проникновения нового литературного языка в широкие слои словацкого общества существенное значение имела не только публикуемая на нем богатая художественная литература, но и издаваемая Штуром первая газета на словацком языке «Словацкая национальная газета» (1845–1848) с литературным приложением «Орел татранский».

Система литературно-языковых норм, узаконенная Штуром, охватывала различные уровни и стороны языковой структуры. При этом наиболее детально были разработаны правила правописания,

фонетики и морфологии³. Что же касается лексики, то, как известно, Штур не оставил после себя ни нормативных словарей, ни специальных лексикологических исследований. Тем не менее он уделял значительное внимание вопросам развития и нормализации словарного состава молодого литературного языка: в его лингвистических трудах, в ряде рецензий и публицистических статей находим немало высказываний по данной проблематике как теоретического, так и конкретного характера. Показательна в этом плане также его редакторская практика, нашедшая отражение в «Словацкой национальной газете» и «Орле татранском».

По сравнению с фонетическим и грамматическим строем лексика штуровщины в силу ряда объективных причин не столь радикально отличалась от лексики чешского разговорного языка⁴. Все же Штур стремился показать, что и этой сфере между словацким и чешским языками наряду с чертами общности и сходства имеются определенные различия в словарном составе, в словосочетаниях и фразеологизмах, в словообразовательных средствах, в чем, по его мнению, проявлялась этнокультурная самобытность словацкого языка. В связи с этим он придавал большое значение обогащению словарного состава нового литературного языка местной диалектной лексикой и элементами народно-поэтической речи. Вместе с этим Штур хорошо понимал, что кодифицированный им литературный язык не может ограничиваться лексикой, бытовавшей в среднесловацких говорах и в разговорной словацкой речи интердиалектного характера, что он нуждается в более широкой и разнообразной словарной базе, которая могла бы удовлетворять потребности в номинации различных предметов, понятий и явлений, характерных для новых условий жизни словацкого общества в эпоху национального возрождения. Свое видение путей и способов пополнения литературной лексики Штур кратко сформулировал в «Объявлении о Словацкой национальной газете и Орле татранском», где было сказано: «Народ, который в науках (*scientia*) на своем языке до сих пор мало что сделал, у которого не было высшей общественной жизни, не обладает и словами, относящимся к этим высшим предметам (*objectum*), поэтому, желая взяться за это, он вынужден прибегать к образованию или заимствованию слов. И нам придется так поступить» [Slovenskije národněje novini, 3].

Вводя в культурный обиход литературный язык, штуровцы заботились о том, чтобы он был понятен для различных слоев

словацкой нации. Штур писал, что в то время, когда народ «со дня на день все больше пробуждается к духовной жизни», обязанность его духовных вождей «всеми возможными способами поддерживать расцвет высшей жизни»⁵, и подчеркивал, что лучше всего это удастся сделать, если писать на понятном народу языке. «Если мы будем вынуждены употребить малоизвестные или совсем неизвестные слова, — замечал он, — то мы сразу же объясним их в скобках (*in parenthesi*)» [Slovenskije národňje novini, 3]. И действительно, Штур и его современники, раскрывая значение того или иного слова, приводили в скобках иноязычные эквиваленты, ср.: hláska (Laut), nářečja (dialectus, Mundart), nedostatok (defectus), obecnstvo (publicum), písmeňa (literae), smer (die Richtung) и т. п. или словацкие синонимы, например: daromňica (bagateľ), krám (sklep), obchod (kupčeňja), podobizeň (obraz), pokrovec (koberec) и др. При описании штуровской лексики этот способ раскрытия значения слова или введения в литературное употребление новообразований неоднократно отмечался исследователями, в том числе Г. Бартеком⁶, Я. Горецким⁷, Н. А. Кондрашовым⁸, Л. Н. Смирновым⁹, Э. Паулини¹⁰. Я. Горецкий условно назвал данный способ «скобочной практикой» («*zátvorková prax*», ср. *zátvorka* 'скобка')¹¹. Между тем до сих пор подобная практика на материале штуровского литературного языка специально не изучалась, хотя она представляет несомненный интерес в плане освещения сознательных усилий штуровцев, направленных на развитие и обогащение словарного состава литературного языка. Попутно заметим, что такая практика не является словацкой спецификой, аналогичный способ раскрытия лексического значения слова используется и на материале других славянских языков (ср, например: Бобкова¹², Николова¹³; Иванова¹⁴).

В данной главе делается попытка несколько подробнее охарактеризовать «скобочную практику» в словацких литературных текстах штуровского периода, выявить функциональную нагрузку приводимых в скобках слов, показать различные конкретные приемы реализации данного способа объяснения малоизвестных или новых слов и значений, определить основные группы слов, значение которых раскрывается в тексте указанным способом. Фактический языковой

⁵ В приводимых примерах сохраняется орфография источника, указывается его сокращенное название (SNN или OT) и соответствующая страница переиздания.

материал для анализа и описания собран нами путем выборки по текстам «Словацкой национальной газеты» («Slovenskje národnje novini», 1845–1848) и «Орла татранского» («Orol Tatrański», 1845–1848).

2. При рассмотрении данного вопроса в научной литературе обычно отмечается, что значение слова или словосочетания раскрывается в скобках при помощи латинских или немецких эквивалентов. В подавляющем большинстве случаев это действительно так, например: *bjedni poplatní lud* (*misera contribuens plebs*) [SNN. 5], *hospodár* (*colonus*) [SNN. 201], *ñprftomní* (*absentes*) [SNN. 418], *pokladník* (*perceptor*) [SNN. 201], *víminka* (*conditio*) [SNN. 516], *meřtanosta* (*Bürgermeister*) [SNN. 1087], *oddjel* (*Abteilung*) [SNN. 15], *okres* (*Kreis*) [SNN. 61], *posádka* (*Garnison*) [SNN. 67], *prñieska* (*der Beitrag*) [SNN. 24], *stroj* (*Maschine*) [SNN. 120], *úverečnje listi* (*Creditbriefe*) [SNN. 118] и многие другие. Нередко латинский и немецкий эквиваленты приводятся одновременно, например: *jednotlivci* (*individua, Einzelne*) [SNN. 25], *lod'* (*navis, das Schiff*) [SNN. 1], *ñdostatok* (*defectus, der Mangel*) [SNN. 17], *obchod* (*Handel, commercium*) [SNN. 21], *predsudok* (*praejudicium, das Vorurteil*) [SNN. 38], *na jeho prñpet'f* (*in radice, auf dem Bergfusze*) [OT. 6], *túžba* (*aviditas, Sehnsuch*) и т. п. Все же, как показывает анализируемый материал, ситуация в целом несколько сложнее.

Во-первых, значение словацкого слова иногда раскрывается при помощи не латинского или немецкого эквивалента, а освоенного словацким языком заимствования (разного происхождения, в том числе латинского или немецкого), ср. *zásada* (*principium, Grundsatz*) [SNN. 6], и *zásada* (*princíp*) [SNN. 63]. В сравниваемых примерах слова, приведенные в скобках, выступают в разной роли. В первом случае – это лексические единицы не словацкого языка, а соответственно латинского и немецкого языков, имеющие подчеркнuto вспомогательную функцию и выступающие как межъязыковые эквиваленты словацкого слова, которые дают возможность читателю уяснить его лексическое значение. Во втором – это лексический элемент словарного состава литературного словацкого языка, выступающий в качестве синонима объясняемого словацкого слова (и в этой функции, естественно, уточняющий значение соотносительного наименования), ср. аналогичные примеры: *dozorca* (*inřpektor*) [SNN. 149], *lehota* (*termín*) [OT. 514], *ljev* (*řpiritus*) [SNN. 140], *peřazomeñec* (*bankír*) [SNN. 317], *skutok* (*akt*) [OT. 721], *strojd'elník*

(mašinista) [SNN. 311], tajomník (sekretár) [SNN. 123], účastinár (akcionár) [SNN. 338], veľikáš (magnát) [SNN. 70], vislobod'eňja (emancipácia) [SNN. 1098], vlasat'ice (kometi) [OT. 286], zapisovat'el (notár) [SNN. 400] и т. п.

Во-вторых, в качестве эквивалентов, приводимых в скобках, могут выступать не только латинские или немецкие слова, но и лексические единицы других иностранных языков, в частности, венгерского, ср.: паромос (pártolás) [OT. 734], odpis (példány) [SNN. 1106], ochranní spolok (védegyelet) [SNN. 66], slobodní obce (szabad községek) [OT. 300] и др. Иногда в скобках приводятся одновременно немецкий и венгерский эквиваленты словацкого наименования, например: pívovje koreňe (Quekenwurz, taraczkgyöker) [OT. 446]. Нами зафиксировано также употребление в качестве поясняющих слов французских эквивалентов. Правда, подобные примеры обычно встречаются в текстах, в которых повествуется о различных сторонах жизни Франции, ср.: Na čele každého departamentu stojí *prefekt* (*le préfet*) [OT. 114]; Takíto okres činnosťi jako prefektou, len že v menšom okrese a spôsobom majú *podprefekti* (*les sous-préfets*) [OT. 115]. Французские эквиваленты употребляются, однако, и при описании местных (словацких и венгерских) реалий и событий, например: Uhorsko <...> podľa jeho sporjadajňa a mravou že vraj prináleží k východu – *základ* (*la base*) všetkých pochopou že ostáva predca récko-slovenský [SNN. 258]; Farár meskí <...> poberau sa s celým množstvom ludu a národnou gardou na rínek náš prjestranní, kd'e sa *slavná stráž* (*corps de garde*) vistavila [SNN. 1118].

В-третьих, довольно часто словацкое слово объясняется словацким же синонимом (примеры такого рода приводились выше, более подробно этот прием будет рассмотрен далее).

В-четвертых, значительную по числу группу составляют случаи, когда заимствованное наименование поясняется в скобках словацким словом или словосочетанием, например: bill (návrh) [SNN. 48], corvetta (malá loď) [SNN. 12], deputácia (vislanstvo) [OT. 117], charta (ústava) [SNN. 356] и др. (подробнее об этом см. ниже).

В-пятых, изредка встречаются такие примеры, в которых в скобках приводится иноязычный эквивалент вместе со словацким или чешским синонимом вводимого в литературный текст нового слова, ср.: mohovitost'i (das Vermögen, majetnost'i) [SNN. 78], bleskom a slávou otočení (obklíčení, circumdatus, umrungen) [SNN. 1].

Наконец, отметим и такой прием, как постанова в скобки не эквивалента или синонима, а определения, толкования или описательного пояснения, например: *diktatúra* (neobmedzeno jedneho vladára) [OT. 722], *farinácia* (viberaňja múki alebo zbožja na oblátky) [SNN. 271], *láva* (horúca materia, látka) [SNN. 108], *ústav gazdovskí* <...> je spojeňja úročňkou (údou úrok z peňazí svojich berúcich) [OT. 158], *vulkán* (oheň hádzajúcich vrchou) [OT. 304]. При этом иногда пояснение приводится вместе с эквивалентом, ср.: *Sporiteľnice budú muocť na tento spôsob podnikavých (Unternehmer; ktorí predsebaberú) priemyselňskou* <...> [SNN. 81]. Интересный прием пояснения представлен в следующем примере: *Iní zase narádzali, aby sa okolo Frankfurtu rozložila německá mlád'ež, tak nazvaní borci (Turner, od borit' sa) a žjaci na obranu síd'ených tam Němcov* [SNN. 1128]. Здесь не только называется немецкий эквивалент производного имени существительного *borci* 'борец, спортсмен', но и прямо указывается мотивирующее его слово *borit' sa* 'бороться, биться'.

Пояснения в скобках используются в анализируемых текстах при словах, относящихся к разным частям речи, ср. следующие примеры с глаголами: *Oňi bi ho naraz z cirkve vihod'ili a prekljali (excommunicovali)* [SNN. 578]; *Úkazi a postup tento razja (charakterisujú) celí stredňi vek* [SNN. 65], *K jednomu koncu náboženstvo i viučuvaňje ludu účinkuie (agit, wirkt) t. j. človeka človekom urobít' sa namáha* [SNN. 6]; *Potom sa uvereňiu (autentikuvau) obežní list Pešťanskej stolice* [SNN. 55]; с прилагательными: *A tak už i jeho pospolití (publicus) život na tých základoch spočívau* [OT. 8]; *Najvetší hádku pri obnove úrad rečňickí (orátorskí)...* [SNN. 188]; <...> *štuchaňfm palice do šopkat'elovej (suflerovej) búdki všemožne pomáhat' usilovali* [OT. 230]; <...> *a k tomu vňešních (externus, äusserlich) potrjeb málo* [SNN. 17]; с наречиями: *Alebo odbavovala bi si obec roboti hromadňe (summárňe)* [SNN. 329]; *V tom okamžeňi zaspievau len tak něvdojak (ex improviso) slávu toho dňa jeden Srbín* [SNN. 192]; *...vo veľkých ale mestách málo sú lud'ja vzájemňe (wechselseitig) si známi* [SNN. 70].

Однако чаще всего подобного рода объяснения находим при именах существительных. Эти случаи мы рассмотрим более подробно, отдельно анализируя «скобочную практику» в отношении

новых или малоизвестных собственно словацких и иностранных слов («европеизмов»).

3. Прежде всего отметим, что с пояснениями в скобках вводились в литературные тексты многие названия новых реалий, предметов, понятий и явлений, связанных с общим развитием цивилизации и культуры. К ним можно отнести, в частности, следующие неологизмы (все они не зафиксированы в Словаре Бернолака): *d'alekohlad* 'телескоп', *d'alekopis* 'телеграф', *hnací stroj* 'двигатель', *parotlač* 'паровой пресс', *rušeň* 'локомотив', *t'eplomer* 'термометр', *skoropis* и *t'esnopis* 'стенография', например: ...ked'bi spisuvat'el ku cigáňovi Ferovi, Heršla s jeho *d'alekohladom* (*teleskopom*) posad'iu [SNN. 219]; Medzi Vjedňou a Prahou bud'e *d'alekopis* (*thelegraph*) [SNN. 144]; Čast'ejšje už bola reč o tom, že v Belgii sa sprobúvali *hnacje stroje* (*Propulseur*) [SNN. 60]; *Tlače* (*Pressen*) <...> majú sa o ňedlho *parotlační* (*Dampfpressen*) rozmnožiť [SNN. 156]; Tak ponad vodopádi polet'í *rušeň* (*Locomotive*) sipjac a kúrjac s povozom svojím [OT. 704]; V «Zlomkach z umeňja fizickjeho» uč' vidavat'el o *t'eplomere* (*thermometri*) [OT. 685]; Professor Heger, ktorí na universit'e Vjed'enskej *t'esnopis* (*stenografiu*) českí učiu, trímal ňedávno skúšku... [OT. 584].

Для обозначения новых реалий иногда использовались также бытовавшие ранее в словацком языке слова, которые в связи с этим приобретали новые значения. Так, в частности, слово *ohrada* 'забор, ограда, изгородь' получило новое значение 'баррикада', ср.: *Strašná zbura nastala... V okamženi boli stá a stá ohrád* (*barrikád*) vo všetkých ulicach vistavänje [SNN. 1092]. См. также: ...kd'e z viváženích kameňov dlažobních *ohradu* (*barrikádu*) zrobili [SNN. 1111]. В современном словацком литературном языке слово *ohrada* в указанном значении не употребляется, для этого служит лексема *barikáda*.

Наиболее активно в штуровский период пополнялся разряд абстрактной лексики, характерный для литературного языка в отличие от диалектной речи. В интересующем нас аспекте в анализируемых текстах широко представлены имена существительные, называющие понятия, действия или признаки в отвлечении от субъекта действия или носителя признака. Многие из них вводились в литературное употребление с внутритекстовыми пояснениями в виде приводимых в скобках иноязычных эквивалентов

(главным образом латинских и немецких) или заимствованных слов – синонимов, например, *blaho* 'благо, добро', *mjenka* 'мнение, взгляд', *mjenká verejná* 'общественное мнение', *náložba* 'проблема, задача', *názor* 'взгляд, мнение, точка зрения', *podstata* 'сущность, существо', *rovaha* 'характер, натура', *predstava* 'представление', *prjetvor* 'видоизменение, метаморфоза', *rozum* 'разум', *sústava* 'система', *úloha* 'задача, проблема', *záujem* 'интерес', ср.: ...*zisk svoj pre blaho (das Wohl)* bližních svojich obetovať vižaduje kresťanská povinnosť [SNN. 38]; *Význam myšlienki tej, o ktorej je tu reč, volá sa običajne «mjenka verejná» (opinio publica)* [SNN. 487]; *Posledne toho roku vec tak pokračuje, že náložbu (Problem) moju skoro všeobecne za rozuzlenú držia* [OT. 596]; *Predca ale z týchto samých povestí poznávame hlavňi názor (die Anschauung, intuitus) náboženský predkou našich* [OT. 58]; *Medzi tímto ústavmi najznamenitejšje... sú sporiteľnice. Podstata (das Wesen) ich zálež v tom, že...* [SNN. 73]; *Jednota duchovná a jednotvárnosť massi nežmyselná sú dva docela naprjek si postavenje pochopi (conceptus; der Begriff)* [SNN. 220]; ...*pod vtokom kresťanstva a s ním spojených predstav (die Vorstellung) o Bohu, svet'e a život'e...* [OT. 66]; <...> a ten je *pantheism (všebožstvo)*, ukazujúci sa v ustavičných *prjetvoroch (avantaroch, metamorphosach)* [OT. 58]; *Momenti tohoto povedomja sú predstaveňja, pamet', rozum (Verstand)* [OT. 484]; *Literatúra a osveta je sústava (sistém) nervová v národňom t'ele vlast'i* [OT. 562]; «*Mladí si Ti, rod náš drahí, a úloha (problema) Tvoja je: <...>*» [SNN. 185]; *V susednej Uhorskej krajiňe vistúpili čo len na čas višje záujmi (interessi) ľudskje* [OT. 429]. Ср. также: *hmota (das Material)* [OT. 50], *menšina (Minorität)* [SNN. 48], *pomer (relatio, das Verhältnis)* [SNN. 6], *ráz (charakter)* [SNN. 185], *rod'ina (familia)* [SNN. 6], *udalosť (Begebenheit)* [SNN. 154], *všluch (audiencia)* [SNN. 1088], *vzt'ah (relatio)* [SNN. 189].

Большинство из упомянутых слов сохранилось и в современном словацком литературном языке. Вместе с тем в их ряду были и такие наименования, которые не закрепились в употреблении. Прежде всего это относится к индивидуальным новообразованиям, которые пытались вводить в литературный язык отдельные представители словацкого национально-возрожденческого движения, в частности М. М. Годжа, С. Б. Гробонь, Цт. Кох, М. Годра. Так, например,

ренция', účas'tina 'акция', úverok 'кредит', úvereční ústav 'банк', zmenka 'вексель', ср.: Jeho Svetlost' <...> ráčiu k ist'ine (*kapitálu*) literatúrneho spolku 100 cisárskich dukátou velikomisľne daruvat' [SNN. 10]; K lahšiemu splácaňú akcií von z mesta usporjadali sa *jednat'elstvá* (*agencie*) [SNN. 151]; ...našposledok aj ňječo o *obchod'e* (*Handel; commercium*) [SNN. 21]; ...a tím samím sa *vľuční obchod* v doháňe (*monopol*) napomáha [SNN. 580]; Uzavrelo sa, abi sa tje dávkí ňekládli do *pokladňice domácej* (*cassa domestica*) [SNN. 290]; Kňihí do kňihovňe kupovali bi sa z *prňnesjek* (*der Beitrag*) peňažitých samých poslucháčou [SNN. 21]; Kdo teraz *prjemislu* (*Industrie*) sa ňechitá musí naspet ostat' [OT. 93]; Kebi u nás už prjemisel kvitnuv ludstvo toto bi do fabrik a *rukod'jelen* (*manufaktura*) na pospol prechádzalo [SNN. 74]; Lebo akože ňevedomí, suroví náš hospodár, remeselník, kupec vistorí *úbeh* (*concursum*) s hospodárom, remeselníkom a kupcom mad'arským a ňemeckým [SNN. 1125]; Cena *účas'tini* (*akcie*) je 5 dukátov [OT. 4213], ...vláda všetkí dlžobi svedomit'e spláca, čo *úverok* (*Credit*) Portugalskej zeme upevňuje [SNN. 216]; Kupci teda na inakš spusob museli sa viplácat' a tu povstali *zmenki* (*Wechsel*) [SNN. 77].

К этой же тематической группе относятся наименования: рождичí ústav (Leihanstalt) [SNN. 81], ročná pomoc (subsidium) [OT. 235], robotňica (Zwangarbeitshaus) [SNN. 283], rukod'jelni tovar (Manufakturwaaren) [SNN. 1000], vivlastňeňja (expropriatio) [SNN. 399], úpis (kontrakt) [SNN. 247], úrok (interest) [SNN. 14], zmluva (contract) [SNN. 31] и др.

Среди наименований с внутритекстовыми пояснениями одну из наиболее многочисленных групп составляют слова, обозначающие понятия и явления из общественно-политической и административно-государственной сфер, например, *jednovláda* 'монархия', *meská rada* и *meskí úrad* 'магистрат', *mešt'anosta* 'бургомистр', *námestňictvo* 'совет наместников', *pávod* 'инструкция', *obnova* 'восстановление, реконструкция, реорганизация', *odpust'eňja* 'амнистия', *pravota* 'судебный процесс', *prestavuvanka* 'реорганизация; выборы', *prevrat* 'революция, (государственный) переворот', *st'eňovaňja* 'миграция', *náhli súd* 'чрезвычайное положение, закон военного времени; военно-полевой суд', *trjeda* 'класс', *ústava* 'конституция', *vľbor* 'комитет, комиссия', *voleňja* 'выбор, избрание', *zápisňica* 'протокол', *znovuzrja-*

ktorú tuná duch jeho javí [OT. 154]; Hnusná jeho ňecnosť *sebestvo* (*egoismus*) [SNN. 33]; Spolok tento <...> vzd'ajený od všetkej času nášho ňervoznosťi a *strannost'i* (*Parteilichkeit*) [OT. 142]; Potom hovorí pápež <...> o náboženskej stud'enessi (*indifferentisme*) [SNN. 582]; Tímto ale som tú *šjalenosť* (*fanatism*) aňi len z d'aleka ňechceu zaš'epiť a vrod'it' [OT. 117]; Ostatňe každý bedlivý čitat'el toho článku spozoruvau bezpochibi jaká z ňeho *zadumelosť* (*Einbildung*) vikukuje [OT. 181].

Вместе с тем следует отметить, что существительные на *-ost'* и *-stvo* (*-ctvo*) могли выступать и со значением конкретного предмета или понятия, например: ...že ku skutočnosťi a j *misliť'ečnosť* (*Theorie*) nájdú [OT. 96]; Chíri sa rozňesli že tento ochranný spolok preto uvjedli, abi sa *skvostnosť* (*luxus*) a nádhera vo všetkých vecach pominuli [SNN. 66]; No jestliž taká známejšja *slovúťnosť* (*Auctorität*) vuoňu mojich d'ord'injek za príjemnú uzná: vec je úplne istá [OT. 597]; Stredňja *t'eplosť* (*temperatúra*) letňích dní 18' bola [OT. 45]; ...tam sa musí celá *ústrojnosť* (*organismus*) rozpadnúť [SNN. 159]; V Pruskom štát'e... viučuváňje verejnuo znameňito sa darí a *vzd'elanosť* (*cultura, die Bildung*) na vidomoči zovšebecňuje [SNN. 6]; ...ale *poručensťvo* (*testament*) víslovňe zňeje: <...> [SNN. 55]; Prefektovja okresní dostali rozkaz, abi každý a najmenší znak dákeho *rozkolňictva* (*schisma*) ministerstvu a biskupom oznámili [SNN. 607].

Значительную группу новых или малоизвестных слов, вводимых в литературное употребление с пояснениями в скобках, составляют наименования, относящиеся к финансово-экономической, промышленной и торговой сфере. Становление различных отраслей капиталистического производства, развитие торговли и рыночных отношений порождали потребность в существенном расширении и обновлении номинативных средств литературного языка, что стимулировало развитие и пополнение его словарного состава, в частности, терминологической и специальной лексики. С иноязычным эквивалентом или с заимствованным словом – синонимом объясняемого наименования – нами зафиксированы следующие слова: *ist'ina* '(основной) капитал', *jednat'elstvo* 'представительство, агенство', *obchod* 'торговля', *vľuční obchod* 'монополия', *rokladňica* 'касса', *príňeska* 'денежный взнос, вклад', *prjemisel* 'промышленность', *rukod'jelna* 'мануфактура', *sporit'elna* и *sporit'elňica* 'сберегательная касса', *úbeh* 'конку-

пенция', účast'ina 'акция', úverok 'кредит', úvereční ústav 'банк', zmenka 'вексель', ср.: Jeho Svetlost' <...> ráčiu k ist'iňe (kapitálu) literatúrneho spolku 100 cisárskich dukátou velikomislňe daruvat' [SNN. 10]; K lahšiemu splácaňú akcií von z mesta usporjadali sa *jednat'elstvá (agencie)* [SNN. 151]; ...naposledok aj ňječo o *obchod'e (Handel; commercium)* [SNN. 21]; ...a tím samím sa *víluční obchod* v doháňe (*monopol*) napomáha [SNN. 580]; Uzavrelo sa, abi sa tje dávkí ňekládli do *pokladňice domácej (cassa domestica)* [SNN. 290]; Kňihi do kňihovňe kupovali bi sa z *prűnesjek (der Beitrag)* peňažitfch samfch poslucháčou [SNN. 21]; Kdo teraz *prjemislu (Industrie)* sa ňechitá musf naspet ostat' [OT. 93]; Kebi u nás už prjemisel kvitnuv ludstvo toto bi do fabrik a *rukod'jelen (manufaktura)* na pospol prechádzalo [SNN. 74]; Lebo akože ňevedomí, suroví náš hospodár, remeselník, kupec vistorí *úbeh (concurus)* s hospodárom, remeselníkom a kupcom maďarským a ňemeckým [SNN. 1125]; Cena *účast'ini (akcie)* je 5 dukátov [OT. 4213], ...vláda všetki dlžobi svedomit'e spláca, čo *úverok (Credit)* Portugalskej zeme upevňuje [SNN. 216]; Kupci teda na inakš spusob museli sa viplácat' a tu povstali *zmenki (Wechsel)* [SNN. 77].

К этой же тематической группе относятся наименования: požíční ústav (Leihanstalt) [SNN. 81], ročná pomoc (subsidium) [OT. 235], robotňica (Zwangsarbeitshaus) [SNN. 283], rukod'jelni tovar (Manufakturwaren) [SNN. 1000], vivlastňeňja (expropriatio) [SNN. 399], úpis (kontrakt) [SNN. 247], úrok (interest) [SNN. 14], zmluva (contract) [SNN. 31] и др.

Среди наименований с внутритекстовыми пояснениями одну из наиболее многочисленных групп составляют слова, обозначающие понятия и явления из общественно-политической и административно-государственной сфер, например, *jednovláda* 'монархия', *meská rada* и *meskí úrad* 'магистрат', *meš'anosta* 'бургомистр', *námestníctvo* 'совет наместников', *návod* 'инструкция', *obnova* 'восстановление, реконструкция, реорганизация', *odpust'eňja* 'амнистия', *pravota* 'судебный процесс', *prestavuvanka* 'реорганизация; выборы', *prevrat* 'революция, (государственный) переворот', *st'ehovaňja* 'миграция', *náhli súd* 'чрезвычайное положение, закон военного времени; военно-полевой суд', *trjeda* 'класс', *ústava* 'конституция', *víbor* 'комитет, комиссия', *voleňja* 'выбор, избрание', *zápisňica* 'протокол', *ziovuzrja-*

d'eňja 'реорганизация, восстановление', ср.: «...ñeprestau som bit' stálim a odhodlaním prívržencom ústavnej *jednovládi (Monarchie)*» [SNN. 228]; Dñes ráno o hod'. 10. išlo horvatsko vislanstvo k *meskjemu úradu (Magistrátu)* [SNN. 1103]; V tejto hlavnej porad'e muožu *návodí (inštrukcie)* od strednej spravi... predñesenje bit' [OT. 436]; V tjeta dñi sa počala *obnova (reštaurácia)* pri vrchnost'i našej [SNN. 1160]; Práve teraz višlo *odpusťeňja (amnestia)* všetkim, čo sa boli prot'i vlád'e pápežskej zbúрили [SNN. 426]; I to eš'te *podotknúť nálež', že* 29. Červenca t. r. bud'e sa držat' *stoličná prestavuvanka (restauracia)* [SNN. 3]; Po *prevrat'e (revolúcia)* ale francúskom i ona (Helvécia) sa francúskej moci poddat' musela [OT. 138]; Običajná povaha *st'ehovaňja (migrationis)* tá býva, že... [OT. 290]; V Trst'enom ho lapili na skutku, ...*náhli súd (Standrecht)* ho višetruvau, ale na smrť ñeodsúdiu [SNN. 569]; Gazetta Lvovská od 6. vel. rujna prináša... ohlas *náhleho súdu (jus statorium)* [SNN. 522]; ...a prjemisel sa tjež zmáhat' začína, rast'je teda spolu s tímto aj *trjeda (classis)* ludu chudobnjeho [SNN. 73]; Velká dobrota nášho cisára s ud'elením *ústavi (konstitúcie)* roztrhla železnje putá zñemčujúcej burokracie [SNN. 1119]; Po skončení tohoto vzau sa hore návod pre budúci náš sñem, podaní od istjeho k tomu menuvanjeho *víboru (Ausschuss)* [SNN. 15]; Ked' sa na druhí d'en hlasuvaňje pod večer skončilo, vid'elo sa, že p. Lentulay má len 974, a p. Žuvič 1289 hlasou, medzi ktorými bolo len zo samích Turopolcou 570, ktorje teda *voleňje (die Wahl, electio)* rozhodli [SNN. 11]; Včera král. plnomocník generál Pfuel oznámil, že... sa *znovuzrjad'eňja (reorganización)* polských krajov Poznaňských už začalo [SNN. 1163].

Некоторые слова данного ряда, функционировавшие в шутовский период, впоследствии вышли из употребления, например: вместо *jednovláda* в современном литературном языке употребляются слова *monarchia* или *samovláda*; в обследованных текстах наряду со словосочетанием *náhli súd* встречается и вышедшее из употребления синонимичное словосочетание *skorí súd*, ср.: *Skorí súd (statarium)* je v celej Haliči vihlásení [SNN. 284].

Военную лексику представляют такие наименования, как *jazda* 'кавалерия, конница', *novák* 'рекрут', *plukovník* 'полковник', *poručník* 'старший лейтенант', *posádka* 'гарнизон', *predboj* 'авангард',

puška 'ружье', štvorhran 'капе', záložnuo vojsko 'резерв' и др., ср.: ...ale zem táto pre jeho jazdu (*die Reiterei*) bola neprfležitá [OT. 6]; Jako sa počuje, bud'e sa pred svojim vtrhnut'ím do Bosni v Hercegovinë bavit', a tam *novákov (regrutou)* odberat' [SNN. 36]; Ústav tento stojí pod správou *plukovníka (Obriist)* Poinsoťa [SNN. 67]; ...a ešt'e večmi rozžalost'ení nad velikým nešt'est'ím, ktoruo zostalú rod'ínu padl'jeho *poručníka (Oberlieutenant)* zast'ihlo [SNN. 4]; Dakolko t'isíc konníkou vichit'ilo sa ešt'e oddat' sa naposledok do nášho pechúrstva, toto ale zavrúc sa do *štvorhranu (carré)*... vidržalo tento strašný útok [OT. 213]; *Posádka vojenská (garnison)* je rozmnožená [SNN. 67]; Německí vojaci prjam svoje *predboje (Vorhut)* s čerstv'íma mužni premjeňali [SNN. 1168]; ...a tu prihod'ilo sa, že vojsko naraz z ostro nabitých *pušjek (flint)* na všetki strani bez ohladu strjelat' začalo [SNN. 12]; ...a tak sa v čas potrebi aj *záložnuo vojsko (rezerva)* ozbrojit' mohlo [SNN. 1044].

Значительное число поясняемых лексем составляют слова и термины, относящиеся к сфере науки. Целую группу образуют, в частности, наименования самой науки и ее отдельных отраслей, например, наука, veda 'наука', d'ejepis 'история', jazikospit 'филология, языкознание', lekárstvo 'медицина', lučba 'химия', prírodopis 'природоведение', prírodoskus 'физика', ranárstvo 'хирургия', silospit (silozpit) 'физика', strojslovja 'механика', ср.: «A to je najjasnejše svedectvo o jeho veľkých o *vedi (scientia)* zásluhách» [SNN. 2]; ...abi sa *naukii (scientiae)* ...u nich v horvatskej reči prednášali [SNN. 16]; Tu sa už muože *d'ejopis (história)* predkladat' [SNN. 214]; Čo sa t'fka *jazukospitu (Philologie)* bou Kopitár žjakom Dobrovskjeho [OT. 16]; ...abi viložu obširne potrebu založeňja stolíc pre *lekárstvo* a *ranárstvo (medicina, Chirurgia)* [SNN. 108]; Ostatnje 4 stolice budú posvecenje matematike, *lučbe (chemie)*, *silospitu (physica)* [SNN. 21]; ...v druhej višej a) cvičeňje sa v reči mat'erskej <...> c) *prírodoskus (fysika)*... d) *prírodopis (historia naturalis; Naturgeschichte)* [SNN. 21]; Dr. Josef Arnstein, professor matematiki, *strojslovja (mechaniki)* a v'konnjeho zememeračstva [SNN. 540]. В этом же ряду можно отметить термины *bohoslovja (theologia)* [SNN. 339], *dušeslovja (Psychologia)* [OT. 600], *hospodárska nauka (Oeconomia)* [SNN. 72], *mluvozpít (philologia)* [SNN. 1164], *múdroslavja (philosophia)* [SNN. 339].

Некоторые из указанных наименований не удержались в литературном языке, например, *dušeslovja*, *lučba*, *mluvozpit*, *hospodárska nauka*, *prírodoskus*, *ganárstvo*, *strojslovja*, однако они представляют собой интересное свидетельство динамики словарного состава, поиска и отбора средств номинации на начальном этапе становления словацкой научной терминологии. Примечательно, что в литературном языке могли не удержаться даже такие термины, которые в рассматриваемый период послужили базой для образования цепочки производных, например, от слова *lučba* было образовано прилагательное *lučobní* 'химический', ставшее производящей основой для наречия *lučobne* 'химическим методом' и существительного *lučobník* 'химик', ср.: *K prosbe tejto i rozbor lučobní (analysis chemica) spomínanej vodi Koritníckej ...má sa pripojiť* [SNN. 134]; *Kvetolstki d'ord'injek lučobne (chemicki) vispituje p. Gurerovi v Pančove* [SNN. 231]; *Lučobníci (chemici) budú ich azda lučobne rozberať* [OT. 568].

Из лексики, относящейся к сфере культуры и образования, отметим следующие наименования: *letné divadlo* 'летний театр', *knižovňa* 'библиотека', *krajobraz* 'пейзаж', *listinárňa*, *listnica*, *listovňa* 'архив', *ples* 'бал', *pomník* 'памятник', *predmet* 'предмет (школьная дисциплина)', *prípravná škola*, *prípravňa* 'подготовительная школа', *skúsbí*, *skúski* 'экзамены', *sloh* 'стиль', *slovesnosť* 'литература', *umeňja* 'искусство', *všeučilisko* 'университет', ср.: *Po poludní bola host'ina v Bud'ínskom letnom d'ivadle (areňe)* [SNN. 139]; *...a uzavreli v Banskej Bistrici Slovenskú knihovňu (bibliotheca) založiť* [OT. 142]; *Je pekň, ako namalovaní krajobraz (Landschaftsgemälde)* [OT. 149]; *Z rubrík odpis príjmem jeden ja, druhí nech sa do zákonnej vrchnosti listnice (archivu) vlož* [SNN. 1153]; *...a v sobotu budúceho tídnja má sa tam nádherní ples (bál) držať* [SNN. 68]; *Medzi sochami nachádza sa i socha Žišku..., určená je ako pomník (monument) do Českej* [SNN. 8]; *V nižej škole bi boli hlavňje predmeti (objectum, der Gegenstand): a) čítaňje, b) pisaňje...* [SNN. 21]; *Učit'elovja títo sú zo škol pripravňích (praeparandae)* [SNN. 18]; *«...ja som teraz ňevelmi dobrej vuole, približujú sa skúsbí (examina), vela je roboti»* [OT. 13]; *Sloh (stylus) je ostatňje velmi čistí, vihlad'ení* [OT. 155]; *Mi sa tou nád'ejou t'ešime, že p. prednosta v známej svojej horlivosti o ňemeckú slovesnosť (literatúru) i na Slovenskú ňezabudňe* [SNN. 62]; *Europa... je korunou*

sveta. V ňej obfývajúce ľudstvo na najvyššom stupeni v každom ohľade vystúpilo v náboženstve, ...v umeňi (in der Kunst) [OT. 74]; Vuk Štefan Karadžič stau sa dňa 17. brezna t. r. čestným údom Charkovskjeho vŕšeučiliska (universiti) [OT. 535].

Ne ostanavlivajúc sa na opisaní druhých skupín slov, ktoré objaŕniajú sa v zátvorkách, odmetím, čo inozjazyčné ekvivalenty alebo zaimŕstvované slová – synonymy pojaŕniajúceho najmenovaní vykonávajú dŕžnú významorozdielnuú funkciu, akú reč ide o omonymoch alebo množoznačných slovách. Sp., napríklad, omonymy: druh 'sort, typ' a druh 'tovariŕ, druh, priateľ': Teraz si už ľud na d'ed'inách sad'í a ŕ'ep'í tje najvŕbornejŕe druhi (sorti) jablk a hruŕjek [SNN. 104]; Hlavňí a najmocnejŕi druhojva (socius) ích v novej vlast'í stali sa kmeni Slovanskje [OT. 36]. Príklady s množoznačnými slovami: náŕlov 'adresa' a 'zvanie, titul': Nachádzajú sa v ňej náŕlovi (adresi) vjed'enských kupcov, prjemiselňíkov atd'. [SNN. 1004]; On rozkazuje vojsku na mori a na suchej zemi; <...> dáva náŕlovi (titule), rád'í a čestnje pr'ímeňja [OT. 724]; okres 'rajón, okrug' a prenosné znanie 'sfera, oblasť, krug': Začali boli tu ňjktorí Nemeckí učitel'ja braterstva nášo čitat'elskú spoločnosť zakladať a duchu času v ích okresoch (Kreis) na tento spôsob pr'íchod a cestu... otvárať [SNN. 61]; «Prjali bi sme srd'ecňe, aby Bistrická sporiteľnica okres (der Umfang, circuitus) svojej činnosťi rozŕšila [SNN. 85]; ...je prinútení... aj jeho odstúpeňje z okresu (sphaera) tohoto účinkovaňja zložeňje úradu dozorskjeho oznámiť [SNN. 14]. Sp. takže: novíni prinášajú vážnu list'ínu (dokument) [SNN. 76], v menujúcej list'ine (decretum) stojú: <...> [SNN. 75], sbjerku list'ín (acta) censurovať [SNN, 493].

Ínohda ímejúceho pojaŕniajú v zátvorkách pomáhajú rozkrýť prenosné znanie daného slova. Tak, priame znanie slova blud'ica bolo 'planeta', napríklad: Blud'ice (planeti) na ňebi tak rozmaňitje medzi sebou... [OT. 562]. Ínohda ono mohlo upotrebať sa takže v prenosnom znaní 'zvezda', a tohda v kvalite pojaŕniajúceho slova ísť používajúceho druhé zaimŕstvenie, sp.: Na oblohe literatúri zjavila sa nová blud'ica (kometa) [OT. 536].

V niektorých prípadoch pojaŕniajú sa k takým najmenovaním, ktoré nosjú okkazíonalný charakter – v súčasnem

словацком языке они не употребляются или же считаются устаревшими, например, калька с немецкого *kĺzne željezka* 'коньки' (совр. *korčule*): ...na ktorjeho rozkaz z razu všetci puški do pyramíd pokládli, *kĺzne željezka (Schlittschuh)* pripáli a... po lad'e... sem i tam sa pohibovali [ОТ. 688]. Вышли из употребления также наименование *morská ihlica* 'компас' (совр. *kompas*), *prjedomná dlažba* 'тротуар' (в современном языке в этом значении используются слова *trotoár* и *chodník*) и др., ср.: *silozpit* а *lučba musejú* sa lepšie zdokonalit', ба и *vlastnosť i morskej ihlice (kompasu)* bližje viskúmat' [ОТ. 487]; ...i najd'alej pod tídnom mali bi sme celkom hotovú... pre nás dost' dobrú *prjedomnú dlažbu (Trotoir)* [SNN. 163].

4. Как уже отмечалось выше, в анализируемых текстах значение словацкого слова довольно часто поясняется не иноязычным эквивалентом или заимствованной лексемой, а словацким же словом, например, *horníctvo (baňíctvo)* 'горное дело', *krov (dach)* 'крыша', *sokolec (končiar)* 'вершина' и др. В отдельных случаях вместо синонима дается краткое толкование, ср.: *ked' sa pripraviteľni (semeniská učiteľskje)* na všetkých stranách zakladajú [ОТ. 541]; *Kováči* kujú šable а *kópije, až sa všetki vihňe (d'jelna kováčska)* len tak od iskjer ligotajú [ОТ. 31].

Как нам представляется, словацкие слова, приводимые в скобках, выполняют несколько иную функцию, чем иноязычные эквиваленты в аналогичной позиции. Они не только уточняют значение объясняемого слова, но и демонстрируют внутренние ресурсы словацкого языка: с их помощью формируются пары или целые ряды синонимических слов, что способствует обогащению выразительных средств литературного языка. При этом в качестве синонимов (полных или частичных) могут выступать как элементы общелитературной или книжной лексики, так и элементы живой диалектной речи. Заметим, что в литературных текстах шутовского периода между ними не всегда можно провести достаточно четкую границу.

К первой группе, на наш взгляд, можно отнести синонимы, которые приводятся при словах *baňík* 'шахтер, горняк', *dobrovoľní dar* 'вклад', *druh* 'друг, приятель', *hlásnik* 'ночной сторож', *letohrádok* 'летний дом; беседка', *mjenka* 'мнение, взгляд', *okres* 'округ, район', *plot* 'забор, ограда', *rukovet'* 'рукоятка', *smer* 'цель', *sporiteľna* 'сберегательная касса, сбербанк', *znoj* 'пот' и т. п., ср.: ...založila sa škola pre d'et'í chudobných *baňíkou (havjarou)* [SNN.

183]; ...že od min. roku prŕjmi za kŕihli a *dobrovolnje dari (prŕineski)* 1452 zl. 15 gr. vinášali [SNN. 46]; Úradŕítkou považujem za mojŕch vernŕch *druhou (prjat'elou)* [SNN. 64]; Eš't'e jedna hlavŕnja osoba dnešnej zábavi ostáva k opisaniu, a síce *hlásŕnik (ponočŕník)* [OT. 341]; Tu som sa t'ešiu na *letohrádku (letŕŕíku)* z kuorok stromovŕch vistavenom [SNN. 501]; Medzitŕm abi sa ustanovenje to čŕm lepšje pretrjaslo vivo-liu sa vŕbor, ktorŕ ho prezrjet' a <...> svoju *mjenku (domŕneŕnja)* o ŕom podat' má [SNN. 26–27]; J. Visost' <...> zavolau lud'ŕ z pet' blŕzkich *okresou (okruŕzjah)* [SNN. 192]; Pri *plot'e (parkaŕe)* mau učit'el svoju kvetŕnicu [SNN. 1012]; «Šablu si vezmem až po *rukovet' (drŕžadlo)*» [OT. 750]; Ludskŕ život sa objavuje vo dvoch podľa *smeru (cjelu)* rozličních základnŕch formách [OT. 306]; Nová *sporit'elna (úskrovŕnica)* [OT. 408] [заголовок]; ...že je ten plod *znojom (potom)* sedljaka pokropenŕ a virobenŕ [SNN. 44].

Среди синонимических пар или рядов, включающих диалектные лексические элементы, отметим črep (škrídlica) 'черепица', čuv (nerv) 'нерв', dohán (tabak) 'табак', drobŕnice (sipaŕnice, kjahŕe) 'ветряная оспа, ветрянка', havránka (olevrant) 'полдник', kračŕm (vjanocce) 'рождество', lulok (beljan) 'паслен', parobok (mlád'eŕec) 'парень', otava (kosjenki, mládza) 'отава', švábki (zemjaki, krumple) 'картошка', например: cirkev jeden alebo druhŕ bud'inok cirkevŕ dala črepom (šcrídlicou) pokrit' [SNN. 579]; Žŕjúce t'elo cít'i tjeta premenčivje sili spomenutej t'ekúcost'i, lebo on bezprostredne do postat'e čŕvou (nervou) preŕikajúč ŕch pohŕna [OT. 306]; Pred dvoma rokmi zdvihli sa v našom choťari novje malje osadi komorskje, ktorje majú dohán (tabak) dorábat' [SNN. 392]; ...a eš't'e r. 1840 zomrelo moc lud'ŕ na drobŕnice (kjahŕe) [SNN. 518]; Na druhŕ d'en zase bou kŕjeŕa u Sultána kd'e mu 4 svazki kŕŕh o štepeŕŕ drobŕŕc (sipaŕŕc) daruvau [SNN. 378]; ...že skoro kaŕŕdŕ pálenku sa popŕjat' naučiu. Pila sa <...> skoro celŕ d'en; na ráno, pred obedom, na obed'e, po obed'e, na havránki (olevrant), večer [SNN. 37]; Do kračŕma (vjanocce) ŕebud'e zimi [OT. 112]; ...kd'e do pálenki jednemu lulok (beljan) namešali [SNN. 1000];

* Заметим, что в указанные пары и ряды мы, естественно, включаем давно заимствованные словацким языком и укоренившиеся в нем слова латинского, немецкого или венгерского происхождения, например: nerv (лат.), dohán (венг.), krumple (нем.).

...teraz už nastala jasnejšja chvíla, a *otavi (kosjenki, mládze)* je, chvala Bohu, hojňe a pekňe sa zrába [SNN. 53]; Tak ňedávno istí mladí, udatní *parobok (mlád'eňec)*... v horách zamrznuv [SNN. 207]; ...ked' sa tento popis len po vikopaň *zemjakou (švábki, kromplou)* zhotoví [SNN. 62].

Характерной чертой рассматриваемых синонимических соотношений является позиционная взаимозаменяемость поясняемых и поясняющих слов. Так, наряду с приведенными выше примерами нами зафиксированы в анализируемых текстах обратные соотношения, а именно: *perv (čuv)*, *sipaňice (drobňice)*, *olovrant (havránki)*, ср. также: *krám (sklep)* 'магазин' и *sklep (krám)*, *pšenica (žito)* 'пшеница' и *žito (pšenica)* и т. п. Другой существенный момент подобных синонимических пар и рядов заключается в том, что наряду с преобладающими общесловацкими или среднесловацкими лексическими элементами (например: *čter, dohán, mlád'eňec, mládza, perí 'губы' (gambi)* в них встречаются и слова, характерные для западнословацкой и восточнословацкой диалектных областей (например: *kameňec 'град' (hrad)*, *kužel* в значении 'прялка' (*praslica*), *otava (mládza)*, *pírka 'трубка' (fajka)*). При этом последние, так же как и первые, выступают не только как поясняющие синонимы, но и как объясняемые слова.

Все это, как нам кажется, не было случайностью. В этом мы усматриваем практическую реализацию нормализаторских усилий Штура и его соратников в области лексики. Для Штура, воспринимавшего словарный состав как «материю языка» (*hmotu řeči*), было характерно признание возможности и необходимости обогащения лексики нового литературного языка словами из разных словацких говоров (а не только из среднесловацких). Отмеченная выше практика позволяет предположить, что лексические элементы разных местных словацких говоров вносились в литературные тексты как функционально равноправные, что формирующаяся литературная норма в сфере словарного состава в известной мере отражала и учитывала территориальную дифференциацию словацких диалектов¹⁷. Кроме того, подобная практика – одно из проявлений недостаточной устойчивости и закреплённости лексической нормы литературного словацкого языка изучаемого периода, наличия в ней вариативных звеньев. Наконец, она свидетельствует о сознательной деятельности реформаторов и кодификаторов языка, направленной на сближение литературного идиома с живой народно-разговорной

речью, которая была для шутовцев основным источником пополнения литературной лексики. Ср. утверждение В. Бланара: «Народный язык стал для Штура и шутовцев основным источником литературного словарного состава»¹⁸.

Следует отметить, что судьба вводимых в литературные тексты диалектных слов была неодинаковой: некоторые из них прочно вошли в пласт литературной лексики словацкого языка (например: mládenec, mláďza, otava, praslica и т.п.), другие в литературном языке не закрепились, вышли из употребления (например: drobnice, havráňka, rírka и др.) или же оказались на периферии литературной лексики как слова устаревшие (например: čuv, dohán, grznár, krumpľe и др.). У некоторых слов претерпела изменение их семантическая структура. Так, в частности, слово čter утратило значение 'черепица', в современном литературном языке оно выступает со значениями: 1. 'осколок, черепок'; 2. '(цветочный) горшок'; 3. экспр., разг. 'череп'. Значение 'черепица' передается словами škridla, škridlica.

5. Наконец, более подробно проанализируем те случаи, когда значение вводимого в текст заимствованного наименования поясняется в скобках словацким словом или словосочетанием.

Предварительно отметим, что в шутовском литературном языке, в частности в текстах «Словацкой национальной газеты» и «Орла татранского», представлен значительный пласт разнообразной иноязычной лексики, в том числе таких иностранных слов, которые уже в то время имели международный характер, так как употреблялись во многих литературных языках. В определенной мере это объясняется тем, что по отношению к иностранным словам Штур как кодификатор занимал в целом достаточно трезвую, свободную от крайностей пуризма позицию. Как отмечал Я. Горецкий, «в шутовщине не было сильных пуристических тенденций»¹⁹. Применительно к этому разряду лексики принцип «чистоты языка» не абсолютизировался, более того, он дополнялся принципом целесообразности. Штур считал возможным использовать иностранные слова прежде всего в тех случаях, когда они уже были представлены в словацких говорах или в предшествующей словацкой письменной традиции, когда они служили для обозначения новых предметов, понятий и явлений и не замещали исконные словацкие слова. По его мнению, не нужно бояться заимствовать иностранные слова, особенно те, которые стали достоянием всех культурных народов, то есть так

называемые «европеизмы»²⁰. Вместе с тем Штур предостерегал от чрезмерного и функционально неоправданного употребления иностранных слов, усматривая в этом насилие над словацким языком и полагая, что это делает литературный текст непонятным для широкого круга читателей.

Здесь мы ограничимся рассмотрением вопроса о введении в литературные словацкие тексты одного разряда иностранных слов, а именно европеизмов – главным образом слов латинского и греческого происхождения, а также лексических заимствований из западноевропейских языков.

Можно выделить три основных способа их подачи в тексте:

а) введение слова в текст без каких-либо пояснений, например, *administrátor* [SNN. 998], *árenda* [SNN. 1023], *audiencia* [SNN. 996], *burokratia* [SNN. 1013], *civilisácia* [OT. 246], *demoralizácia* [SNN. 1012], *diktátor* [SNN. 83], *diktatúra* [OT. 283], *diletantism* [OT. 516], *emancipácia* [SNN. 995], *fabrikant* в значении 'изготовитель, производитель', а не 'владелец фабрики', как в современном словацком языке, ср.: *fabrikant dáždňíkov* [OT. 688] 'изготовитель зонтиков', *individuum* [OT. 484], *inšpektor* [SNN. 422], *intelligencia* [SNN. 1004], *kapitál* [OT. 408], *kommentár* [OT. 444], *konstitúcia* [SNN. 1037], *materialism* [OT. 619], *meteorologia* [OT. 415], *obskurantismus* [OT. 221], *opposícia* [SNN. 1003], *pedanteria* [SNN. 384], *propaganda* [SNN. 382], *reprezentant* [OT. 230], *revolúcia* [SNN. 1007], *revolucionár* [OT. 371], *separatism* [SNN. 1042], *sistém* [OT. 597], *tribúna* [SNN. 389], *usurpator* [OT. 328] и многие другие.

б) С использованием пояснений в самом тексте, но без скобок: значение заимствованного слова разъясняется посредством развернутого толкования или при помощи словацкого синонима в сноске, ср.: 1) *Sporit'el'nice zakladajú sa <...> na akcie** [SNN. 77] – в сноске дается толкование: *Akcie sú účastnje list'ini, ktorými sa ích odberat'el k zaplat'eniú istež summi k dajakjemu ústavu alebo predsavzat'ú prjemisel'nemu potrebnej zavazuje*; 2) Приводится заголовок: *Patriotism** [OT. 405] – в сноске: *Vlast'eňectvo*. Данный способ используется крайне редко.

в) С использованием пояснений в скобках. При этом реализуются разные приемы «скобочной практики». Иногда в скобках дается толкование заимствованного слова, ср.: *Zo všetkých krajou zeme prichádzajú vislanstvá za amnestiu (odpust'eňja politickým*

prjestupníkom) [SNN. 466]; Ak *aristokratia* (viššje bohatšje zemjanstvo) i nad'alej v tomto klamovom domneňi svoje vimislenuo š'test'ja nachodit' něchce... [SNN. 320]; ...a je na to dozret' povinná, či je vídavok docela podľa *budgetu* (*peňjaze, ktorje sa k ročítjemu vídavku krajinskjemu a k udržáňu*kráľovskej rod'ini od komori ustanovujú*) sporjadaní [OT. 114]; ...muože sa celoročňi osoh spoločnosťi rátať v najhoršom prípadku na 20 000 zl. str. a *dividenda* (t. j. častka, ktorá každjemu údovi zo spolku pripadňe) na 9 5/16 zl. od sta [SNN. 122]. В других случаях значение заимствованного наименования раскрывается при помощи иноязычного эквивалента, ср.: *municipálna garda* (policia) [SNN. 1071], *katalog* (lajster) [SNN. 497], *kaučug* (*gummi elasticum*) [SNN. 119], *prefekt* (*le préfet*) и др.

Все же основным, наиболее распространенным приемом объяснения или уточнения, спецификации значения малоизвестного или нового иностранного слова является постановка в скобках соответствующего словацкого слова или словосочетания, например: *akcia* (účasťina) [SNN. 77], *ambassadeur* (posol krajinskí) [SNN. 915], *assistencia* (pomoc) [SNN. 3], *bureaukratia* (úradníctvo) [SNN. 1119], *epocha* (doba, čas) [SNN. 96], *hegemonia* (náčelňíctvo) [SNN. 1120], *junta* (dočasná vláda) [SNN. 534], *junta* (rada národná) [SNN. 366], *kabinet* (vláda) [SNN. 200], *kompa* (čln prjevozní) [OT. 63], *kongress* (sňem) [SNN. 188], *materiál* (hmota) [OT. 55], *modell* (obrazec) [SNN. 71], *pantheism* (všebožstvo) [OT. 58], *privilegia* (vísadi) [SNN. 1138], *reforma* (obnova) [SNN. 569], *repraesentant* (zástupca) [OT. 436], *strategika* (vojenská nauka) [SNN. 296], *villa* (letohrádok) [SNN. 112] и т. п. Ср. также несколько текстовых примеров: ...abi Poljakom a Talianom *amnestiu* (*odpust'eňja*) oznámiu [SNN. 1092]; Akokolvek, národu německjemu ša to musí dat', že on ducha ľudskjeho na tje najsubtíľnejšje *atomi* (*čjastočki*) rozobrau [OT. 412]; Doktorí hamuvaňja obchodu skrze *monopoli* (*vútvornuo právo*) cjech za odpornuo terajšjemu duchu času... považovali [SNN. 134]; Slávne Stavi naše hlboko pohnutje tímto prípadkom <...> vistrojili pokornú *representáciu* (*prosbu*) pred Jeho s. k. ap. Jasnosť <...> [SNN. 28].

Слова, относящиеся к данному разряду иноязычной лексики, благодаря семантической соотносительности со словацкими словами и словосочетаниями и образованию более или менее устойчивых

синонимических пар входили в тесное взаимодействие с лексической системой словацкого языка и довольно легко приспособлялись к ней. Как одно из проявлений такого взаимодействия можно рассматривать, в частности, случаи метафорического употребления заимствованных слов, возникновение у них переносного значения. Приведем только один, на наш взгляд, достаточно яркий пример: «Ďnes už tretí d'en rokuje, dva prvje dñi sa *galleria* (*poslucháči*) t'icho zdržala, žjadam to aj teraz» [SNN. 1017]. Здесь одно из прямых значений слова *galleria* (итальянского происхождения) – 'верхний ярус, балкон' послужило основой метафоры и возникновения переносного значения 'слушатели верхнего яруса, публика на балконе', ср. аналогичное значение в русском переводе: «...два первых дня галерка вела себя тихо...». Примечательно, однако, что современные словацкие словари переносное значение анализируемого слова не отмечают, ср.: *galéria* «1. zbierka obrazov, sôch a i. umel. predmetov; budova, v kt. je taká zbierka... 2. najvyšše rady sedadiel v divadle ap.: <...> 3. stlpová chodba nad prízemím, ochodza» [KSSJ]; 1. (v rôznych významoch) галерея: <...> 2. div. последний ярус, hovor. галерка» [VSRS].

Иногда рассматриваемые парные соотношения носят явно окказиональный характер (на фоне более регулярных и устойчивых) и свидетельствуют скорее о субъективном образно-метафорическом восприятии данного денотата, ср., например, разные словацкие соответствия, приводимые в скобках к слову латинского происхождения *tribúna* в значении 'возвышение для оратора, трибуна, кафедра': *Vislaňec za vislancom vind'e na tribúnu* (*rečnícku stolicu*) a čfta... zprávu vŕboru [SNN. 462]; ...*vistúpiu na rečenú tribúnu* (*studňu*) *Mogavän Herrman* [OT. 729]. В первом случае представлена вполне закономерная синонимическая пара *tribúna* – *rečnícka stolica* ('ораторская) кафедра', во втором – необычное соотношение *tribúna* – *studňa* 'колодец'.

Взаимодействие европеизмов с исконно словацкой лексикой проявляется также в том, что они, как отмечалось выше, используются для раскрытия или уточнения значения словацких наименований, например: *Sñem určje každí rok počet príjmov a výdavkov* (*budget*) [OT. 723]. Ср. зафиксированные нами следующие синонимические пары: *dozorca* – *inšpektor* [SNN. 140], *obnova* – *reštaurácia* [SNN.

1160], odpust'eňja – amnestia [SNN. 426], vŕlučn obchod – monopol [SNN. 580], zujem – interest [OT. 429] и др. Думается, что широкое использование европеизмов в позиции объясняемых и объясняющих слов способствовало их освоению литературным словацким языком (ср., в частности, совр. amnestia, archv, barikda, historia, medicna, monarchia, revolcia).

Анализируемый разряд заимствованных слов составлял в штуровский период значительную часть новой лексики формирующегося литературного словацкого языка. Правда, установление степени новизны того или иного слова для определенного периода истории литературного языка, времени первой его фиксации в литературных текстах – задача крайне сложная. Одним из необходимых условий ее адекватного решения является исчерпывающее исследование лексики данного языка в литературе предшествующего периода²¹ и ее описание в лексикологических и лексикографических трудах. В этом отношении материал словацкого языка обследован еще недостаточно, хотя в ряде работ имеются важные и интересные наблюдения о динамике словарного состава и истории отдельных слов (см., в частности: Blnr²²; Кондрашов²³; Nabovtiak²⁴, Nabovtiakov²⁵, Dorul'a²⁶). Пока нет полного описания словарного состава, отраженного в словацкой письменности долитературного периода. Однако некоторые наблюдения в этом плане, пусть и предварительного характера, все же можно сделать. Список выявленных нами европеизмов, которые приводились с объяснениями в скобках, мы проверили по двум фундаментальным словарям, вышедшим в свет до языковой реформы Штура, – «Словацкому чешско-латинско-немецко-венгерскому словарю» А. Бернолака²⁷ и «Чешско-немецкому словарю» Й. Юнгмана²⁸ и получили следующие результаты: из 60 таких слов в словаре Бернолака не отмечено 52 слова, в словаре Юнгмана – 32. Таким образом, даже по сравнению со словарем Юнгмана, который оказал заметное влияние на формирование лексики литературного словацкого языка эпохи национального возрождения, в частности, как посредник заимствования иностранных слов, в обследованных текстах представлено значительное число новых европеизмов, в том числе album, ambassador, amnestia, budget, burokratia, corvetta, deputcia, diktatra, dividend, epocha, garda, hegemonia, junta, katalog, kongress, monopol, prefekt, reprezentant,

statárium, tribúna, tunnel, villa. Кроме того, в словаре Бернолака не были зафиксированы слова akcia, assistencia, atheista, atom, balet, banka, charta, kabinet, materiál, reforma и др. (в нем отмечено лишь восемь слов из нашего списка). Даже такой небольшой материал позволяет думать, что в шуруповщине данный разряд иностранных слов был более многочисленным, чем в бернолаковщине. Это наблюдение дополняет сделанный нами ранее вывод о том, что в шуруповском литературном языке по сравнению с бернолаковским более широко употреблялись отвлеченные имена существительные на *-ost'*, которые были мотивированы славянизированными основами, производными от иностранных слов, типа *abstraktnost'*, *elegantnost'*, *ideálnost'*, *logičnost'*, *schematickost'*²⁹.

Вместе с тем следует учитывать, что, хотя в текстах шуруповского периода рассматриваемые европеизмы действительно могли восприниматься как новые, это еще не означает их объективной новизны для того времени в плане истории словацкого языка. Дело в том, что некоторые из них зафиксированы в недавно опубликованном «Историческом словаре словацкого языка» [HSSJ], который отражает лексику словацкой письменности долитературного (добернолаковского) периода. В его первых двух томах указаны, в частности, следующие слова: *akcia*, *amnestia*, *asistencia*, *banka*, *deputácia*, *katalóg*, *materiál*, иллюстрируемые примерами из памятников XVII–XVIII вв.

6. Понимая необходимость и важность единого литературного языка словаков, основанного на родной народно-разговорной речи, Штур и его сподвижники немало делали для его внедрения в различные сферы общественно-культурной коммуникации, для совершенствования его выразительных средств. Они видели в нем важнейшее орудие просвещения народа, консолидации словацкой нации, развития духовной культуры словаков. При этом, естественно, большое внимание уделялось развитию и обогащению словарного состава шуруповщины. В этом контексте несомненный интерес представляет охарактеризованная выше «скобочная практика», реализованная в хроникально-публицистических и художественных текстах «Словацкой национальной газеты» и «Орла татранского».

²⁹ Подобная практика имела место и в некоторых других изданиях шуруповского периода (примеры этого см. в вышеназванной книге Н. А. Кондрашова).

Она свидетельствует о сознательных усилиях словацкой интеллигенции, направленных на практическое осуществление нормализаторских установок Штура и его последователей в области словарного состава, на обогащение литературной лексики как местными диалектными словами, так и иностранными словами. Именно с этой целью использовались в то время различные способы и приемы раскрытия или уточнения лексического значения малоизвестных или новых слов, в частности посредством их своеобразного внутритекстового комментария, даваемого в скобках (при помощи толкования на словацком языке, подбора иноязычных эквивалентов или словацких синонимов, а также путем комбинирования этих приемов). Вместе с тем разнообразный лексический материал, вводимый в тексты с пояснениями в скобках, отражает также объективную динамику в сфере формирующегося литературного словарного состава и показывает, что система норм, кодифицированных Штуром, «с самого начала была в движении»³⁰. Поэтому данный материал представляет интерес также в общем плане изучения тенденций развития лексики литературного словацкого языка.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Pauliny E.* Dejiny spisovnej slovenčiny od začiatkov po súčasnosť. Bratislava, 1983, s. 175.

² *Смирнов Л. Н.* О штуровской концепции литературного словацкого языка // *Studia Slavica.* К 80-летию Самуила Борисовича Бернштейна. М., 1991, с. 221–228.

³ См. об этом: *Kondrašov N. A.* Vznik a začiatky spisovnej slovenčiny. Bratislava, 1974, s. 85–187.

⁴ *Kondrašov N. A.* Op. cit., s. 189. *Pauliny E.* Op. cit., s. 182.

⁵ *Štúr L'.* Dielo. I. Bratislava, 1986, s. 277.

⁶ *Bartek H. L'.* Štúr a slovenčina // *Štúr L'.* Nárečie slovenské alebo potreba písania v tomto nárečí. Turčiansky Sv. Martin, 1943, s. 368–370

⁷ *Horecký J.* K charakteristike štúrovského lexika // *Linguistica Slovaca.* Roč. 4–6. Bratislava, 1946–1948, s. 291, 294–297.

⁸ *Kondrašov N. A.* Op. cit., s. 192–193, 196, 205–206, 211–224.

⁹ *Смирнов Л. Н.* Формирование словацкого литературного языка в эпоху национального возрождения (1780–1848) // Национальное возрождение и формирование славянских литературных языков. М., 1978, с. 148.

¹⁰ *Pauliny E.* Op. cit., s. 186.

¹¹ *Horecký J.* Op. cit., s. 295.

¹² Бобкова И. В. Приемы комментирования лексем в текстах разновременных изданий «Синописа» (конец XVII – начало XIX в.) // История структурных элементов русского языка. М., 1982, с. 56–67.

¹³ Николова Т. Наблюдения върху обясняването на думи и словосъчетания чрез варианти и синонимни облици в езика на Йордан Хаджиконстантинов (см. краткое изложение этой работы: М. Райкова. Ежегодна научна сесия на Института за български език, посветена на научното дело на чл.-кор. проф. К. Мирчев и проф. Ст. Стойков) // Български език, 1992, кн. 5, с. 458.

¹⁴ Иванова Д. Българският периодичен печат и гравивните книжоезикови процеси през Възраждането. Пловдив, 1994, с. 133–136.

¹⁵ Kondrašov N.A. Op. cit., s. 251.

¹⁶ Ibidem.

¹⁷ Habovštiaková K. Slovná zásoba spisovnej slovenčiny z vývinového hľadiska. Nitra, 1987, s. 26.

¹⁸ Blanár V. Jazykovedné dielo L'udovíta Štúra v slovenskom a slovanskom kontexte // Slavica Slovaca, 1993, č. 1–2, s. 11.

¹⁹ Horecký J. Op. cit., s. 282.

²⁰ Horecký J. Op. cit., s. 285.

²¹ Венедиктов Г. К. К изучению истории лексики современного болгарского литературного языка // Славянское и балканское языкознание. Проблемы лексикологии. М., 1983, с. 5.

²² Blanár V. Zo slovenskej historickej lexikológie. Bratislava, 1961.

²³ Кондрашов Н. А. Неологизмы штуровской эпохи // Acta Facultatis Philosophicae Universitatis Šafarikanae Prešovensis. Jazykovedný zborník. Bratislava, 1969, с. 75–83.

²⁴ Habovštiak A. Slovná zásoba stredoslovenských nárečí a spisovná slovenčina // Jazykovedné štúdie. XII. Peciarov zborník. Bratislava, 1974, s. 276–283.

²⁵ Habovštiaková K. Op. cit.

²⁶ Dorul'a J. Tri kapitoly zo života slov. Bratislava, 1993.

²⁷ Bernolák A. Slowár Slowenský, Česko-Lat'insko-Německo-Uherský. I–VI. Budaе, 1825–1827.

²⁸ Jungmann. Slovník česko-německý. I–V. Praha, 1835–1839.

²⁹ Смирнов Л. Н. Словообразовательные типы Nomina abstracta attributivitas в литературном словацком языке эпохи национального возрождения // Исследования по словацкому языку. М., 1992, с. 48–51.

³⁰ Pauliny E. Op. cit., s. 191.

ИСТОЧНИКИ

- Sl.B. – *Bernolák A.* Slowár Slowenský, Česko-Lat'insko-Ňemecko-Uherský. I–VI. Budae, 1825–1827.
- Fándly. Roz. – *Fándly Juraj.* Rozprávky rozmarné i poučné. Bratislava, 1973.
- HSSJ – Historický slovník slovenského jazyka. Bratislava, 1991, I. A–J; 1992, II. K–N.
- Hollý. C.-M. – *Hollí Jan.* Cirillo-Metodiada. Trnava, 1950.
- Hollý. En. – *Hollí Jan.* Virglioia Eneida. Trnava, 1950.
- Hollý. Na sl. nár. – *Hollý Ján.* Na slovenský národ (Selanky, Rozličné básne, Žalospevy a Pesne). Bratislava, 1957.
- Hollý. Sláv. – *Hollí Jan.* Sláv. Bájosloví. Trnava, 1950.
- Hollý. Sv. – *Hollí Jan.* Svatopluk. Trnava, 1950.
- Hodža. D. Sl. – *Hodža M. M.* Dobruo slovo Slovákcom, súcim na slovo. V Levoči, 1847. (Reedficia: Bratislava, 1970).
- Hurban. Sl. – *Hurban J. M.* Slovensko a jeho život literárny. Bratislava, 1972.
- Kalinčiak. Rešt. – *Kalinčiak Ján.* Reštavrácia. Turč. Martin, 1950.
- KSSJ – Krátky slovník slovenského jazyka. Bratislava, 1987.
- OT – Orol Tatránski. V Prešporuku. Roč. I–III, 1845–1848. (Reedficia: Bratislava, 1956).
- SNN – Slovenskje národňje novini. V Prešporuku, 1845–1848. (Reedficia: Bratislava, 1956).
- Sl.Pohl. – Slovenskje pohladi na vedi, umeňja a literatúru. V Skalici, 1846–1852.
- SSJ – Slovník slovenského jazyka. I–VI. Bratislava, 1959–1968.
- VSRS – Vel'ký slovensko-ruský slovník. I. diel. A–K. Bratislava, 1979.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

Список работ автора, посвященных рассматриваемой в монографии проблематике.

1. У истоков словацкого литературного языка (обзор новейшей литературы о языковой деятельности А. Бернолака) // Краткие сообщения Института славяноведения. Вып. 43. 1965, с. 85–94.

2. Антон Бернолак // Славянское источниковедение. М., 1965, с. 138–145.

3. О роли Антона Бернолака в истории словацкого литературного языка // Вопросы языкознания. 1969, № 6, с. 103–113.

4. О роли А. Бернолака в истории словацкого литературного языка // Славянские литературные языки в донациональный период (Тезисы докладов). М., 1969, с. 18–19.

5. Конференция по истории славянских литературных языков донационального периода // Советское славяноведение, 1969, № 6, с. 112–115.

6. Рец. на кн.: *K. Habovštiaková. Bernoláckovo jazykovedné dielo*. Bratislava. 1968. 445 s. // Советское славяноведение, 1971, № 5, с. 98–100.

7. О роли культурных интердиалектов в процессе формирования славянских литературных языков // Славянские культуры в эпоху формирования и развития славянских наций (XVIII–XIX вв.). Тезисы докладов и сообщений. М., 1974, с. 30–31.

8. Вопрос о словацком литературном языке на разных этапах национального возрождения // Формирование национальных культур в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., Наука, 1977, с. 193–203.

9. Формирование словацкого литературного языка в эпоху национального возрождения (1780–1848) // Национальное возрождение и формирование славянских литературных языков. М., Наука, 1978, с. 86–157.

10. О роли культурных интердиалектов в процессе формирования славянских литературных языков // Славянские культуры в эпоху формирования и развития славянских наций XVIII–XIX вв. М., Наука, 1978, с. 116–121.

11. О роли реформы М. М. Годжи-Гатталы в истории словацкого литературного языка // Славянское и балканское языкознание. М., Наука, 1979, с. 232–245.

12. Формирование национальных литературных языков зарубежных славян (совм. с Г. К. Венедиктовым) // Комплексные проблемы истории и культуры народов Центральной и Юго-Восточной Европы. М., Наука, 1979, с. 119–128.

13. О языковом аспекте формирования нации // Формирование наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. М., Наука, 1981, с. 95–101.

14. Отражение в литературно-языковой сфере борьбы за консолидацию словацкой нации // Формирование наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. М., Наука, 1981, с. 197–211.

15. О словообразовательной вариативности отвлеченных существительных в литературном словацком языке на начальном этапе его развития // Славянское и балканское языкознание. Проблемы лексикологии. М., Наука, 1983, с. 38–54.

16. Рец. на кн.: В. К. Журавлев. Внешние и внутренние факторы языковой эволюции. М., Наука, 1982 // Вопросы языкознания, 1984, № 6, с. 148–151.

17. О начальном этапе формирования литературного словацкого языка // Slavica Tartuensia II. Тарту, 1988, с. 59–68.

18. Деятели словацкого национального возрождения (рец. на кн.: E. Jóna. Postavy slovenskej jazykovedy v dobe štúrovej. Bratislava, 1985. 172 s. // Информационный бюллетень (МАИРСК). Вып. 18. М., 1988, с. 53–56.

19. Этническое самосознание словаков в свете лингвистических данных // Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху зрелого феодализма. М., Наука, 1989, с. 245–255.

20. О месте литературного идиома в стратификационных моделях национального языка // Социальная стратификация языка (материалы межвузовской конференции). Пятигорск, 1989, с. 49–52.

21. О шутовской концепции литературного словацкого языка // Studia Slavica. К 80-летию С. Б. Бернштейна. М., Наука, 1991, с. 221–228.

22. Вклад Людовита Штура в формирование словацкого литературного языка // Людовит Штур и его время. М., ИСБ РАН, 1992, с. 42–59.

23. К 175-летию со дня рождения Людовита Штура // Людовит Штур и его время. М., ИСБ РАН, 1992, с. 3–4.

24. Словообразовательные типы *Nomina abstracta attributivitatís* в литературном словацком языке эпохи национального возрождения // Исследования по словацкому языку. М., ИСБ РАН, 1992, с. 34–80.

25. К истории перевода Библии на словацкий язык // Информационный бюллетень (МАИРСК). Вып. 26. М., 1992, с. 47–59.

26. К вопросу об интердиалектной основе современного болгарского литературного языка // Болгарская культура в веках. Тезисы докладов научной конференции. М., 1992, с. 45–47.

27. Изучаем наследие Людовита Штура // Информационный бюллетень (МАИРСК). Вып. 23–24. М., 1992, с. 117–121.

28. Литературный словацкий язык эпохи национального возрождения: теоретические проблемы становления и развития // Славянское языкознание. XI Международный съезд славистов. Братислава, сентябрь 1993 г. Доклады российской делегации. М., Наука, 1993, с. 136–151.

29. О первом переводе Библии на словацкий язык // Philologia slavica: К 70-летию академика Н. И. Толстого. М., Наука, 1993, с. 401–409.

30. Демократизация литературного языка словаков в эпоху национального возрождения // Диахроническая социолингвистика. М., Наука, 1993, с. 60–72.

31. Ян Коллар и формирование словацкого литературного языка // Ян Коллар – поэт, патриот, гуманист. М., ИСБ РАН, 1993, с. 25–41.

32. Литературный словацкий язык эпохи национального возрождения: теоретические проблемы становления и развития // XI. Medzinárodný zjazd slavistov. Zborník resumé. Bratislava. Veda, 1993, s. 211–212.

33. О некоторых актуальных проблемах истории славянских литературных языков эпохи национального возрождения // Историко-культурные и социолингвистические аспекты изучения славянских литературных языков эпохи национального возрождения. Тезисы докладов международной конференции. М., 1993, с. 54–57.

34. О роли переводов Библии в становлении и развитии литературных славянских языков эпохи национального возрождения // Переводы Библии и их значение в развитии духовной культуры славян. Санкт-Петербург, 1994, с. 147–152.

35. Традиционное и новое в опытах кодификации норм литературного словацкого языка периода его становления // Традиция и новые тенденции в развитии славянских литературных языков: проблема динамики нормы. Тезисы докладов международной научной конференции. М., ИСБ РАН, 1994, с. 41–44.

36. О роли иностранных слов («европеизмов») в развитии лексики шутовского литературного языка // Slavica Slovaca. 1995, № 2.

37. Место и роль «Словаря» Антона Бернолака в истории словацкой лексикографии // Словарь и культура. К столетию с начала публикации «Словаря болгарского языка» Н. Герова. Материалы международной научной конференции (Москва, ноябрь 1995). М., ИСБ РАН, 1995, с. 40–42.

38. Мартин Гаттала (1821–1903) // Славяноведение, 1997, № 1, с. 121–124.

39. Из истории словацкого литературного языка // Славяноведение, 1998, № 3, с. 23–29.

40. Заметки по словацкой исторической лексикологии // Слово и культура. Т. I. Памяти Н. И. Толстого. М., 1998, с. 264–271.

41. Об изучении истории литературных славянских языков эпохи национального возрождения // Славянские литературные языки эпохи национального возрождения. ИС РАН. М., 1998, с. 22–39.

42. О месте «Словаря» Антона Бернолака в истории словацкой лексикографии // Славистический сборник. В честь 70-летия профессора П. А. Дмитриева. Санкт-Петербург, 1998, с. 201–208.

43. Из наблюдений над лексикой литературного словацкого языка шутовского периода // Славянское и балканское языкознание. Проблемы лексикологии и семантики. Слово в контексте культуры. М., 1999, с. 137–160.

44. Традиционное и новое в опытах кодификации норм литературного словацкого языка периода его становления // Проблемы славянской диахронической социолингвистики. Динамика литературно-языковой нормы. М., 1999, с. 68–105.

45. Об общекультурном значении славянских библейских переводов // Роль библейских переводов в развитии литературных языков и культуры славян. Тезисы докладов международной научной конференции. М., 1999, с. 58–61.

46. О начальном этапе истории переводов Библии на словацкий язык // I Славистические чтения памяти профессора Г. И. Сафронова. Материалы международной научной конференции 12–14 сентября 1999 г. Санкт-Петербург, 1999, с. 99–100.

47. Заметки по словацкой исторической лексикологии. 2 // Folia slavistica. Рале Михайловне Цейтлин. ИС РАН. М., 2000, с. 109–114.

48. К дискуссии о «начале» истории литературного словацкого языка // Slavica Slovaca, 35, 2000, č. 2, s. 141–149.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие.....	3
<i>Глава 1. Становление и развитие словацкого литературного языка в эпоху национального возрождения (1780 –1848).....</i>	<i>5</i>
<i>Глава 2. О начальном этапе становления литературного словацкого языка.....</i>	<i>77</i>
<i>Глава 3. О диалектной основе словацкого литературного языка.....</i>	<i>93</i>
<i>Глава 4. Словообразовательная вариативность отвлеченных существительных в литературном словацком языке на начальном этапе его развития.....</i>	<i>105</i>
<i>Глава 5. Словообразовательные типы nomina abstracta attributivitatis в литературном словацком языке эпохи национального возрождения.....</i>	<i>128</i>
<i>Глава 6. Развитие лексики литературного словацкого языка штуровского периода.....</i>	<i>173</i>
Источники.....	199
Приложение.....	200

Лев Никандрович Смирнов

СЛОВАЦКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК
ЭПОХИ НАЦИОНАЛЬНОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ

Научное издание

Ответственный редактор
доктор филологических наук Г. К. Венедиктов

ИД № 01574 от 17 апреля 2000 г.

Подписано в печать 17 апреля 2001 г. Усл. печ. л. 12,5.
Тираж 250 экз. Заказ № 68. Цена договорная.

Типография ИПТК «Логос» ВОС 120164
Москва, Маломосковская, 8

81401

RU